

А. Ф. РЯЗАНОВ.

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ.

== ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ==

Издание журнала „Вестник Просвещенца“.

ОРЕНБУРГ

Гос. типо-литография ГСНХ

1928

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпуская в свет означенную работу, мы считаем, что такое издание является вполне своевременным. Для всех интересующихся историей Оренбургского края, вопросами колонизации восточных окраин, историей казачества, историей борьбы восточных народностей за национальную свободу,—будет ли это советский работник, или партийный, шкраб, или ученый историк, данная книга должна будет оказать своими материалами несомненную пользу. Само положение Оренбургского края, являвшегося „воротами в Среднюю Азию“, в своем историческом прошлом, территорией развернутого наступления русского империализма на рынки и сырьевые богатства восточных народов, а также бывшего ареной могучей классовой войны, исходным пунктом Пугачевского восстания—говорит о желательности такого труда.

Автор на основании авторитетных источников с достаточной полнотой вскрывает все методы покорения самодержавным Российским государством народностей, населявших и населяющих Оренбургский край, начиная с системы открытых военных походов, зверских репрессий, подкупа ханов и правителей до натравливания одной национальности на другую. Кровавые дороги русского империализма, прошедшие через Оренбургский край, должны быть известны нашим партийно-советским работникам в целях практической политики сегодняшнего дня. Действительное равенство всех национальностей, братский союз народностей, процветающий под знаменем диктатуры пролетариата, давшие свои первые плоды на фронте социалистического строительства, сильнее будут крепнуть и расти, если видеть заживающие раны, нанесенные проклятым прошлым.

В целях же практической пролетарской политики в казачьем вопросе также необходимо знать и историю Оренбургского казачества, отличную во многом от истории других казачьих войск, ибо по выражению автора: „Оренбургские казаки никогда не знали вечевского устройства вольных казачьих общин“ и того широкого демократизма, которым был проникнут общественный строй „вольного казачества“. Переводя это на язык сегодняшнего дня, трудовое казачество только при Советской власти впервые в лице Советов крестьянских и казачьих депутатов получает необходимые политические свободы и развертывает трудовую энергию в условиях Советской демократии, приобщившись со всеми трудящимися к социалистическому строительству. Власть старшин, атаманов и урядников, угнетавших трудовое казачество и делавших казачество оплотом русской колонизаторской политики и орудием расправы самодержавия над трудящимися, вместе с уничтоженной царской властью, сбежала, как черные тени, с лица трудового казачества, перерождающегося в Советской действительности в истинных сподвижников пролетариата в трудовом героизме наших дней.

Развитие в прошлом народного хозяйства в нашем крае и земельные отношения в своей истории также должны составить интерес и для сегодняшнего дня. Вот почему нам кажется, что эта книга должна доказать свою полезность.

Для историка данный труд не лишен интереса и потому еще, что помимо печатных источников автором использованы данные Оренбургского архива, представляющего по своим материалам большую историческую ценность.

Оренокр. № 60 от 30 августа 1928 г.

Тираж 2000 экземпляров.

Особо об этой книге следует сказать нашим школьным работникам. Ориентируя школьные программы на краеведческий материал, мы постоянно сталкивались с требованием печатных материалов о нашем крае. Не суля журавля в небе, мы даем первую синицу в руки. Книга А. Ф. Рязанова пусть послужит вам пособием в этом деле. Но предлагая вниманию педагога эту книгу, мы хотели бы предостеречь его от возможности ошибок при ее использовании.

Во-первых, было бы грубой ошибкой историю Оренбургского края оторвать от единого исторического процесса России и преподнести, как нечто самостоятельное и изолированное. Здесь в полной мере должна быть соблюдена увязка с программами ГУС'а, их методическими указаниями и должна быть соблюдена органическая цельность исторических процессов России в передаче учащимся.

Этой же книгой будут пользоваться и учащиеся. Дело школьного работника научить взять из нее все нужное, избегая перегрузки, т. е. использование учащимися книги в целом, без пользы для дела, может отнять у них время и запутать ненужными подробностями. Нужно при использовании книги точно сказать, что взять, а что исключить.

В части развития колонизаторской политики самодержавия следует избежать оценки Оренбургских губернаторов, как самостоятельных политиков, и политику самодержавного государства не подменить „историей Оренбургских губернаторов“, историей личностей, вместо политики и тактики торгово-промышленных классов, определивших линию поведения самодержавия. Короче говоря, надо избегать обзоров с Оренбургской колокольни, а исходить опять же из истории русского самодержавия. Используемый материал должен остаться лишь подсобным материалом к истории классовой борьбы в России, но отнюдь не самодовлеющим.

С точки зрения воинствующего марксизма, несомненно, может оказаться ряд недостатков в этой книге, так как сам автор не до конца еще сошел на марксистские позиции. Но подобную эволюцию он совершает добросовестно. Весьма возможно, что пропущенное общей редакцией, может оказаться заметным для глаз читателя, в частности историка-марксиста и школьного работника. В этом смысле, весьма желательны указания со стороны читателей, и редакция будет весьма благодарна им. Но и в том виде, как издается эта книга, мы надеемся на ее радужный прием.

Автор хороший знаток нашего края и объективный исследователь. Его перу принадлежит ряд интереснейших работ по истории казакского народа, очерков о нашем крае, нашедших своего читателя.

Мы рассчитываем на то, что данная книга найдет читателя не только в Оренбургской губ., но и в Казакской и Башкирской республиках, т. е. Оренбургский край, до образования в собственном смысле Оренбургской губернии, охватывал значительную долю территорий, включенных сейчас в состав этих республик, да и в смысле истории народов этих республик, данная книга сообщает массу интереснейших исторических фактов, особенно в их борьбе с гнетом самодержавного колонизаторства.

Редакция журнала „Вестник Просвещения“.

Гор. Оренбург.
10-го сентября 1928 г

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

ГЛАВА I-я.

Оренбургский край и его историческое значение. — Первоначальные обитатели края и памятники их культур. — Археологические находки в крае. — Великое переселение народов. — Башкиры. — Калмыки. — Казаки. — Русская колонизация края в XVI—XVII в. — Башкирские восстания до начала XVIII.

1. Оренбургский край и его историческое значение. Оренбургский край получил свое название от гор. Оренбурга, первоначально построенного в 1735 году при устье реки Ор, впадающей в Урал (ныне г. Орск). В 1743 г. этот город был перенесен на настоящее его место, после чего стал административным, торгово-промышленным и культурным центром края.

В 1744 г. Оренбургский край был преобразован в Оренбургскую губернию, в состав которой вошла вся юго-восточная окраина Европейской России, составляющая дореволюционные Оренбургскую и Уфимскую губернии, часть Самарской, часть Пермской, часть Ставропольской губерний, Буковскую орду, Тургайскую и Уральскую области, территорию Оренбургского и Уральского казачьих войск, т. е. почти всю современную БССР, западную часть КССР, а также часть автономной Калмыцкой области. Общее протяжение границ Оренбургской губ. простиралось на 6.000 верст. Границы эти были определены лишь на севере и на западе губернии, тогда как на юго-востоке они уходили в безграничные киргиз-кайсацкие степи.

Под управлением Оренбургского губернатора находились многие национальности финского, монгольского и тюркского племен, населяющие этот обширный край, и представители всех трех ветвей славянского племени — великороссы, малороссы и белоруссы; из финских

*) Читан в Оренбургском Отделе Русского Государственного Географического Общества.

племен—чуваши, вотяки, мордва, черемисы; из монгольских—калмыки; из тюркских—татары, башкиры и казаки (киргиз-кайсаки). Поселения этих чуждых по крови и стоящих на разных степенях культуры народов перемешивались друг с другом; поселения русских крестьян, ведущих земледельческое хозяйство, чередовались с поселениями башкир и калмыков, стоящих еще на невысокой ступени культуры и ведущих кочевой образ жизни. В силу национальных и политических антагонизмов, а также противоречия форм хозяйственной жизни этих народов, край пережил несколько столетий упорной и ожесточенной борьбы между ними. Начиная с XVII века и кончая второй половиной XIX века, здесь не раз вспыхивала борьба между аборигенами края и вновь пришедшими народами. В особенности эта борьба обострилась, когда русское правительство стало колонизировать край, подавляя аборигенов края, которые с оружием в руках отстаивали как свою национальную независимость, так и занимаемую ими территорию. История Оренбургского края с половины XVII до конца XVIII века является одной из самых жестоких и самых кровавых страниц русского царизма, под гнетом которого свободные племена башкир, калмыков и казаков не раз поголовно восставали против корыстолюбия и насилия царских воевод и губернаторов, но всякий раз терпели поражения от царских войск, расправлявшихся с ними самым суровым образом, не останавливаясь перед массовым истреблением населения края.

После двухвековой борьбы с башкирами, закончившейся в половине XVIII в., русское правительство вступило в борьбу с киргиз-казаками, которая окончилась покорением народа только в половине XIX в.

На ряду с вооруженной борьбой царского правительства с национальностями края, история края отражает постепенное проникновение на Восток русского торгового капитала, стремящегося захватить Средне-Азиатские рынки, а также и развитие промышленности, которая находила сбыт своих продуктов не только в крае, но и в далеких зауральских степях.

В XVIII веке Оренбургский край стал ареной одного из самых больших крестьянских восстаний—знаменитого Пугачевского восстания. Восстание Пугачева, благодаря примкнувшим к нему нацменам края—башкирам, калмыкам и киргиз-казакам, а также и рабочим уральских заводов, снабжавших ополчения Пугачева техническими средствами борьбы, в особенности артиллерией,—охватило огромный район и вышло далеко за пределы Оренбургского края.

Таким образом история Оренбургского края, отражая колониальную политику царского правительства на юго-восточной окраине, в то же время представляет собою для науки крупный интерес с точки зрения изучения экономических и торговых сношений России с Средне-Азиатскими странами, а также внутренних национальных и социальных отношений населения края.

Кроме того, с точки зрения исторической науки Оренбургский край, по своему географическому положению находящийся на рубеже Европы и Азии, приобретает всемирное значение, как „исторические врата народов“.

С доисторических времен, через эти „врата“ с востока на запад двигались бесчисленные кочевые народы; одни из них останавливались перед водным рубежом великой Волги и оседали на ее левом берегу на целые столетия; другие, преодолев этот рубеж, широкой лавиной устремлялись в южно-русские степи и, продолжая свой путь на запад, вторгались в пределы Западной Европы.

На ряду с этим человеческим потоком, который на юге края устремлялся с востока на запад в продолжении многих столетий до XIV в.,—на севере края уже с XI века наметилось обратное течение с запада на восток, начатое новгородскими ушкуйниками.

В XVI века это обратное движение в лице славянского племени приобретает все более агрессивный характер и через три века заканчивается великодержавным русским империализмом, который поработил своей тяжелой стопой не только леса и горы Башкирии, но и обширные степи Казакстана и далекий Туркестан.

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории края. Мы наблюдаем теперь раскрепощение угнетенных царизмом национальностей, которые стали свободны; они создали свои автономные национальные государства и приступили к созданию своей национальной культуры, братски сотрудничая в великом Союзе ССР.

2. Первоначальные обитатели Через Оренбургский край, как „исторические врата народов“, прошли очень многие народы, которые иногда оставались здесь по долгу, проходя первоначальные стадии культуры—каменный и медный века.

Бесчисленное множество курганов, городищ и могил, рассеянных по Оренбургским степям, по сыртам, по берегам рек и озер, являются немymi памятниками давно исчезнувших народов, обитавших в крае.

Самыми древними обитателями края, оставившими нам памятники своей культуры, были чудские (финские) племена, известные под общим баснословным названием „чудь“.

Переселившись в край из Азии, чудь принесла с собою свою первоначальную культуру. От нее осталось множество курганов, в которых этот народ хоронил своих покойников. Под влиянием того, что в чудских курганах на ряду со скелетами покойников находят и вещи их домашнего обихода, у русских поселенцев, пришедших в край уже в историческое время, сложилась легенда, что этот народ заживо похоронен в своих жилищах—курганах.

Чудские курганы имеют коническую форму; иногда они достигают нескольких сажен в высоту. В этих курганах помещаются чудские могилы, обычно выложенные камнем или жженым кирпичем. При раскопках в чудских могилах встречаются на ряду с каменными различные медные, серебряные и золотые изделия. Эти археологические находки свидетельствуют, что чудь не только знала об ископаемых богатствах края, но умела их добывать и обрабатывать. Особенно изобилуют чудские могилы памятниками каменного века позднейшей неолитической эпохи.

Выделка из камня оружия и домашних вещей (долота, топоры, наконечники стрел и копий) достигали у чуди большого искусства.

Достигнув полного расцвета в искусстве обрабатывать камень, чудь открыла способ добывать и плавить медь, почему в чудских могильниках каменные орудия перемешиваются с орудиями, сделанными из меди и бронзы. Уральские и Мугоджарские горы, богатые медною рудой, давали чуди неистощимые запасы металла.

В Оренбургском крае имеются чудские рудники, которые представляют собой узкие и глубокие ходы под землей, откуда рудокопы выбирали медную руду. Медь добывалась при помощи каменных долот, медных кирок и даже мотыг из оленьего рога. Для защиты рук при работе чудские рудокопы надевали рукавицы из шкурок с головы животных, засовывая большой палец в ухо, а остальные во внутрь головы. Иногда чудь плавila медную руду с примесью олова и таким образом получала бронзу.

Чудские копи имеются в окрестностях Оренбурга на берегу р. Бердянки, впадающей в Урал. По обилию находимых медных наконечников стрел и копий предполагают, что здесь когда то существовала чудская оружейная фабрика.

Чудь жила в укрепленных городах и достигла значительной степени культуры. Занимаясь земледелием и скотоводством, она вела торговлю с культурными странами, о чем свидетельствуют находки предметов персидской и греческой культуры, которые встречаются при раскопках чудских курганов. Так, например, при хищнической раскопке чудских курганов в с. Прохоровке Оренбургского уезда в 1911 г. были найдены два серебряных персидских блюда, времен династии Сассанидов (III и VI в. по Р. Х.), которые свидетельствуют о торговых сношениях чуди с Персией.

По мнению некоторых ученых (Флоринский, Самоквасов и др.) под „чудью“ следует подразумевать предков нынешних славян, Геродотовых скифов и сарматов, которые, выделившись из общей семьи арийских племен, в древности занимали области по р. Сыр-Дарье (Яксарту) и Семиречье, откуда и распространились со временем по территории Оренбургского края.

Другим памятником этого народа в крае являются названия рек, озер, гор и урочищ. Названия рек: Сакмара, Уфа, Ик, Уй, Увелька, Миас, Орь—все это слова не тюркского происхождения, оставленные чудью, между тем, как названия населенных пунктов: Бузулук, Стерлитамак и др., как появившихся позднее, свидетельствуют о своем тюркском происхождении и принадлежат нашим современникам башкирам.

Прошли века, и на смену чуди в наш край пришли другие народы.

Во II—IV-м веках Оренбургский край наводнили гунны, народ тюркского племени, пришедший из Азии. Главное ядро великого гуннского переселения проследовало по среднему и нижнему течению р. Урала, но его ветви распространились на всю лесостепь Башкирии.

Гунны покорили „чудские“ племена, которые отчасти были истреблены, отчасти перемешались со своими завоевателями, а частью были вытеснены на Запад.

Вслед за гуннами в VII—X веках в край пришли из Азии другие тюркские племена—печенеги, которые, вытеснив гуннов, в свою очередь были вытеснены отсюда тюрками; на смену тюркам пришли половцы.

Тюркские народы, населившие край, не насыпали курганов, подобно чуди, но они оставили в крае множество могил. Тюрки хоронили своих мертвецов в чудских курганах и отмечали их могилы грубыми каменными изваяниями. По обыкновению статуи

тюркских народов изображают мужчин с сосудами в руках,—эти статуи назывались „балба“, откуда, по предположению ученых, впоследствии произошли русские слова „болван“ и „баба“.

Предполагают, что вместе с гуннской волной народов в край пришли башкиры. По преданию самих башкир они пришли сюда за 16—18 поколений до нашего времени, что совпадает с показаниями арабских писателей—Массуди, Ибн Фодлана и Ибн Даста, которые указывают на присутствие башкир в крае в X веке.

Башкиры. Вопрос о происхождении башкир еще не вполне решен для нашего времени. Одни считают их угро-финнами, другие—народом тюркского племени, родоначальником современных мадьяр. Путешественники XIII в. называли Башкирию „Великой Венгрией“. Язык башкир имеет однородные корни с языком венгров. Насколько велико внешнее сходство башкир с венграми видно из того, что уральские казаки, участвовавшие в Венгерском походе в 1848 г., называли мадьяр „башкирами“.

Соседи башкир казак-киргизы называют их „остяк“, а русские „татарами“. Позднейшие исследования устанавливают весьма большое сродство башкир с татарами.

Масса башкирского народа неоднородна. Сами башкиры делят себя по родам: усерган, донгаур, бурзян и др. В зависимости от географических условий расселения башкиры различаются как по своему физическому типу, так и по роду промысла на степных и горных башкир. Тип башкира степняка отличается средним ростом, широким-плоским лицом, с выдающимся подбородком. Степные башкиры по преимуществу занимались скотоводством и водили огромные стада коней и верблюдов.

Горные башкиры, обитатели гор и лесов,—выше ростом, горбоносы, с продолговатым лицом и овальным выпуклым профилем.

Они занимались тоже скотоводством, но в более ограниченных размерах, и кроме того промыслили охотой и бортничеством.

Башкиры вели кочевой образ жизни и жили родовым строем.

Народом правили князья, власть которых была сильно ограничена народными с'ездами (джин). Каждый башкир, достигший совершеннолетия, пользовался на с'ездах правом голоса.

Появившись в крае, башкиры заняли своими поселениями и кочевками все пространство между р.р. Камой и Волгой до г. Самары, а оттуда на Оренбург и далее на восток по р.р. Уралу, Миясу,

Исети, Тоболу и Оби. На юге кочевья башкир распространялись до р. Эмбы. Вся страна, занятая башкирами, стала называться Башкирией.

Заняв Приуралье, башкиры вошли в торговые сношения с волжскими булгарами, от которых отчасти восприняли культуру и мусульманство, занесенные сюда арабами.

В XIII в. на Оренбургские степи распространилась власть Большой татарской орды, вышедшей из Средней Азии под предводительством Чингиз-хана. Башкиры вошли в состав татарской Орды. Они сумели установить со своими завоевателями настолько хорошие отношения, что татарские ханы оставили в неприкосновенности их быт и сохранили за ними все привилегии коренного населения в крае, в знак чего выдавали башкирским волостям особые тамги (түб).

Внук Чингиз-хана Батый основал Золотую Орду и распространил ее владения на северо-запад, покорив волжских булгар.

В XIV—XVI веке Золотая Орда распалась на части; из нее выделились три самостоятельных ханства: Казанское, Крымское и Касимовское на р. Оке.

В начале XVI в., после поражения, понесенного от Крымской Орды, Золотая Орда окончательно распалась и из ее обломков образовались новые ханства—Астраханское в низовьях Волги и Ногайская Орда, кочевавшая к югу от Башкирии, между р. Волгой и р. Уралом, на месте нынешней Буковской губернии. Столица ногайских ханов находилась в Сарайчике, на реке Урале, в 60-ти верстах от ее устья.

Ногайские ханы распространили свою власть на степных башкир. По преданию столица одного из ногайских князей находилась на урочище Ак-Тюба, на горе Маяк, близ города Оренбурга.

Часть башкир восточного склона Уральских гор подчинилась сибирским татарам; башкиры, населявшие пространства между Волгой и Камой, вошли в состав Казанского царства.

Находясь под властью татар в течение 300 лет, башкиры отчасти восприняли их культуру, но в массе остались на низкой степени развития, что главным образом и отличало их от татар. Башкиры не создали независимого государства, несмотря на свои превосходные военные качества, являлись данниками более организованных и предприимчивых соседей.

Калмыки.

В XVII в. в южную часть Башкирии и в кочевья ногайских татар вторглись новые выходцы из Азии. Это

были монгольские племена хошоутов и торгоутов, получившие названия „калмыков“. Калмыки, как и башкиры, находились под властью монголов и вместе с полчищами Чингиз-хана делали походы в пределы России. В конце XV в. империя великого завоевателя распалась, почему племена торгоутов, хонзов, хошоутов и джунгар, освободившись из-под власти монгольских князей, объединились в один Ойратский Союз в Джунгарии. В начале XVI в. торгоуты и хошоуты появились в нынешней Енисейской и Томской губ., где и получили название „калмыков“ — ушедших, т. е. выделившихся из своего племенного союза.

Распространяясь далее на запад, калмыки в 1628 г. достигли до верховьев рек Тобола и Урала и вытеснили отсюда башкир и казак-киргизов. В 1630 г. они достигли берегов р. Волги, вытеснив отсюда ногайских татар, которые были вынуждены удалиться за р. Волгу, на р. Кубань. С этого времени все пространство между р. Волгой и Уралом, даже до р. Эмбы, перешло во власть к калмыкам.

Калмыки имели свое государственное устройство и свои законы, установленные на народных с'ездах. Один из таких с'ездов состоялся 5 сентября 1640 г. в Джунгарии, куда ездили и представители волжских калмыков.

Во главе каждого племени калмыков стоял тайдыша, наследственный хан; за ним следовали нойоны, т. е. владетельные князья, управлявшие отдельными улусами, в которые обычно входило до 5000 кибиток. Ниже нойонов стояли зайсанги, управлявшие группами из нескольких кибиток.

Нойоны и зайсанги составляли высший правящий класс народа и считались „белой костью“, в отличие от них простые калмыки считались „черной костью“.

Калмыки исповедовали буддийскую религию и имели многочисленный класс духовенства; калмыцкие жрецы составляли $\frac{1}{4}$ всего населения.

Калмыцкий народ имел свою письменность. Законы калмыков отличались кротостью; они имели народный суд-зарго, который никогда не приговаривал к телесным наказаниям, так как калмыки высоко ценили человеческую жизнь. Уголовные преступления карались штрафом. Особенно строго по калмыцким законам преследовались воровство и оскорбление женщины.

Калмыки так-же, как и башкиры, были кочевым народом; с появлением их на р. Волге, они начали нападать на русские поселе-

ния и в своих набегах проникали за р. Волгу и доходили до гор. Пензы.

К а з а к и. Казакский народ образовался из смешения тюркских и монгольских племен: кереев, найман, кипчак, алчин, аргын и других, издавна кочевавших в Азии на северо-западной окраине киргизских степей, в нынешней Семипалатинской и Акмолинской губ.

Во время походов Чингиз-хана и Батые монголы смешались с тюрками. Найманы и аргыны вошли в улус второго сына Чингиз-хана Джагатая и в XIV в. кочевали на юго-западе от р. Эмбы до Каратала и на запад до р. Нуры. Керей осели на черном Иртыше; кипчаки и алтыны вошли в состав улуса старшего сына Чингиз-хана Джучия и составили ядро Золотой или Кипчакской орды. При распадении Золотой орды и улусов Джагатая и Джучия, племена найманов и другие составили кочевой Союз. Племена, вошедшие в этот Союз, стали называться „казаками“ *), отчего и произошло название всего народа.

Первыми ханами казаков были султаны Гирей и Джанибек, из потомства Джучия. Сын Джанибека Касим-хан объединил весь казакский народ, владения которого распространились от китайских пределов до Уральского хребта. После смерти Касим-хана около 1520 г. Союз казаков распался; спустя некоторое время они объединились в три союза, известных под названием Большой, Средней и Малой орд.

Большая орда владела кочевьями в юго-восточной части степи, по р. Или, Чу и Таласу; кочевья Средней орды лежали на север от Большой орды в Семиречинской и Семипалатинской областях; Малая орда кочевала в западной части степи, доходя до р. Урала. Наиболее могущественной считалась Средняя орда, которая владела городами Туркестаном и Ташкентом.

Казакские орды управлялись своими ханами, но не имели прочного политического устройства; они жили родовым строем; каждый род жил своей обособленной жизнью, независимо от хана орды. В своем непосредственном подчинении казакские ханы имели только ближайшие аулы и теленгутов, т. е. слуг, составлявших свиту хана. Но при внешних политических осложнениях, во время войн с соседями, около ханов собирались громадные полчища степных ополчений. Кончался поход, и его участники возвращались в свои кочевки.

*) Слово «Казак» обозначает вольного свободного человека. Также назывались свободные общины вольных людей, поселившиеся на юге России в XVI в.

Во главе каждого рода стоял родоначальник (аксакал), который пользовался полным авторитетом среди однородцев и оберегал их интересы. Роды делились на аулы, которые составляли группу кибиток, объединенных ближайшим родством. Аул управлялся отцом, а по смерти его старшим братом, которому подчинялись все члены семьи. Все недоразумения между одноаульцами разрешались главой семьи, а между аулами разных семей—родовыми старшинами или биями *). Звания бия мог достигнуть каждый казак, отличавшийся умом, знанием народных обычаев и ораторским талантом, но обычно это звание переходило от отца к сыну.

Постоянные родовые стычки, войны и набеги на соседей выдвигали из рядов бойцов—людей, которые отличались искусством владеть конем, оружием и храбростью. Такие люди назывались батырями. Иногда батыри достигали высокого положения и пользовались огромным влиянием и властью.

Правила кочевого общежития у казаков, не имевших письменности, регулировались обычаями, которые передавались из поколения в поколение в изустных преданиях. История казакского народа характеризуется родовыми войнами и междоусобиями. Нарушенное право собственности восстанавливалось у них путем баранты, т. е. вооруженным ограблением противника, что вело к нескончаемым кровавым стычкам между родами. У казаков существовал обычай кровавой мести. Они исповедовали магометанскую религию, но были чужды религиозного фанатизма, вообще свойственного мусульманам.

Как везде и всюду, между оседлыми народностями Оренбургского края и кочевниками велась нескончаемая борьба. Кочевые народы вторгались в пределы мирных земледельцев, угоняли их скот и опустошали их поля. Эта борьба началась в XVI в., со времени начала русской колонизации края, и прекратилась лишь в половине XIX века.

Первоначальная колонизация Оренбургского края. К моменту распада Золотой Орды и образования вместо нее слабых Казанского и Астраханского ханств—на северо-западе России, из мелких феодальных владений и вольных городов образовалось сильное Московское государство. В половине XVI в. Московское государство обладало сильным войском, состоявшим из многочисленного служилого класса, мелких дворян и крестьянства. Московский служилый класс

* Бий народный судья

неуклонно шел к власти на смену старой феодальной аристократии—боярства и за свою службу государству требовал земли. Но свободные земли лежали на юго-восточной и южной окраинах государства, которые все еще были во власти татарских ханств, из которых ближайшим было Казанское царство.

Казанское царство объединяло под своей властью в одно целое сложный инородческий мир: татар, башкир, мордву, черемис, чувашей и т. д., населявших Заволжье и Закамье. Владея гор. Казанью, татары преграждали водный путь по р. Волге, по которому московский торговый капитал стремился проложить себе путь к богатым восточным рынкам. Стремление овладеть этим торговым путем и приобрести новые земли побудили Московское правительство в 50-х годах XVI в. начать поход против Казани, которая в 1552 году пала под ударом московских войск, а в 1556 году той же участи подверглась и Астрахань, запиравшая выход из Волги в Каспийское море.

После завоевания Казани русские воеводы, усмиряя инородцев, распространили свои завоевания и на Башкирию. Башкирский народ, как нам уже известно, платил дань казанским, ногайским и сибирским ханам. Московские воеводы разослали башкирским старшинам свои грамоты, склоняя их покориться московскому царю, взамен чего обещали оставить им в неприкосновенности их старые привилегии и брали их под свою защиту.

В 1556 г. башкиры приняли подданство России. Они обязались платить Москве ясак звериными шкурами, медом и деньгами по 25 к с юрты; в свою очередь московский царь обещал им свою защиту.

В 1557 г. Иван IV дал башкирам грамоту, в которой жаловал им на вечное владение все земли Башкирии. Башкиры, добровольно вступившие на русскую службу, получали особые тарханные грамоты, освобождающие их от уплаты ясака. Эти тарханные грамоты положили начало дворянскому классу Башкирии.

Для удобства управления Башкирией и для собирания ясака правительство решило укрепиться в центре страны.

В 1574 г. в Башкирию прибыл с войском воевода Нагой и заложил город Уфу на правом берегу р. Белой, вблизи впадения в нее р. Уфы.

Во время постройки города подступили с войском Сибирские царевичи—Тевкей и Аблай, чтобы помешать русским укрепиться в сердце Башкирии. В сражении, разыгравшемся в 15 вер. от Уфы, войско татар воеводой Нагим было разбито, и оба предводителя попались в плен и были отвезены в Москву.

После постройки гор. Уфы русские построили в Башкирии ряд других городов: город Самару в 1586 году, Острожек и Мензелинск в 1584 г., Челябинск в 1658 и другие.

Возникновение русских городов и крепостей в Башкирии дало толчок к развитию в крае правительственной и вольной колонизации.

Русская колонизация в крае имела земледельческий характер и первые русские колонии стали распространяться в Башкирии по восточному склону Уральских гор, богатому глубоким черноземом и дремучими лесами, которые имели притягательную силу для колонистов.

Собственно тяга русских людей в Приуралье началась еще в XI—XII веке, когда новгородская вольница проникала в бассейн Камы и оттуда далее в „Заволоцкую чудь“, до Уральского хребта. В погоне за азиатскими товарами, главным образом за шкурами зверей, новгородцы перешли „увалы“ (Уральские горы) и вступили в меновую торговлю с местными народами.

На ряду с движением на восток „новгородских гостей“ возникло и другое движение — это бродяжничество новгородской вольницы, „утекавшей“ в далекий край в поисках счастья от домашних обид и неурядиц. Новгородские ушкуйники положили начало тому вольному колонизационному потоку, который предшествовал организованной правительством колонизации края, и который не прекращается и до сих пор в виде переселенческой волны.

Все, кто был недоволен сначала татарскими насилиями, потом московским правящим, тяжелыми налогами, неправдой крепостных порядков, рекрутчиной, гонением за „старую веру“, — все это широким потоком шло на восток и юго-восток России, в Оренбургские степи и Сибирь.

Вольная колонизация совершалась без ведома государственной власти и даже вопреки ее желаниям. Власть шла уже по следам завоевателей — ушкуйников, казаков и мирных колонистов — монахов и раскольников и прибирала к рукам новые места, даже не всегда понимая значение новых завоеваний*).

После завоевания Казани колонизация Оренбургского края развивалась по двум направлениям: со стороны северо-востока из Пермской губ. и с юга, с низовьев р. Урала.

*) В П. Семенов „Россия“ т. V, стр. 133

С северо-восточного направления колонизация края шла главным образом окско-волжскими инородцами — татарами, мецерьяками, тентярами, черемисами, которые были вытеснены из своих мест русскими колонистами. Эти народы, поселившиеся в Башкирии, стали известны под общим названием ново-башкир. Не мало среди этих новых поселенцев в крае было и выходцев из Азии — бухарцев, хивинцев, кара-калпаков, персов, туркмен. Поселившись среди башкир, ново-башкиры арендовали у коренного населения их землю и платили им оброк. Русское правительство, утвердившее за башкирами их земельные привилегии, вначале было склонно рассматривать это пришлое население чуть-ли не крепостными крестьянами вотчинников башкир.

Из Казанской и Симбирской губ., по мере их заселения, сюда двигались русские поселенцы, основавшие город Осу.

После завоевания Казанского царства правительство создало и укрепило новую пограничную Камскую линию, куда были переселены смоленские шляхтичи и пленные поляки, из которых здесь были сформированы драгунские и ландмилицкие полки для охраны этой линии. Еще позднее в Башкирию стали переселяться государственные крестьяне, которым правительство отводило в надел свободные земли, известные под названием „диких полей“.

С постройкой военных крепостей в крае образовалось русское служилое население — воеводы, чиновники, солдаты, которые за свою службу стали получать в надел башкирские земли. По мере укрепления русского владычества в крае, в него устремился и русский торговый капитал. Русские помещики начали приобретать по купке башкирские земли и переселять на них своих крепостных крестьян из внутренних губерний. Тобольские митрополиты и архиепие основали Митрополичью и Воскресенскую слободы в Челябинском уезде на башкирских землях; за помещиками и церквами мало по малу были закреплены вотчинные башкирские земли, что вызвало огромное недовольство в народе.

После Стрелецкого бунта в 1698 г. в Уфу были переселены московские стрельцы с их семьями, где также получили в надел башкирские земли.

Весь этот военный и пришлый люд оседал на местах, захватывая лучшие башкирские земли, не особенно церемонясь с хозяином этих земель — башкирским народом, чем вызвал среди башкир вражду против русских переселенцев.

Что касается колонизаторской волны, которая надвигалась в крае с нижнего течения р. Урала, то она имела менее мирный характер. Движение в низовье р. Яика „безданных“ русских людей началось с конца XV в. В царствование Ивана IV здесь были хорошо известны „воровские люди“, которые пришли сюда с Волги и Дона. В 1577 г. из Московского государства на Волгу был послан с войском стольник Мурашкин, который очистил эту реку от шаек казаков, грабивших купеческие караваны, идущие по р. Волге. Часть этих казаков спустилась вниз по р. Волге и берегом Каспийского моря добралась до устья р. Яика и стала подниматься вверх по этой реке.

Край изобилует богатствами природы и был необитаем. Казаки основали здесь свой городок, откуда и продолжали делать свои набеги на Волгу и Каспийское море, грабя персидских и русских купцов. По мере притока к ним новых „воровских шаек“, казаки усилились и стали распространяться вверх по р. Яику. Здесь они столкнулись с ногайскими татарами, калмыками и башкирами и вступили с ними в борьбу. Они одолели ногайских татар и овладели их столицей Сарайчиком и таким образом закрепили за собой нижнее течение Яика. Продолжая продвижение вверх по реке, казаки достигли урочища Орешного и построили здесь „Казачий Яицкий городок“, ныне город Уральск.

В виду того, что борьба с татарами, калмыками, башкирами и казак-киргизами, с которыми соприкасались яицкие казаки, становилась с каждым годом все труднее, они были вынуждены обратиться за помощью к Московскому царю и предложить зачислить их на государственную службу. Царь Алексей Михайлович с большой охотой принял на службу яицких казаков и пожаловал им р. Яик „в вечное владение“, от вершины до устья.

Это еще более укрепило положение казаков на берегах р. Яика и оживило движение в край разной вольницы, за счет которой стало расти и крепнуть Яицкое казачье войско.

Башкирские восстания XVII в. Русская колонизация Башкирии, как мы уже сказали, имела преимущественно земледельческий характер и несла в эту дикую страну соху и хлеб, но она сопровождалась грубыми и своекорыстными приемами политики местных русских властей в лице царских воевод. Преследуя свои корыстные цели, воеводы Московского царя отбирали у башкирского народа земли в свою собственность и собирали в свою пользу не-

законные подати и грубо вмешивались во внутреннюю жизнь страны. Башкирский народ, сохранивший свою самобытность под властью татарских ханов, не мог примириться с насилиями и гнетом царских воевод.

Московское правительство в силу своей отдаленности от края и переживаемых смут в конце XVI и в начале XVII в. не могло упорядочить управление краем и обуздать дикое самоуправство воевод.

Наиболее культурный слой местного населения, главным образом муллы, выходцы из Казани, встали на стражу интересов башкир. К ним примыкали татарские князья, укрывшиеся из Казанского царства в Башкирию. Татарские муллы и князья вели среди башкирского народа пропаганду о необходимости борьбы с насильниками и организации башкирского национального государства. Леса и горы глухой Башкирии, ввиду полного отсутствия дорог, были недоступны для русских войск, в силу чего превратились в очаги национальной и религиозной пропаганды князей и мулл, которые разжигали в народе фанатическую ненависть к завоевателям.

Между тем уфимские воеводы, управлявшие Башкирией, в годы государственной смуты начала XVII столетия продолжали бесчинствовать, истощая терпение народа диким разгулом грабежей и самовольных захватов.

Недовольство башкирского народа росло с каждым годом, и правительство в конце концов решило прекратить ту вакханалию, которая разыгрывалась в крае на почве захвата башкирских земель.

В 1649 г. Правительство Соборным Уложением запретило переселение в Башкирский край из внутренней России и приобретение там земель. Однако мера эта запоздала; в Башкирии начались вооруженные восстания.

Еще в 1645 г. башкиры восстали и окружили гор. Мензелинск; однако восставшие были отражены русскими войсками, а зачинщики схвачены и казнены.

В 1662 г. восстание башкир вспыхнуло вновь. На этот раз во главе восставших стоял пламенный старшина Сеит, по имени которого и самое восстание получило название Сеитовского. Воспользовавшись настроением народа, угнетенного русскими властями и игом хищнического торгового капитала,—Сеит увлек башкирский народ идеей создания мусульманского государства в пределах Казанского

царства и Сибири. К башкирам примкнули почти все инородцы края: казанские татары, черемисы, мордва, чуваша, мещеряки, калмыки и казак-киргизы.

Соединившись с калмыками и казак-киргизами, башкиры подступили к г. Уфе и уничтожили в ее окрестностях все русские поселения, предавая села и жителей огню и мечу.

Восстание охватило огромный район. Повстанцы разгромили Казанский уезд и доходили до Верхотурья, Тюмени и Кунгура, повсюду уничтожая русские поселения.

Восстание старшины Сеита совпало по времени со знаменитым восстанием Степана Разина, почему правительство, занятое борьбой с последним, не могло выставить значительных сил для борьбы с башкирами.

Против старшины Сеита был послан воевода Зеленин с небольшим отрядом яицких и малороссийских казаков, но был отражен башкирами.

Воззвания уфимских воевод и разные посулы правительства башкирскому народу не имели никакого успеха. Только измена калмыцкого хана Аюки, который принял подданство Москвы, ослабила силы восставших.

Восстание было подавлено только в 1680 г. и закончилось свирепыми казнями.

Часть повстанцев, спасаясь от преследования воеводы Зеленина, вторгнулась в Челябинский уезд—и произвела здесь большие опустошения Сибирских слобод.

Спустя всего три года, в 1683 г. снова вспыхнуло восстание башкир под Мензелинском, которое было усмирено яицкими казаками.

После усмирения Сеитовского восстания Башкирия была настолько ослаблена, что Московское правительство нашло возможным совершенно покончить с автономным положением страны и включить ее в общую систему государственного волостного устройства. Башкирия была разделена на 4 административные единицы, получившие название дорог,—Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую; все эти дороги были разделены на волости, которые в свою очередь были приписаны к Казанскому, Осинскому, Кунгурскому и Мензелинскому уездам.

Вместе с тем были урезаны права провинциальных воевод, которым строго воспрещалось притеснять башкирское население и

предписывалось «держатъ с ними привет и ласку и обнадеживать их государевой милостью».

Вводя в стране новое административное устройство, правительство в то же время принимало ряд мер для упрочения своего военного положения. По Волге, между Казанью и Астраханью, в удобных местах были построены новые военные крепости для надлюдения „за татарскими перелазами“. Внутри самой Башкирии был также построен ряд новых военных крепостей, городов, острогов и зимовий, которые были заняты русскими гарнизонами.

Между городами и укрепленными пунктами были проложены сухопутные дороги и налажены речные сообщения по рекам Белой, Каме и Волге. Мало-по-малу Башкирия охватывалась со всех сторон в тесное кольцо русских военных крепостей.

В 1650 г. на р. Исете был построен Исетский острог; в 1662 г. был построен Шадринский острог; в 1670 г. Усть-Миясская слобода; в 1658 г., как мы уже знаем, была построена Челябинская крепость, впоследствии ставшая центром Исетской провинции.

Кроме того со стороны Сибири были застроены остроги: Окуневский в 1670 г., Чумлякская слобода—в 1679 г.—Миясская крепость—в 1685 г.

Таким образом к концу XVII в. Башкирия была замкнута системой крепостей и городов со всех сторон и имела административное устройство.

Башкиры прекрасно понимали, что русские крепости представляют собой отдельные звенья сплошной цепи, которая окончательно задушит их край и еще раз пытались разорвать эту цепь.

В 1704 г. в Башкирии началось новое волнение, на почве недовольства народа тяжелыми поборами и рекрутчиной, а в 1707 г. вспыхнуло новое восстание, известное в истории под названием „Алдаро-Кусюмовского бунта“, по имени двух башкирских старшин, поднявших это восстание.

Восстание это началось с того, что присланный Петром I в Уфу воевода Сергеев и его сподвижники Хохлов и бр. Аристовы возмутили башкир своими корыстолюбием и надругательством над религией.

Башкиры склонили на свою сторону татар, мещеряков, казак-киргизов и подняли восстание.

Из Уфы против восставших был послан Петр Хохлов, с отрядом в 900 человек. Из Казани к нему на помощь вышел отряд Аристова, силою в 770 человек и кроме того отряд полковника Рыдаря, состоявший из солдатских полков.

В 90 верстах от Уфы, на урочище Юрактау, башкиры окружили отряд Хохлова и продержали его в осаде в течение 10 дней. Хохлову с остатками отряда едва удалось пробиться сквозь башкир и соединиться с отрядами, вышедшими из Казани.

Между тем башкиры с казак-киргизами, в числе 10,000 человек, взяли Ново-Шешминск.

Восстание охватило огромный район. Все русские поселения по р. Каме, Белой, Самаре были уничтожены, жители перебиты или уведены в плен. Повстанцы появились вблизи г. Казани и не дошли до нее только 30 в. Восстание разгоралось все более; для борьбы с ним требовались крупные военные силы, которых Петр I, занятый войной со Швецией, выделить не мог.

Петр I командировал в Башкирию князя Хованского, поручив ему на этот раз уладить дело с башкирами мирным путем. Однако башкиры на мир не пошли и продолжали опустошать край между Камой и Волгой.

Тогда против башкир были двинуты крупные военные силы. Петр приказал собрать „вольницу“ и истреблять с нею башкир.

В Башкирию прибыло около 20,000 калмыков, под начальством стольника Бахметьева, которые начали беспощадно истреблять башкир мужчин, уводя в неволю женщин и детей, и жечь башкирские села.

Восстание было подавлено с невероятной жестокостью, и истекающий кровью народ был вынужден сдаться на милость победителя.

Башкирам было объявлено „прощение“, но правительство потребовало выдачи виновников восстания и всех беглецов, проживающих в Башкирии.

Башкиры выполнили это требование Правительства и к 1722 г. доставили в Казань около 20.000 беглецов, скрывавшихся в Башкирии.

Покончив с башкирами, Петр I приказал повесить в Казани и виновника этого восстания воеводу Сергеева.

Постоянные кровавые восстания в Башкирии вынудили правительство обратить особое внимание на устройство этого края тем более потому, что в начале XVIII столетия на Урале стала развиваться крупно-заводская промышленность, имевшая для государства огромное значение, и для дальнейшего ее развития требовалось успокоение края.

Г Л А В А II-я.

Устройство и колонизация Оренбургского края в XVIII в. — Башкирские восстания с 1735 по 1740 г. — Оренбургская пограничная линия — Уральское и Оренбургское казачьи войска и их роль в охране границ России.

Проекты Петра I По окончании Шведской войны Петр I обратил и его последо- внимание на состояние Башкирии. Башкирские вос- вателей об уст- стания последних лет угрожали истребить все рус- ройстве Орен- ское население края и разрушить развивавшуюся в бургского края. начале XVIII в. горную промышленность на Урале.

К концу царствования Петра I на Урале работало уже 9 казенных и 12 частных горных заводов. В 1718 г. эти заводы выплавляли 6½ миллионов пудов чугуна и 200 тыс пудов меди. На производстве горных заводов в то время было занято уже 5422 рабочих мужского пола, а все население заводов достигало 20 тыс. душ. Для дальнейшего развития горного дела на Урале прежде всего было необходимо обезопасить край от восстаний башкир и набегов казак-киргизов.

Развивая на Урале горную промышленность, Петр I и придавал нашей окраине большое значение в развитии политических и торговых сношений на Востоке; он строил обширный план развития торговых сношений России со средне-азиатскими странами Хивой, Бухарой и даже Индией.

В XVIII в. в России существовало преувеличенное представление о богатствах р. Аму-Дарьи и в частности г. Яркенда, который славился золотыми россыпями и драгоценными камнями, что возбуждало аппетиты русского торгового капитала, стремящегося проникнуть в эти неизведанные страны.

В 1717 г. для отыскания водного пути в Среднюю-Азию Петр I снарядил экспедицию князя Бековича-Черкасского, которому поставил задачей присоединения к России Хивинского ханства.

Кроме того экспедиции было приказано отыскать старое русло р. Аму-Дарьи, чтоб отвести ее течение обратно в Каспийское море,

полагая таким образом проложить водный путь в Среднюю Азию по р. Волге, Каспийскому морю и Аму-Дарье до ее верховьев.

Предприятие Петра I с Хивинской экспедицией закончилось трагически, так как Бекович-Черкасский погиб в Хиве вместе со своим отрядом. Неудача Бековича-Черкасского вынудила Петра I оставить проект проникновения в средне-азиатские страны водным путем; тогда настойчивый император решил проложить туда дорогу через киргиз-кайсацкие степи, которые называл „ключем и вратами в Среднюю-Азию“, но смерть помешала ему приступить к осуществлению нового плана.

При преемниках Петра I русское правительство понимало огромное значение Оренбургской окраины для развития торговли с средне-азиатскими ханствами. Один из „птенцов Петра I“ обер-секретарь Сената Кириллов, географ и статистик по образованию, развивая план Петра I, доказывал необходимость основать на юго-восточной границе государства новый военно-административный и торговый центр, с развитием которого Россия приобрела бы базу для дальнейшего наступления в глубину Азии, для овладения Бухарой и Бадахшанской областью, имея конечной целью проложить дорогу для русских товаров до самой Индии.

Для проведения в жизнь проекта Кириллова требовались огромные материальные средства, которыми правительство в то время не располагало. Особенные затруднения заключались в том, что в Башкирии было очень мало русского населения, между тем движение на Восток через кочевья казак-киргизской орды могло вовлечь в упорную борьбу с этим народом, для чего потребовались бы большие людские ресурсы.

Не имея средств для завоевания новых восточных стран, правительство ограничилось лишь тем, что занялось устройством внутренних дел Башкирии.

На этот раз правительство действовало в отношении башкир с большою осторожностью, стараясь склонить на свою сторону старшин путем подкупов и „лаской“, чтоб при помощи их примирить самый народ с русским господством.

В 1730 г. в Петербург прибыл башкирский старшина Таймас Шаимов, управляющий Каратабынско-Борятинской волостью, доставивший ко двору императрицы Анны Ивановны подарки. Правительство оказало старшине Таймасу весьма радужный прием, наградило его званием тархана и подарило ему в собственность земли в ны-

нешнем Челябинском округе, поручив ему управление башкирами. Правительство надеялось в лице старшины Таймаса привлечь ревностного сторонника и приверженца русских интересов.

Такая политика правительства в отношении башкирских старшин значительно усилила их влияние в народе, чем последние и воспользовались для того, чтоб организовать вокруг себя национальные группы, которые через некоторое время снова вступили в отчаянную борьбу с Россией, пытаясь остановить русскую колонизацию их страны.

В 30 годах в восточной части казак-киргизской степи, совершенно неожиданно для русского правительства, произошли весьма важные события, которые оказали огромное влияние на дальнейшие судьбы Оренбургского края,—это принятие казак-киргизами русского подданства.

Принятие казак-киргизами рус- Оставшиеся в Джунгарии после ухода калмыков племени, входившие в Ойратский Союз, составили сильное Джунгарское ханство, которое, расширяя свои владения, вступило в борьбу со своими соседями—казак-киргизами.

В начале XVIII в. Джунгарское ханство настолько усилилось, что его границы простирались от Алтая до Аральского моря, занимая южную часть Семипалатинской и Акмолинской губ.

Зимой в 1723 г. джунгары под предводительством своего хана Галдан Цирена напали на кочевья казак-киргизов, отвоевали у них города Ташкент, Туркестан и Сайрам. Казаки были отброшены ими в голодные степи Туркестана, к пределам Хивы и Бухары.

Страдая от недостатка кормов и зимней непогоды, теряя массу людей и скота, казаки объединились под властью султана Абул-хаира, впоследствии ставшего ханом Малой Орды. Общими усилиями они отбросили джунгар из части прежних своих кочевий, но удержаться в них не могли. Возникшие родовые распри ослабили военную силу казаков. Не будучи в состоянии одолеть джунгар, казаки Средней и Малой орды двинулись на запад и северо-запад и достигли берегов р. Урала, оттеснив из зауральных степей башкир и калмыков.

Захватив степи по правому берегу р. Урала, казаки были вынуждены вступить за обладание ими в упорную борьбу с калмыками и башкирами, отбивая в то же время на востоке теснивших их джунгар.

Изнемогая в борьбе с врагами, которые стиснули их со всех сторон, казаки Малой орды во главе с Абулхаир-ханом решили искать подданства и защиты у русского царя.

В 1730 г. Абулхаир-хан отправил свое посольство из казакских старшин в г. Уфу, к воеводе Бутурлину, и просил его довести просьбу о подданстве казакского народа до царицы.

Из уфы послы казакского хана были отправлены в Петербург и приняты при дворе царицы Анны Ивановны.

Добровольное принятие русского подданства Абулхаир-ханом как нельзя кстати отвечало видам русского торгового капитала, который, как мы видели, стремился завладеть казак-киргизскими степями еще со времени Петра I.

Изъявив согласие на прием Абулхаир-хана в свое подданство русское правительство снарядило к нему особое посольство, во главе которого был поставлен Мурза Тевкелев, переводчик Коллегии иностранных дел.

Тевкелев с посольством прибыл в орду, но, сверх ожидания, был встречен весьма враждебно народом, который, как оказалось, не желал принимать русское подданство. Царское посольство было задержано в орде в качестве заложников.

Около 2-х лет Тевкелев пробыл в кочевьях Малой орды, в качестве невольного гостя, „испытывая смертельную опасность и голодание“, пока ему не удалось путем подкупа и силой убеждения своего редкого красноречия склонить казакских старшин принять русское подданство.

В 1733 г. на одном из народных казакских съездов вопрос о принятии русского подданства был решен в положительном смысле и ханы—Малой орды Абулхаир, Средней орды—Семеке, а также Каралпакский хан—присягнули на верность России.

В начале 1734 г. Тевкелев вернулся в Петербург в сопровождении нового казакского посольства, во главе которого на этот раз стоял старший сын Абулхаир-хана султан Эрали.

Казакские орды были приняты в русское подданство. Для управления вновь присоединенным краем правительство, по просьбе Абулхаир-хана, решило построить новый город на р. Урале (Яике), в устье р. Орь.

Статский советник Кириллов, по поручению правительства, разработал положение об управлении Оренбургским краем, о постройке пограничных крепостей, об основании порта на Аральском море, с

устройством на нем судоходства для торговых сношений с среднеазиатскими странами.

7-го июня 1734 года проект Кириллова был утвержден, а он сам назначен командиром Оренбургской Экспедиции, на которую было возложено осуществление этого проекта.

Экспедиция Кириллова на р. Урал и начало башкирского восстания в 1735 году. В июне 1734 г. Оренбургская Экспедиция отправилась из Петербурга к месту назначения. В состав Экспедиции входили разные специалисты, которые должны были составить кадр административного аппарата в новом крае. Здесь были корабельные техники и лоцманы, офицеры и капралы, бухгалтера и писцы, врачи и аптекари, духовники, переводчики, ботаники, живописцы, геодезисты и даже историографы, которые должны были положить начало культурному строительству в диком крае, населенном кочевыми народами.

10-го ноября того же года Экспедиция прибыла в г. Уфу. Здесь в распоряжение Кириллова поступили Пензенский пехотный полк и Уфимский гарнизон. Кроме того в распоряжение Кириллова в г. Уфу был отправлен Вологодский пех. полк. Для усиления военных сил Экспедиции Кириллов объявил военный поход половине населения уфимских дворян и казаков.

По прибытии в г. Уфу Кириллов закончил начатую до него перепись башкирского населения и составил списки башкирским родам по волостям и дорогам, в то же время готовясь к своей Экспедиции к устью р. Орь.

Предпринимая постройку нового города на р. Яике (Урале), Кириллов прежде всего должен был разрешить вопрос о продовольствии своей Экспедиции и нового города. Край был дик, безлюден и к тому же отрезан от России горами и лесами Башкирии. Башкирское население с явной враждой следило за приготовлением русских, хотя до времени ничем не обнаруживало своих враждебных намерений.

Прежде чем предпринять Экспедицию из Уфы на берега Яика для постройки Оренбурга, Кириллов решил наладить снабжение будущего города продовольствием из Западной Сибири, где в то время уже было достаточно русского населения, занимавшегося хлебопашеством. Для обеспечения доставки продовольствия из Сибири к Оренбургу, Кириллов осенью 1734 г. приказал построить в верхнем течении р. Яика Верхне-Яицкую пристань, ныне гор. Верхне-

Уральск. Он предполагал, что из Верхне-Яицкой пристани доставленные из Сибири запасы продовольствия можно будет сплавлять по р. Яику на плотках до самого нового города.

Верхне-Яицкая пристань была первым русским городом, устроенным в верховьях Урала, в устье р. Урляиды. Она представляла собою небольшую крепостцу, в виде четырехугольника, обнесенного земляным валом и рвом, с четырьмя бастионами по углам и тремя воротами.

Весною 1735 г. для Оренбургской Экспедиции через Верхне-Яицкую пристань было отправлено из Сибири 500 подвод с продовольствием, под прикрытием роты пехоты, с таким расчетом, что продовольствие это должно прибыть к устью р. Орь на плотках к времени прибытия туда Экспедиции Кириллова.

Закончив приготовления, Экспедиция Кириллова 11 апреля 1735 года выступила из г. Уфы. Отряд Кириллова состоял из 15 рот пехоты, 350 самарских и уфимских казаков, 600 мещеряков, 100 башкир, нескольких новокрещенных татар и калмыков, при 23 медных пушках и 32 мортирах. Отряд двигался двумя колоннами. Впереди шла первая колонна под командой самого Кириллова, а сзади него на некотором расстоянии двигался Вологодский пехотный полк, под командой полковника Чирикова.

Проникнув в намерение русских построить новый город на южной границе Башкирии, башкиры решили не допустить Экспедицию Кириллова к месту назначения. На одном из переходов к Кириллову явились два башкирских старшины и потребовали, чтобы Экспедиция вернулась обратно, так как они не допустят построить город на их земле.

Кириллов приказал схватить представителей народа и предать их жестокой пытке. Во время пыток один из башкир умер. Экспедиция продолжала свое движение вперед. В 160 в. от г. Уфы, башкиры Юрмантынской волости Ногайской дороги, под предводительством старшины Кильмяка Абыза, напали на отряд Чирикова и отбили у него часть обоза. В происшедшей стычке сам полковник Чириков, несколько драгун и служащих были убиты.

Открыв военные действия против русской Экспедиции, башкиры положили начало новому восстанию, самому кровопролитному и самому упорному из всех восстаний этого народа, которое продолжалось с 1735 до 1740 года.

Получив сведения о нападении башкир на отряд Чирикова, Кириллов выслал к нему на помощь отряд. Но отряд этот под давлением башкир вернулся обратно. Кириллов усилил его еще одной сотней казаков и выслал снова, после чего ему удалось соединиться с Вологодским полком.

Соединив отряды, Экспедиция продолжала свое движение к устью р. Орь.

Еще будучи в пути Кириллов получил известие, что Сибирский продовольственный транспорт окружен башкирами и находится в осаде, в 30 в. не доходя Верхне-Яицкой пристани. Задержание продовольственного транспорта поставило Экспедицию Кириллова в крайне тяжелое положение, т. к. у него уже ощущался недостаток в продовольствии.

Закладка гор. 6-го августа Кириллов достиг р. Яика при устье **Оренбурга.** р. Орь. Здесь к нему явились представители казакского народа, при помощи которых ему удалось заготовить запасы продовольственного скота для Экспедиции и таким образом предотвратить голод в отряде до прибытия транспорта из Сибири, на встречу которому он выслал особый отряд.

15-го августа Кириллов заложил гор. Оренбург, который должен был стать оплотом русского господства во вновь присоединенной окраине.

Вначале гор. Оренбург представлял собою небольшую крепостцу с четырех бастионах, с малой цитаделью, которая была расположена на горе Преображенской, названной так в память прибытия Экспедиции в день Преображения 6-го августа.

Между тем восстание в Башкирии разгоралось. До Кириллова доходили сведения, что восставшие поднимают весь народ. При таком положении оставаться в г. Оренбурге, отрезанном от внешнего мира, было опасно. Кириллов командировал в Верхне-Яицкую пристань отряд под командой полковника Тевкелева, поручив ему снабдить город Оренбург продовольствием из Сибири.

Оставив в г. Оренбурге гарнизон из 10 рот под командой полковника Чемадунова, Кириллов с остальным отрядом выступил по направлению в Сакмарский городок, имея целью идти к городу Мензелинску, куда спешил к нему на помощь из Казани с отрядом войск генерал Румянцев.

Сакмарский городок уже существовал в это время. Он был построен яицкими казаками в 1725 г. и представлял собой маленькое укрепление, с земляным валом и рвом и одной деревянной башней. Местоположение городка было выбрано весьма удачно: он был прекрасно защищен окружающими его горами. В городке жило до 200 яицких казаков и 50 инородцев, которые занимались земледелием. Городок неоднократно подвергался нападениям со стороны казаков и башкир, но всякий раз мужественно отбивал эти нападения.

Кириллов прибыл благополучно в Сакмарский городок, где к нему были доставлены видные вожди башкирского восстания Асунгул Кильмакаев и несколько его товарищей, которые были казнены.

Из Сакмарского городка Кириллов выступил по направлению к Уфе. Не доходя до г. Уфы, он встретил до 600 восставших башкир под предводительством старшины Атай Кусюмова и разбил их. Продолжая свой движения вперед, Кириллов приказал сжигать на пути все башкирские деревни, забирая и уничтожая продовольствие и скот, чтобы обресть восставших на голодную смерть.

Между тем полковник Тевкелев со своим отрядом прибыл в Верхне-Яицкую крепость, из которой направился к Теченской слободе и далее в Сибирь для заготовки продовольствия для Оренбурга. На р. Ае, впадавшей в Уфу, Тевкелев был атакован восставшими башкирами, но отбил их и начал неслыханно-суровую и беспощадную расправу с восставшими. Он уничтожил до 50 башкирских сел, поголовно истребляя жителей: башкир загоняли в пустые амбары и сжигали живьем. Расправа Тевкелева вызвала всеобщее восстание народа.

Правительство, опасаясь за участь Оренбургской Экспедиции, приняло энергичные меры для подавления нового башкирского восстания. В Оренбургский край были двинуты значительные военные силы с Дона, с Волги и с Яика, до 6 т. казаков и калмыков, которые и вторгнулись с разных сторон в Башкирию.

Командующим войсками, действующими против башкир, был назначен генерал майор Румянцев; 19 сентября он прибыл в г. Мензелинск, где к нему присоединился с своим отрядом статский советник Кириллов.

Между тем правительство в наказание башкирам за их мятежные выступления приняло ряд мер, направленных к ограничению их земельных прав и привилегий, дарованных царем Иваном IV.

*Калмыки
из и т.д.*

Х Первой мерой правительства явился указ 11 февраля 1736 г., разрешивший покупать и арендовать у башкир земли. Указ широко открыл двери колонизационному потоку русских переселенцев в Башкирию. Помещики, государственные крестьяне, промышленники и купцы двинулись в Башкирию и начали покупать и кортомить (т. е. брать в долгосрочную аренду) башкирские земли под пашни и заводы. При покупке земли границы ее определялись урочищами, без обозначения количества десятин. При отводе земель под заводы и русским поселенцам, случалось, отходили бортовые деревья, сенокосные угодья и пашни башкир.)

С приливом новой волны русской колонизации башкиры почувствовали еще более „несносное притеснение“ и стали приходить по их словам в „убожество“ и бедное состояние.

Во-вторых, все башкирские тарханы были лишены своих прежних привилегий и обращены в „ясашных“, т. е. были обязаны платить ясак наравне со всеми другими башкирами. Весь пришлый элемент края—мещеряки, тептяри и другие инородцы, оставшиеся верные правительству, не только были освобождены от уплаты башкирам денег за аренду у них земли, но и наделены землею башкир, принимавших участие в восстании, и сравнены во всех правах с коренным населением Башкирии. Затем правительство приняло ряд мер чисто охранного характера. Башкирам было запрещено собираться на сходки и сьезды, вступать в родство с татарами, строить мечети и открывать при них школы. За каждую свадьбу башкиры были обязаны платить налог лошадьми; в башкирских селах были закрыты все кузницы, во избежание того, что башкиры могут в них готовить себе холодное оружие и т. д.

Кириллов не довольствовался этими мерами охранного порядка и настаивал на том, „чтобы воров башкирцев утеснять, разоряя сплошь“, тогда как генерал Румянцев был склонен действовать против башкир более гуманными мерами.

Мнение Кириллова получило перевес и было утверждено правительством, которое предписало генералу Румянцеву принять самые решительные меры для подавления восстания.

С наступлением весны 1736 г. Румянцев получил в свое распоряжение несколько полков с Царицынской линии и начал наступление на Башкирию, предавая огню и мечу все башкирские села по Сибирской и Осинской дорогам.

На Ногайской дороге свирепствовал Кириллов, истребивший до 200 башкирских сел. Охваченные паникой башкиры бежали в горы.

Главный вождь башкир—старшина Кильмяк Абыз собрал около себя до 8000 башкир и 29 июня окружил лагерь генерала Румянцева на р. Белой, но был отбит.

Яицкие казаки встретились с башкирами на реке Казе. Между ними произошло жестокое сражение, в котором башкиры были разбиты. Казаки выжгли до 200 деревень по реке Ику. На реке Неке казаки и башкиры встретились вновь. Бой продолжался с утра до вечера и кончился снова победой казаков. Под Табынском казаки разбили башкир в третий раз.

К концу 1736 г. восстание башкир на Ногайской и Сибирской дорогах было подавлено. Главные вожди восстания Кильмяк Абыз и Акай Кусюмов были схвачены и казнены. Села восставших выжжены, и несчастный народ погибал от холода и голода. В Мензелинске, Сакмарске, Уфе и других городах происходили массовые казни участников восстания, которые должны были терроризовать население.

Покончив с восстанием, Кириллов назначил в Башкирии старшин, сотских и десятских из приверженцев России и обложил население тяжелой данью, обязав поставлять бесплатно продовольствие и фураж для войск.

Однако, не смотря на видимое успокоение края, Кириллов не решился вернуться в г. Оренбург, а выбрал для своего пребывания гор. Самару.

Между тем гарнизон города Оренбурга, отрезанный восставшими башкирами от Уфы и Сибири, голодал.

Верхне-Яицкая пристань была взята башкирами и скрыта до основания. Подвоза продовольствия из Сибири не было.

На помощь Оренбургскому гарнизону из Сакмарского городка был командирован с продовольствием отряд премьер-майора Останкова, который, двигаясь к Оренбургу, заложил вторую по реке Яику крепость после Оренбурга—Верхне-Озерную и оставил в ней гарнизон из одной роты драгун, полуроты пехоты и 50 жалованных казаков из русских и татар и добровольцев яицких казаков.

Доставив в г. Оренбург продовольствие, Останков был назначен комендантом этого города.

Воспользовавшись затишьем восстания, Кириллов энергично приступил к постройке ряда новых крепостей по р. р. Сакмаре, Самаре, Яику и Миясу. К 27 октября 1736 г. в Оренбургском крае уже бы-

ло заложено 21 укрепление. Наиболее известные из них: Оренбург (ныне г. Орск). Губерлинское, Озерное и форпосты: Бердский, Сорочий и Тоцкий. Кроме того в крае были построены укрепления: Бузулукское, Табынское, Красно-Уфимское, Ельдяцкое, Мияское и Чебаркульское.

Крепости обычно обносились земляным валом со рвом и башнями или огораживались рогатками и частоколом; на валу ставились чугунные и медные пушки.

Первое население вновь возведенных крепостей было крайне разнообразно. Здесь были уфимские, яицкие, самарские казаки, крещенные и некрещенные ногайцы, татары и другие инородцы, ссыльные и беглые крестьяне из разных мест.

За своей смертью Кириллов не успел выполнить свои планы по военному устройству Оренбургского края.

Мероприятия по устройству края После смерти Кириллова начальником края был назначен известный историк Татищев, который **в 1737—1739 г.** ред этим назначением занимал должность начальника Екатеринбургских заводов. Татищев был человек просвещенный и прекрасно знал край. Во время башкирского восстания он, имея в своем распоряжении очень мало военных сил, с заводскими крестьянами сумел отстоять в неприкосновенности свои заводы.

Прибыв в г. Мензелинск для принятия управления краем, Татищев обнаружил вопиющие злоупотребления. Сборы податей были отданы на откуп «ясащикам», которые разоряли народ непомерными поборами. «Городские командиры, по выражению Татищева, „творили разные пакости“, обижая башкир. Состояние края было ужасно: села сожжены, хлеб уничтожен, скот ограблен, мужское население башкир массами побито. Для уплаты ясака башкиры продавали в рабство собственных детей.

При таких условиях Татищев вступил в управление краем

При Кириллове главное управление называлось Оренбургской Экспедицией, но власть в крае была сосредоточена в руках начальников военных отрядов, которые действовали по собственному произволу. Первым мероприятием Татищева было восстановление нормального управления края. С этой целью он собрал в городе Мензелинском совет, в состав которого были приглашены назначенный после Румянцева генерал Соймонов, известный нам полковник Тевкелев, уфимский воевода и другие. На этом совете были выработаны

меры по административному устройству края, главное управление которого получило название Оренбургской Комиссии.

Кроме Уфимской провинции, для управления башкирами была образована Исетская провинция, в состав которой вошли Окуневский, Шадринский и Исетский уезды и Чебаркульское воеводство.

Татищев добился того, что сборы ясака с башкир были изъяты из рук ясашников и переданы избранным башкирским старшинам. Мирные башкирские села были уравнены в правах с ново-башкирами, которые во время восстания стали пользоваться различными привилегиями за счет коренного населения.

Кроме того Татищев принял ряд мер к укреплению военного положения в Башкирии и с этой целью обязал местных помещиков и казанских татар снарядить за свой счет особые команды.

Несмотря на свое стремление, Татищев не мог обуздать своеволие военных командиров, которые с беспримерной жестокостью, в особенности генерал Соймонов, продолжали кровавые расправы уже с покорившимися башкирами. Они продолжали резать башкирам языки и носы, отрубать руки и ноги. Выведенные из терпения этими издевательствами башкиры в 1737 г. снова восстали.

На этот раз восстание башкир привлекло внимание Казакского хана Абулхаира, который осенью 1737 г. предложил Татищеву свои услуги усмирить башкир и вторгнулся со своими казаками в Башкирию. Татищев под благовидным предлогом сумел удалить из пределов Башкирии воинственного хана, подарив его подарками.

В 1738 г. восстание продолжалось. Башкиры сами обратились за помощью к казакскому хану и предложили ему стать ханом «угнетенной Башкирии». Абулхаир-хан принял предложение башкир. Он женился на башкирке и прибыл в город Оренбург, куда потребовал башкирских старшин на совещание и для уплаты ясака.

Комендант города майор Останков предложил хану не вмешиваться в башкирские дела. Абулхаир-хан выхватил саблю и закричал: „город мой и для меня построен, а кто не слушает, тому голову срублю!“.

Поступок хана вызвал новую тревогу у правительства.

Объединение башкир и казаков под властью казакского хана придавало новый характер борьбе в Оренбургском крае; правительство было сильно обеспокоено за судьбу города Оренбурга.

Татищев поспешил в г. Оренбург и вызвал к себе на свидание Абулхаир-хана. Хан прибыл и, будучи одарен подарками, принял присягу на верность России.

Продолжая борьбу с башкирами, Татищев строил русские крепости в крае. В течение 1738 г. он заложил крепости: Ново-Сергиевку, Переволоцкую, Чернореченскую, Ельшанскую, Карагайскую и достроил крепости Бердскую и Губерлинскую.

Ознакомившись с местоположением г. Оренбурга, Татищев нашел его неудобным. Местность вокруг была безлесная, почва песчаная, весеннее половодье заливало город водой. Сообщения города с Россией были отрезаны непроходимыми горами и лесами враждебной Башкирии; в таких условиях он не мог развиваться в торговом отношении.

Татищев решил перенести Оренбург на новое место, вниз по Уралу, на урочище Красная Гора, где была построена крепость Красногорская, но не успел осуществить своего проекта. В феврале 1739 г. он был вызван в Петербург и больше в край не вернулся.

Восстание Восстание башкир приняло затяжной характер. **Каракасала в** Борьба с ними требовала все новых военных сил и **1739—1740 г.** средств. Ни Кириллов, ни Татищев не могли справиться с восставшими. Тогда правительство остановило свой выбор на военном генерале князе Урусове, назначив его начальником Оренбургского края.

Назначение военного генерала само собою определяло дальнейшее направление русской политики в Башкирии: генералу было приказано огнем и мечем положить конец башкирскому восстанию.

В обеспечение безопасности со стороны казакской орды Урусову было приказано построить ряд новых крепостей на границе казакских степей и Башкирии, продолжая их по линии вверх по Уралу, затем по р. р. Ую и Тоболу, до границы Западной Сибири.

Для заселения пограничной линии было приказано снять с Закамской линии ландмилицкие полки и перевести их в Оренбургский край.

Правительство полагало, что при сложившейся обстановке наиболее надежным оплотом русского господства в крае может быть только служилое население, почему было издано распоряжение весь бродяжнический люд, скопившийся в крае: беглых крепостных крестьян, холопей, дезертиров, раскольников ловить и возвращать на прежние места жительства.

Кроме того, признавая место, избранное для постройки Оренбурга неудовлетворительным, было решено перенести город на новое место.

Урусов прибыл в Край с большими военными силами, имея при себе около 6 т. иррегулярных войск и начал решительное наступление на башкир.

Между тем восстание башкир продолжалось. Среди восставших появился новый вождь по имени Каракасал. Это был еще молодой башкир 32 лет. Он выдавал себя за султана Гирея, брата Джунгарского хана, незаконно лишенного наследства. Каракасал был весьма образованный и начитанный человек; он побывал в Мекке и распространил слухи, что при гробе Магомета получил мечь для борьбы с „неверными“.

Под предводительством Каракасала восстание башкир приняло характер религиозно-фанатического движения. Башкиры яростно отбивались от русских отрядов, но были разбиты. Каракасал с частью своих приверженцев успел бежать в казак-киргизскую степь.

В 1740 г. восстание было окончательно подавлено и около 5000 башкир явились с повинною к князю Урусову в г. Оренбург. Здесь была произведена знаменитая экзекуция. Главные вожди восстания — башкирские старшины были посажены на железные колья, укрепленные на высоких каменных столбах; семь есаулов Каракасала были повешены за ребра на железных крючьях; 21 человеку отрубили головы и повесили 50 человек. Такая же экзекуция была сделана над башкирами в Сакмарском городке.

По вычислениям историка Рычкова, за период башкирских восстаний с 1735 по 1740 г. было убито и замучено до 28 т. башкир и свыше 3 т. сослано на каторгу. Около 10 тыс. башкирских женщин и детей отдано в рабство русским помещикам и уничтожено до 700 башкирских сел. Таковы итоги страшного башкирского восстания.

Основание современного Оренбурга. Колонизация и устройство Оренбургского края в административном и военно-стратегическом отношении и создание здесь базы для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию натолкнулось на первых порах на крупное противодействие башкир. Кроме того не мало затруднений и хлопот представляло и другое разнородное население края. Казаки постоянно нападали на пограничную линию и делали «перелазы» через р. Урал, вторгаясь в области, занятые башкирами и

калмыками. В свою очередь башкиры и калмыки им отвечали тем-же, переправляясь через Урал и нападая на киргизские улусы.

Внутри края не прекращались столкновения новых пришельцев-колонистов с башкирами. Последние соединялись в партии, продолжая нападать на русские села и заводы.

Жизнь русских переселенцев подвергалась постоянной опасности. Башкиры нападали на них во время полевых работ, угоняли скот, выжигали посевы и села.

Первоначальные задачи правительства, поставленные Кириллову, не были выполнены. В обстановке военной борьбы не представлялось возможным приступить ни к устройству в крае горных заводов, ни к развитию торговых сношений с Средне-Азиатскими странами.

Первый медноплавильный Воскресенский завод, построенный Кирилловым, был сожжен башкирами в 1737 году.

Правда, во исполнение директивы правительства о развитии торговых сношений с Средне-Азиатскими странами Татищев в 1738 г. отправил в Ташкент первый торговый караван, но последний не дошел до места назначения, будучи разграблен в степи казаками. Первая попытка завязать торговые сношения с Востоком через киргизские степи окончилась так же безуспешно, как и Хивинская экспедиция Бекovichа Черкасского. Но тем не менее, не смотря на эти первые неудачи, торговый капитал не оставлял своих планов о завоевании средне-азиатских рынков и опыты торговых сношений были повторены с еще большей настойчивостью, как только русская власть была закреплена над Башкирией.

Таким образом перед правительством продолжали стоять задачи, как по внутреннему устройству Оренбургского края, так и по урегулированию взаимоотношений с Казакской ордой, с целью проложить через ее кочевье свободный путь торговым караванам.

Исполнителем этой программы правительства был назначен И. И. Неплюев, основатель современного Оренбурга.

Первой своей задачей Неплюев считал устройство края в военно-стратегическом отношении, при чем он считал необходимым „закрыть Башкирию от азиатских кочевников“, т.-е. достроить ряд намеченных при Урусове крепостей по р.р. Уралу, Ую и Тоболу.

По прибытии в гор. Оренбург летом 1742 г., Неплюев лично обехал пограничную линию от г. Орска до Тюмени, проделав свыше 700 в. пути по дикой безлюдной местности. Во время своей по-

ездки он лично наметил места для постройки крепостей по р.р. Уралу, Ую и Тоболу и заложил крепость Троицкую, ныне г. Троицк, на устье р. Увельки, впадающей в р. Уй.

Проектируемый им пояс пограничных укреплений имел целью создать прочный барьер на границах Башкирии и Казакской орды и отделить эти народы друг от друга русскими поселениями по границе.

В 1743 г. Неплюев предпринял вторую поездку вниз по р. Уралу. На этот раз он имел целью выбрать место для постройки нового гор. Оренбурга, так как нашел, что избранный Татищевым пункт на урочище Красная гора был неудобен.

По прибытии в крепость Бердскую, которая была построена на месте нынешнего Оренбурга, Неплюев решил основать новый город здесь.

— „Из всех мест по р. Яику,—доносил Неплюев кабинет-министрам,—тут хлебопашество лучше устроено, а пахотной земли, сенных покосов, рыбных озер, одним словом, всего того, что при великом городе довольствию и жительству людскому на всегдашнее время нужно, довольно“.

И, действительно, в окрестностях избранного места имелись большие запасы строительного камня, необходимого для постройки города, по реке Сакмаре сюда можно было сплавлять лес из Башкирии. В смысле путей сообщения нового краевого центра с Россией, он находился в лучшем положении, нежели Орск. Из Оренбурга было удобно управлять Казакской ордой, т.к. большая часть казаков кочевала летом по р. Илеку.

В силу этих соображений, 19 апреля 1743 г. Неплюев заложил гор. Оренбург на настоящем его месте.

В плане, составленном инженером Штокманом, Оренбург представлял собою многоугольник об 11 полигонах, 10 бастионах и 2-х полу-бастионах. Город был обнесен валом и рвом. Высота вала достигала до 12 футов, ширина рва—5 сажень, а глубина 12 футов. Длина крепости занимала 677 саж., а ширина — 570 саж. Общая окружность обвода укрепления равнялась 5 в. 192 саж. В город вели 4 ворот: на востоке — Орские ворота, на западе — Чернореченские и Уральские и на севере — Сакмарские.

Для постройки нового города были наряжены башкиры, тептяри и уфимские казаки. Работы производились при чрезвычайно тяжелых

условиях в смысле продовольствия. За время работ заболело цынгой 1350 рабочих, из которых умерло 631 человек.

В течение лета в 1743 г. город был построен. Здесь были построены дома не только для правительственных учреждений, но и для частных лиц, которым сдавались на чрезвычайно выгодных условиях. Неплюев разослал приглашения в города Уфу, Самару и другие места, предлагая купцам поселиться в новом городе. Первыми для заселения нового города явились казанские татары, которые уже имели торговые связи с казаками.

В 1745 году казанский татарин Сеит Хаялин с товарищами, в числе 300 дворов, испросил разрешение у Неплюева на постройку Сеитовской татарской слободы между Оренбургом и Сакмарским городком. Сеит обязался завести здесь хлебопашество и даже хлопковые плантации, но опыты с последними не удались и татары занялись исключительно торговлей с казаками. В 1784 г. сеитовские татары получили привилегии торговых татар.

Построив Оренбург, Неплюев позаботился наладить с общением нового центра с городами Уфой и Казанью, для чего по направлению к Уфе был устроен почтовый тракт, так называемая Новая Московская дорога. Так как башкирское население по тракту было очень редко, то Неплюев устроил здесь ямские слободы, заселив их казанскими татарами. В 50-х годах XVIII ст. по Ново-Московскому тракту уже насчитывалось 4720 душ населения, половина из них были татары, содержавшие почтовую гоньбу, за которую они освобождались от воинской повинности.

Г. Оренбург возник не в силу естественного роста, как центр местной экономической жизни, но был создан искусственно. Но строитель его—Неплюев сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить расцвет вновь построенному городу. Как военно-административный центр края, город в первую очередь был украшен монументальными по тому времени зданиями, которые производили сильное впечатление на современников, в особенности на кочевников, не видавших больших городов. Современники Неплюева и первый историк края П. И. Рычков говорят об этих первоначальных постройках города с особенною гордостью. В числе первых зданий Оренбурга называют губернскую канцелярию, каменное двухэтажное здание со сводчатым нижним помещением для хранения архивов; губернский дом о 20 покоях, который, по словам историка, — „достойно

было почесть между лучших строений в резиденциях императорских имеющихся“.

Затем шли полицейская и корчемная контора, почтовый и аманатный дворы, для проезжающих офицеров и знатных иностранных гостей (а также и заложников), в которых были устроены “изрядные покои”. Далее, в центре города были построены гауптвахта, гарнизонная и полковая канцелярия, аптека, госпиталь, провиантские и соляные магазины.

В центре города был построен обширный гостинный двор, занимающий площадь длиною вдоль главной улицы города 104 саж. и шириною 94 саж. Внутри гостинного двора, обнесенного высокою стеной, было построено 150 лавок и амбаров; все лавки были построены под сводами и имели навесы, позволяющие торговать в любую погоду. Среди двора было построено каменное здание таможни, сохранившееся до сих пор и просторный пакгауз с весами, которые были покрыты листовым железом и „вычернены смолою“. Гостинный двор предназначался, главным образом, для зимней торговли в городе. Но главная торговля в Оренбурге шла не зимой, когда почти прекращались всякие сношения с Зауральной степью и кочевавшая там Казакская орда уходила на зимовки в „дальние степи“, — а летом. Между тем, летом сношения города с Зауральной степью затрудняла р. Урал. Имея это в виду, Неплюев уже в 1744 году построил за Уралом, в 3-х верстах от города, меновой двор с крытыми лавками и с батареями по углам стен для отражения „хищников“, в случае их нападения на мирных купцов. Меновой двор стал средоточием летней меновой торговли.

Эти заботы об устройстве гостинного и менового двора, на ряду с правительственными зданиями, весьма красноречиво свидетельствуют о тех целях, для которых был построен Оренбург, как форпост колонизаторской политики царизма. Каменные военные казармы, тюрьма, церкви, корчемная контора, гостинный и меновой дворы — лучше всего выражали идею господства торгового капитала и военной силы в крае. Привлекая в новый центр торговый класс, Неплюев раздавал купцам казенные дома в рассрочку, обставляя торговлю большими льготами, что не замедлило сказаться на быстром приросте населения. Чтоб сделать Оренбург еще более заманчивым для торгового капитала, Неплюев сосредоточил в нем всю меновую торговлю с киргизской степью и с средне-азиатскими купцами, за исключением торговли съестными припасами и фуражем. Такая торговая политика

превратила Оренбург в центральный пункт меновой торговли всего обширного края и обусловила быстрый рост города.

В 1747 г., т.е. после 4 лет с основания Оренбурга, по данным Рычкова, уже насчитывалось 837 домов, 4 каменных церкви и выше перечисленные нами казенные здания, что свидетельствует по тому времени о необычайно интенсивном росте города.

Военно-стратегическое устройство края. Оренбург стал не только главным торговым городом края, но и стратегическим узлом крепостей, построенных в крае. От этого узла расходились следующие линии крепостей:

1) *Самарская* линия, соединяющая г. Оренбург с Самарой. Эта линия имела целью разделить между собою башкир и калмыков, кочевавших в степях между рр. Яиком, Самарой и Волгой. Самарскую линию составляли 8 крепостей и 3 редута.

2) *Сакмарская* линия, соединявшая крепости, построенные внутри Башкирии по р. Сакмаре, которая связывала их с Уфой, Мензелинском, Бирском и Осой. Важнейшими из крепостей здесь были Предтеченская и Воздвиженская.

3) *Нижне-Яицкая* линия, начинавшаяся от крепости Чернореченской и кончавшаяся на берегу Каспийского моря. На этой линии имелись города: Яицкий городок, Илецк, Гурьев, крепости: Кулагина, Калмыкова, Сахарная и 19 казачьих форпостов, которые охранялись яицкими казаками.

4) *Верхне-Яицкая* линия от гор. Оренбурга до Верхне-Яицкой пристани имела на протяжении 561 в. 8 крепостей и 16 редутов. Она разделялась на две дистанции: Красногорскую и Орскую; первую составляли: редуты Нежинский и Вязовой, крепость Красногорская, редут Гирьяльский, крепость Озерная, редут Никольский, крепость Ильинская, ред. Подгорный, крепость Губерлинская и редут Разбойный.

В состав Орской дистанции входили крепости: Орская, редуты Калпацкий и Тереклинский, крепость Таналыцкая, Уртазымская, редуты Орловский, Березовский, Грязнушинский, крепость Кизильская, редуты Сыртенский, Янгельский, крепость Магнитная, редуты Верхне-Кизильский и Спасский, в 16 верстах от крепости Верхне-Яицкой.

5) *Уйская* линия от г. Верхне-Яицкой пристани до кр. Звериноголовской на протяжении 753 в. и имела 9 крепостей и столько же редутов

Основной стратегической линией была Яицкая линия, тянувшаяся по р. Яику. К этой главной линии примыкали несколько второстепенных. Одна из них шла от р. Уя на северо-восток и далее по р. Миасу, прикрывая Челябинские места от Башкирии. От устья р. Миаса шла Екатеринбургская линия на запад через Шадринск к Екатеринбург и далее через Уральские горы на Красноуфимск, Кунгур и Осу, где упиралась в р. Каму.

Таким образом, получался большой четырехугольник, западную сторону которого составляли р.р. Кама и Волга, северную — Екатеринбургская линия от Осы до устья Миаса; восточную — р. Миасс — Яик до устья р. Ор и южную — р. Яик. В этот четырехугольник была замкнута Башкирия со всех сторон.

Неплюев приложил все усилия, чтобы заселить Оренбургский край русским элементом. Для этой цели со стороны Закамской линии были сняты и переселены на Оренбургскую линию казаки, дворяне и другие служилые люди. Таких переселенцев насчитывалось до 4152 человек. Из южной России в Оренбург были переселены 849 душ малороссийских казаков; из Самары, Алексеевска и Уфы — 550 казаков, которые положили начало Оренбургскому казачьему войску.

Гарнизоны вновь построенных крепостей составили 2 пехотных и 1 драгунский полк. Кроме того, на линию было переселено 1000 донских казаков, 3 тыс. Уфимских башкир, 500 мещеряков, 500 ясачных татар и от 3-х до 4-х тысяч казанских татар.

На Уйскую линию было переселено до 1000 зауральных башкир, 5000 крестьян Екатеринбургской и Исетской провинции, 500 яицких казаков и 300 уфимских нагайбацких и ельдяцких казаков и 3 роты Уфимского полка.

Нижне-Яицкая линия охранялась яицкими казаками и для той же цели предназначалось 5000 калмыков.

По данным историка Рычкова, во времена Неплюева Оренбургский край располагал военными силами в 20 тыс. человек, чего было вполне достаточно, чтобы упрочить в крае военное господство России.

Образование 15 марта 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния, и Неплюев был назначен первым ее губернатором. **Оренбургской** губернии, и Неплюев был назначен первым ее губернатором. **губ. в 1744 г.** натором.

В административном отношении Оренбургская губ. делилась на Оренбургский дистрикт, к которому принадлежали: Илецкий городок, Сакмарский городок, Зелаирская крепость, Яицкий казачий городок со всем Яицким войском, и Уфимскую и Исетскую провинции.

Линейные крепости Оренбургского края разделялись на 8 дистанций: Сакмарскую, Самарскую, Нижне-Яицкую, Красногорскую, Орскую, Верхне-Яицкую, Верхне-Уйскую. Оренбургский дистрикт (собственно уезд) и 8 крепостных дистанций находились в непосредственном управлении Оренбургского губернатора, тогда как для управления Уфимской и Исетской провинцией назначались особые воеводы.

В состав Уфимской провинции входили уезды: Бирский, Мензелинский, Осинский и Куртамышский.

Исетская провинция, как нам уже известно, была образована при Татищеве в 1738 г. и состояла из уездов — Исетского, Шадринского, Окуневского.

Уфимская и Исетская провинциальные канцелярии заведывали всеми башкирскими делами.

Кроме того, в состав Оренбургского дистрикта входила Бугульминская Земская Контора „со слободами и жителями на Московской дороге“, Ставропольский дистрикт (уезд), населенный крещеными калмыками; Оренбургское и Уральское казачьи войска, Казакская Малая орда и каракалпакский народ, занимавший нижнее течение р. Сыр-Дарьи.

Численность народонаселения вновь образованной Оренбургской губ. точно установлена не была. Число русских определялось до 200 тыс. человек. Численность башкир определялась в 106.176 душ, мещеряков 15 тыс. душ, крещеных калмыков 9 тыс. душ, мордвы, чувашей, вотяков — до 3 тыс. душ, каракалпаков до 30 тыс. кибиток.

Заканчивая обзор военно-административного устройства Оренбургской губ. при Неплюеве, нам необходимо еще познакомиться с устройством Яицкого и Оренбургского казачьих войск, в лице которых уже создана была крупная военная сила для охраны восточных границ России от набегов кочевников.

Яицкое казачье войско в XVIII в. С образованием Оренбургской губ. Яицкое казачье войско, бывшее до тех пор в ведении Астраханского губернатора, было подчинено Оренбургскому губернатору.

Нам уже известно, что ядро этого войска было образовано группой донских казаков, появившихся в XVI в. в устье р. Яика.

В царствование Михаила Федоровича, по собственной просьбе, казаки были зачислены в состав служилых людей и получили грамоту на вечное владение р. Яиком, от верховьев до устья.

С появлением калмыков между реками Яиком и Волгой, казаки вступили с ними в борьбу и сохранили за собой среднее и нижнее течение р. Яика.

В 1630 году Московское правительство построило при устье реки Яика острог Гурьев, поставив там стрельцов, но казакам не понравился гурьевский гарнизон, запиравший им выход из реки в свободное море, и они не один раз прогоняли стрельцов. Но по мере того, как в центре усиливалась государственная власть, Московское правительство стремилось подчинить казаков и использовать их военную силу в целях государства. Казаки неохотно подчинялись Москве и поднимали восстания. Они принимали участие в восстании Разина, но после подавления этого восстания были вынуждены покориться.

В 1670 г. Яицкое войско было зачислено в Казанский Приказ. С этого времени казаков стали наряжать на службу вне пределов войска.

В 1719 году Петр I подчинил войско Коллегии Иностранных дел, а в 1721 году оно было зачислено в ведомство Военной Коллегии; по делам же гражданским казаки были подчинены Астраханскому губернатору.

Со времени подчинения Военной Коллегии, казаки стали подвергаться различным притеснениям, ограничивающим их старый быт. Внутреннее устройство Яицкого войска имело характер древневечевой республики. Во главе войска стоял Войсковой Круг, состоявший из казаков, который и обладал законодательной властью. Власть исполнительная была в руках войскового атамана и старшин, избираемых вольными голосами всего войска. Войско управлялось на основах обычного права, сложившегося в своеобразных условиях их военного быта.

Военная Коллегия не могла допустить старого казацкого самоуправления и старалась ввести их в общую систему государственного управления. Казаки протестовали: „Не было сего у наших дедов и отцов“, — говорили они, — „не бывать и у нас“. Они упорно отказывались следовать указаниям Военной Коллегии, „дабы и впредь не повадно было“.

В 1722 году Петр I командировал на Яик полковника Захарова с поручением произвести казакам перепись. Казаки возмутились, сожгли свой городок и решили уйти в киргизскую степь, но были усмирены. Выборный войсковой атаман Меркурьев, оказавший при

этом услуги правительству, помимо воли войска, был назначен пожизненным войсковым атаманом. Казаки были переписаны, при чем их оказалось 5,771 муж.

Ставленник московского правительства, атаман Меркурьев, злоупотреблял своей властью. Казачество разбилось на две партии — „послушных“ и „непослушных“ казаков, составлявших „войсковую“ и „старшинскую“ партии. Непослушные казаки вели борьбу с атаманом и жаловались на него в Москву. Московские чиновники поддерживали атамана и его партию. Наконец, атаман проворовался и в 1737 г. был уволен со службы, но право выбирать атамана было навсегда отнято у Яицкого войска. Они могли избрать лишь трех кандидатов, из которых один утверждался правительством.

В 1744 году, как мы сказали, Яицкое войско вошло в состав Оренбургской губ. Войску было поручено охранять Нижне-Яицкую линию. Насчитывая в своих рядах около 3000 бойцов, казаки держали кордоны на протяжении 700 верст, что требовало огромного напряжения сил. Правительство решило усилить их одним драгунским полком, но казаки не согласились, опасаясь, что новые поселенцы нанесут ущерб их рыболовству. Они просили оставить их на прежних основаниях и сдать им за особую арендную плату учуг, устроенный в низовьях реки Яика частными рыбопромышленниками. Правительство уважило их просьбу.

Неплюев ценил казаков, как военную силу и чрезвычайно осторожно относился к их обычаям, религиозным убеждениям и формам внутреннего самоуправления. Он ввел в войске штаты чиновников и упорядочил военную организацию, разделив их на полки, сотни и десятки и установил очередь отбывания службы. В войске продолжал существовать Войсковой Круг, но власть его была ограничена: он рассматривал только хозяйственные дела. Для дел судебных был учрежден Войсковой Суд. На неправильные действия суда и администрации казакам было предоставлено право приносить жалобы Оренбургскому губернатору.

Еще предшественники Неплюева стремились возможно больше усилить местных казаков, так как по своим качествам они являлись наиболее надежными сторожами русских границ. Против быстрых и отважных казак-киргизов регулярные войска были мало пригодны и только казаки, служившие о дву-конь, были их страшными противниками.

По примеру Яицкого войска, в 1755 году Неплюев положил основание Оренбургскому казачьему войску, сформировав из казаков Оренбургский нерегулярный корпус.

Образование Оренбургское казачье войско возникло иным путем, **Оренбургского** чем Яицкое и другие казачьи войска, образовавшиеся **казачества.** на юге и юго-востоке России.

Южные и юго-восточные казачьи войска — Донское, Астраханское, Яицкое, Кубанское, Терское — образовались в XVI в. из вольных казачьих общин, сложившихся из беглых крестьян, служилых людей, холопей и вообще „черного люда“, спасавшегося от экономического и политического рабства правящих классов боярско-княжеской Москвы.

Оренбургское войско было сформировано в административном порядке царским правительством, как оплот русской колонизации Оренбургского края.

Это обстоятельство имело огромное влияние на общий ход политического и экономического развития Оренбургского казачества и на его административный и общественный строй. Оренбургские казаки никогда не знали вечевого устройства „вольных казачьих общин“ и того широкого демократизма, которым был проникнут общественный строй „вольного казачества“.

Историческую и этнографическую связь с южными казаками оренбургские казаки сохранили только по тем отдельным группам донских, исетских, яицких и самарских казаков, которые вошли основным ядром в его образование.

Основание Оренбургскому казачьему войску положили 150 самарских и уфимских казаков, вошедших в состав Оренбургской Экспедиции статского советника Кириллова.

После постройки г. Оренбурга и других крепостей, как нам известно, край стал убежищем для крестьян, холопов, раскольников, бежавших из центра России в далекую и дику Башкирию.

Забываясь о колонизации Башкирского края русским населением, статский советник Кириллов исходатайствовал у правительства разрешение всех этих беглых людей, „годных к труду и здоровых писать в регулярную службу, а тех, которые негодны для регулярной службы, записывать в казаки“. Но при Урусове правительство распорядилось ловить беглых и возвращать в Россию.

При Неплюеве 3-го февраля 1743 г. был снова издан указ правительства всех беглых крестьян высылать из Оренбургского края в места прежнего жительства.

Неплюев вошел с ходатайством об оставлении их в новых крепостях „для скорейшего их основания и устройства, где годные люди не меньше того, как в полки нужны“. Ходатайство Неплюева было удовлетворено, и 27 июня 1744 года весь пришлый элемент, находившийся по крепостям Оренбургской линии, был зачислен в казаки. Таких казаков оказалось 2415 человек.

Построив новый г. Оренбург в 1743 г., Неплюев переселил сюда 550 человек самарских и уфимских казаков, застроивших Форштадт. Из этих казаков была создана первая военно-административная единица Оренбургского войска — Оренбургский нерегулярный корпус.

Все другие казаки, живущие в крепостях, пока не имели самостоятельного управления и были подчинены по месту своего жительства провинциальным воеводам, командирам ландмилицких полков и крепостным комендантам.

В 1748 г., указом Военной Коллегии от 12-го июля, управление всеми казаками края было объединено в руках войскового атамана Могутова, назначенного правительством из самарских казаков. В помощь атаману были назначены есаул и писарь. Эти три лица составили „Войсковую Избу“ — первый высший военно-административный аппарат войска.

15-го мая 1755 г. был утвержден штат Оренбургского нерегулярного корпуса *).

*) Примечание:

		Жалование: одному. всем: (в рублях)		
Войсковая Изба:	Штат войска:			
	Войсковой атаман	1	120	120
	Войсковой есаул	1	50	50
	Войсковой писарь	1	24	24
Нерегулярный корпус, расположенный в Орен- бурге:	Полковник	1	120	120
	Сотников	10	30	300
	Хорунжих	10	24	240
	Урядников	20	21	420
	Ротных писарей	10	18	180
	Капралов	40	18	720
	Казаков	1000	15	15000
		1094	—	17174
В Бердской слободе:	Атаман	1	12	12
	Хорунжий	1	8	8
	Писарь	1	6	6
	Казаков	100	3	300
		103	—	326
В г. Уфе:	Атаман	1	12	12
	Хорунжий	1	8	8
	Писарь	1	6	6
	Казаков	147	4	588
		150	—	614

В 1755 г. Оренбургское войско насчитывало 5877 мужск. душ, из которых 1797 человек получали жалование от казны и назывались „жалованными“ казаками, а остальные казаки жалования не получали и служили за свой счет, пользуясь за службу земельными угодьями.

В 60-х годах XVIII ст. был издан указ, по которому всех казачьих детей, а также детей дворян и „служилых людей“, проживающих в Самаре, Саратове и Ставрополе, по достижении ими 17-ти летнего возраста, стали зачислять в казаки, дабы они „праздно не шатались по Волге“; зачисляли в казаки и крещеных калмыков.

В 1764 г. мужское население войска возросло уже до 13,874 человек.

Заселяя казаками Оренбургскую пограничную линию, правительство преследовало две цели: во-первых, оно стремилось создать на границе в лице казачества крупные военные силы, которые могли защищать границу от набегов кочевников, а во вторых — казаки являлись культурным земледельческим элементом в крае; с течением времени казаки настолько развили земледелие, что могли удовлетворять своими продуктами не только местное население края, но и вывозить хлеб в киргизскую степь, что оказало огромное влияние на развитие торговых сношений с Казакской ордой.

Г Л А В А III-я.

Национальная политика правительства. Развитие в крае торгового капитала в XVIII-м веке.

Национальная политика правительства. Отправляя экспедицию Кириллова в Оренбургский край в 1734 году, правительство поставило ему следующие задачи:

- 1) Построить город Оренбург на границе Киргизской степи и Башкирии и привлечь в него русское население.
- 2) Удерживать киргиз-кайсаков в повиновении, смотря по обстоятельствам, — милостями и подарками, строгостью и страхом.
- 3) Реку Яик сделать границей и следить, чтобы никто из киргиз не переходил этой границы.
- 4) Отыскать в крае руды, золото, строить заводы, завести торговлю с средне-азиатскими странами и завести судоходство на Аральском море.
- 5) Наблюдать за башкирами и киргизами, и в случае, если те и другие будут волноваться, **то употребить один народ против другого.**

Из программы правительства видно, что в основу национальной политики в Оренбургском крае положен был старый принцип: „разделяй и властвуй“. Разрешая вопрос национальной политики в такой плоскости, правительство имело в виду, что искусственное раздувание национальной вражды в крае имело исторические предпосылки. Между казаками и башкирами издавна существовала вражда, которая, благодаря обычаю кровавой мести, не могла быть изжита обоими народами и легко воспламенялась при всяком удобном случае.

Башкиры прекрасно помнили, что 10 тыс. казаков под предводительством хана Средней орды Шемьке в 1733 г. с огнем и мечом вторглись в их землю, хотя и были отражены старшиной Таймасом. Вскоре набег был повторен уже в числе 20 тыс. казаков, которые снова были разбиты башкирами.

В 1738 г. хан Абулхаир вторгнулся в Башкирию со своим войском, опустошая башкирские села в тот момент, когда все силы башкир были отвлечены на борьбу с русскими отрядами.

Подобная же вражда существовала между калмыками и башкирами, если мы припомним опустошительный поход калмыцкого хана Аюки, усмирявшего Башкирию в начале XVIII века.

При наличии таких национальных антагонизмов у полудиких кочевых народов их легко было натравить один против другого, чем и пользовались Оренбургские губернаторы с большим успехом, в особенности Неплюев.

Занимая Оренбургский край, правительство строило планы развития внешней торговли на Востоке, но восстания башкир отвлекли его совершенно в иную сторону. После постройки города Оренбурга и укрепления пограничной линии „ключи и врата в Среднюю Азию“ попрежнему оставались в руках независимого и враждебно настроенного народа. В Казакской степи попрежнему бушевала вольная стихия кочевников-казаков, не признающих никаких письменных договоров своих ханов с правительством, для усмирения которых не имелось ни достаточных сил, ни достаточных средств.

Казак-киргизский народ держал в своих руках все караванные пути, ведущие из России на Восток и являлся большой силой, совершенно не уловимой в беспредельных степях. Всякие неприязненные отношения с казаками—прежде всего отзывались на караванном движении в Казакской степи, почему для развития в крае внешней торговли был необходим мир с казаками. В силу этих причин Неплюев держался в отношении Казакской орды дружественной политики, привлекая правящие классы „на службу“ русскому правительству всевозможными лаской и подачками.

Уже в 1744 г., в целях привлечения симпатий казакского народа, Неплюев приказал отобрать у башкир всех отбарантованных в орде лошадей и передать их казакам. Эта мера произвела в орде самое благоприятное впечатление, вследствие чего около 2000 кибиток казаков прикочевало к Оренбургу, где они вступили в меновую торговлю.

В отношении казакской знати—ханов, султанов и старшин, Неплюев придерживался такой же политики. Он оказывал им большой почет, раздавал подарки и жалованье „за службу“ и вообще всячески привлекал их на сторону России. Последнее не всегда ему удавалось. Особенно трудно было ладить с честолюбивым и умным

Абулхаир-ханом, который, не смотря на принятие русского подданства, продолжал сохранять свою независимость.

Абулхаир-хан, приняв подданство России, рассчитывал найти не только защиту от нападения калмыков и башкир на свой народ, но надеялся при помощи русских войск стать ханом всех казакских орд и даже покорить Хиву. Однако правительство не поддержало честолюбивых планов хана, что вызвало с его стороны неприязненное отношение.

Вслед за Абулхаир-ханом в 1740 г. вступили в русское подданство хан Средней орды Абдулмагомет и влиятельные той же орды султаны Аблай и Барак.

Подданство казакского народа на первый раз ограничилось лишь тем, что казакские ханы и старшины принесли присягу на верность русскому царю, причем им были оказаны воинские почести и розданы подарки. Казакский народ в своей массе по прежнему продолжал жить совершенно независимо от России, не платил русским властям никакой дани и не нес никакой службы. Казаки по прежнему продолжали нападать на русские пограничные селения и на торговые караваны, которые отправлялись в степь, и ни хан и ни султаны не могли остановить этих нападений.

В 1739 г. казаки разбили первые русские торговые караваны, отправленные с товарами в Бухару; в 1740 г. ими был разбит караван, отправленный в Хиву. Таким образом первые попытки завести торговые сношения с средне-азиатскими ханствами натолкнулись на противодействия казаков.

Прибыв в Оренбургский край, Неплюев вызвал к себе Абулхаир-хана и потребовал от него, чтобы он принял на себя охрану торговых караванов в степи. Взамен этой службы хан потребовал, чтоб губернатор отпустил в орду его сына Хаджи-Ахмета, содержавшегося заложником в Сорочинской крепости.

Неплюев отклонил просьбу хана, а последний, чтоб отомстить губернатору, организовал ряд нападений казаков на русские крепости, на башкир и калмыков.

Враждебные отношения между Абулхаир-ханом и Неплюевым продолжались до 1747 г., что весьма невыгодно отразилось на развитии внешней торговли в Оренбурге.

В 1748 г. Абулхаир был убит, а вместо него ханом был избран его сын султан Нурали.

Новый казакский хан был сторонником сближения с Россией, т. е. своим избранием был обязан исключительно поддержке Оренбургского губернатора. Нурали-хан уже поступил „на службу“ России, за что стал получать определенное жалованье; он принял меры к охране русских караванов. Последнее обстоятельство создало благоприятные условия для развития торговых сношений с Хивой и Бухарой.

В вопросах взаимоотношения Казакской орды и русского правительства на ряду с экономической заинтересованностью с обеих сторон в развитии меновой торговли на границе и караванного движения в глубь степи, в Среднюю Азию, играли не малую роль, как мы только что убедились, личные отношения ханов и оренбургских губернаторов. Неплюеву удалось взять надлежащий тон по отношению к правителям орды и путем подарков даже заставить их служить интересам торгового капитала. Однако, даже несмотря на явную выгоду, которую извлекало население орды из развития мирных экономических сношений с Россией, эти сношения иногда разрывались политикой ханов, и на границе степи начиналась вооруженная борьба, обычно приостанавливающая караванную торговлю. Такие явления наблюдались неоднократно на протяжении XVIII в. и даже XIX в., когда казакские ханы сводили к нулю попытки губернаторов наладить караванные торговые сношения с Востоком.

Вскоре после ухода Неплюева из Оренбургского края новые губернаторы не поладили с казакскими ханами, и на почве личной, вражды в степи сложилась обстановка, совершенно прекратившая заграничную торговлю. Со стороны казаков начались набеги на линию и ни один русский караван не смел показаться в степи.

Путем репрессий и карательных экспедиций правительство сделало попытку усмирить казакскую степь, но эти попытки не дали никаких результатов. Наконец, правительство даже выработало план большой военной экспедиции в Казакскую степь, для сего было мобилизовано Калмыцкое войско под предводительством хана Убаши, и только события на Западе удержали его от выполнения этого плана.

В 60-х годах правительство Екатерины II, убедившись, что военные экспедиции в степь не в состоянии упрочить русско-киргизских отношений, сделало первые попытки уладить конфликт мирным путем и „привить“ казакам „людскость и лучшее обхождение“. Для достижения этой цели было решено в лице казакских султанов и

сыновей знатных старшин, содержавшихся в Оренбурге в качестве заложников, подготовить проводников русской культуры и русского влияния в орде. Казакских мальчиков стали обучать русской грамоте и русскому языку и воспитывать на европейский манер. Однако эти меры дали весьма скромные результаты. Правда, некоторые казакские султаны, получившие русское воспитание, сделались сторонниками России, но по возвращении в степь они не могли оказать сколько нибудь заметного влияния на народные массы, которые считали их „чуждым элементом“. Набеги казаков на караваны и на границу продолжались по прежнему, а правительство в виде репрессий высылало в степь военные отряды, которые громили казакские аулы, находившиеся вблизи границы, что еще более озлобляло казаков.

Взаимоотношения с Казакской ордой оставались неурегулированными и непрочными до конца XVIII в. Это обстоятельство имело сильное влияние на общий ход внешней торговли и препятствовало проникновению русского торгового капитала в киргизскую степь.

Развитие в крае промышленности В 40-х годах XVIII века в крае было положено начало горно-заводской промышленности; до тех же в XVIII веке, пор здесь не существовало ни одного горного завода.

Горнозаводская промышленность на Урале возникла в царствование Петра I. Первыми заводчиками были знаменитые Строгановы и Демидовы, основавшие свои заводы близ Верхотурья и Казани, а затем и в Екатеринбургском районе.

В 1720 г. Петр издал указ об отыскании руд в Уфимской провинции, но указ этот не был осуществлен. В 1734 году, когда была снаряжена Оренбургская Экспедиция, в Екатеринбургском районе работало уже 30 горных заводов, а в 1737 г.—40 заводов, с общей добычей металлов свыше 6 мил. пудов в год. Из числа этих заводов 14 принадлежало Демидову.

Выполняя инструкцию правительства об отыскании и разработке руд в Оренбургском крае, Кириллов в 1736 году приступил к постройке первого Воскресенского медно-литейного завода, но во время башкирских восстаний завод был сожжен башкирами, и последовавшие затем события совсем отодвинули на задний план развитие горной промышленности.

Вступив в управление краем, Неплюев приступил к насаждению в нем промышленности, но не имея в своем распоряжении ни государственных средств, ни подготовленных к этому людей, обратился

к частному торгово-промышленному капиталу, приглашая его для развития горного дела в Башкирии.

Первыми заводчиками в крае явились мясной поставщик Неплюева купец Твердышев, человек, обладавший большой инициативой и предприимчивостью, и тульские купцы Мясников и Мосолов. Твердышев исходатайствовал через Неплюева восстановить Воскресенский медноплавильный завод. К заводу было приписано 200 рабочих и военная команда для охраны, которых он должен был содержать на свой счет, при чем $\frac{1}{10}$ часть всей добытой меди должна была поступать в доход казны, а $\frac{9}{10}$ — в распоряжение заводчика. В 1744 г. Воскресенский завод уже был пущен в ход. Примеру Твердышева последовали другие заводчики, которые также получили разрешение строить в Башкирии горные заводы, покупать и кортомить башкирские земли.

В течение 1748—1753 гг. Твердышев и компания других заводчиков построили 4 медно-литейных завода: Преображенский, Бого-явленский, Архангельский и Верхотурский.

Тульские заводчики Мосоловы в 1751 г. построили завод Кананикольский; Мясников построил в том же году завод Благовещенский.

В 1757—1758 г. были построены железные заводы Твердышева и Мясникова—Катав-Ивановский, Юризенский, Белорецкий, Миасский, а затем стали появляться и другие заводы.

В 50-х годах XVIII ст. в Оренбургском крае работало уже 28 частных заводов, из которых 15 было медно-литейных и 13 железо-делательных. На заводах работало 7 домен, 13 горнов, 56 печей и свыше 70 молотов для расковки железа.

Для приобретения рабочей силы, необходимой на заводах, владельцы их получали право покупать крепостных крестьян, по 50-ти семей на каждую тысячу пудов выплавленного металла. Вследствие чего, с устройством заводов, владельцы их стали переселять сюда крестьян, что положило начало заводской колонизации края. С постройкой заводов, в самых глухих местах Башкирии внедрялось культурное русское население. К концу XVIII в. крупные помещики и заводчики края переселили сюда тысячи крестьянских семей. Так, например, помещики Тимашевы поселили на башкирских землях 2 тыс. крестьян, Мансуров 2500, Крашенинников 2 тыс. и т.д.

В Башкирии проводили дороги, устраивали мосты и крепости для защиты предприятий от башкир, содержали военную стражу. На некоторые медно-плавильные заводы руда привозилась издалека;

например, на заводы Кананикольский и Преображенский ее возили с Мосоловских рудников, разрабатываемых близ поселков Вязовского и Островного. Для подвозки руды устраивали дороги; по дорогам строили казармы для рабочих и возчиков, что также оживляло край новыми русскими поселениями.

В связи с колонизацией Башкирии, развилась хищническая скупка башкирских земель. Помещики Тимашевы, Ермоловы, Крашенинниковы и Бахметьевы, например, скупили у башкир всю восточную полосу Оренбургского уезда.

Покупка земли производилась у башкирских сельских обществ, при чем старшины и влиятельные лица, от которых зависела продажа, подкупались угощениями и взятками и продавали общественную землю за бесценок; например, участок земли в 37.069 дес. для Архангельского завода был приобретен за 200 руб.; Белорецкий завод купил 300 тыс. десятин за 300 руб.; Авзяно-Петровский завод за 180 тыс. дес. уплатил 200 руб. В руках некоторых помещиков оказалось огромное количество башкирских земель. Так, например Тимашевы скупили 165 тыс. десятин.

В конце XVIII в. в Оренбургской губ., кроме частных, работало еще 4 казенных железо-делательных завода: Златоустовский, Саткинский, Миасский и Кусинский. Из них Златоустовский оружейный завод получил широкую известность приготовлением „белого оружия“ из знаменитой златоустовской стали, которая изготовлялась с примесью платины.

Златоустовский завод был основан в 1751 г. Начало приготовления оружия на заводе положили 56 семейств иностранных оружейных мастеров, выписанных из германского города Солингена.

Частных железоделательных и чугуно-плавильных заводов работало 11, медно-плавильных 13, а всего 29 заводов. Общая добыча чистой меди всеми заводами равнялась 65 тысячам пудов и 948,573 пудам железа различных сортов.

Все эти заводы в общей сложности владели 1.300 тыс. десятин башкирской земли, в числе которой 750 тыс. было строевого леса.

На ряду с развитием горнозаводской промышленности в Оренбургской губ., в конце XVIII в. начала развиваться фабрично-заводская промышленность по переработке сельско-хозяйственного сырья и продуктов животноводства. К этому времени в крае работали следующие фабрики и заводы, принадлежащие частным лицам: фабрик суконных—8, бумажных—1, заводов поташных—66, стеклян-

ных — 2, кожевенных — 15, свечных — 24, винокуренных — 11. Общая стоимость продукции этих промышленных заведений нам неизвестна, но совершенно очевиден факт глубокого внедрения промышленного и торгового капитала в Оренбургском крае, который наряду с развитием военной колонизации углублял и развивал культурное завоевание края.

Илецкие соляные копи. Особенной достопримечательностью Оренбургской губ. являются знаменитые Илецкие соляные копи, которые славятся богатейшими запасами каменной соли. Илецкие копи находятся от Оренбурга в 65 верстах в киргизской степи. Они были открыты еще за долго до появления русских. Илецкая соль издавна добывалась кочевниками — ногайскими татарами, башкирами и казаками. Наиболее широкая известность Илецких соляных копей начинается с 1744 г., когда по приказу Неплюева была произведена первая разведка залежей соли майором Кублицким.

До 1754 г. разработка Илецких соляных копей производилась свободно. С 1754 г., с введением в Оренбурге соляной монополии, добыча и торговля солью стали государственной регалией. Илецкие соляные промыслы были сданы в аренду сотнику Оренбургского войска Углицкому, который обязался поставлять в казну ежегодно 60 тыс. пудов соли по 6 коп. за пуд.

Углицкий построил на месте промыслов небольшую крепостцу, получившую название Илецкой Защиты. Это была бревенчатая крепость, построенная в виде четырехугольника; в крепости были построены казармы для роты солдат и 130 человек ссыльных, присланных для ломки соли, и провиантский магазин.

Кроме гарнизона в Илецкой защите еще жили казаки.

Илецкие соляные промыслы, а также и торговля солью находились в непосредственном ведении учрежденного в Оренбурге Соляного Правления. Сначала илецкая соль имела сбыт только среди населения Оренбургской губ.; по указу правительства в 1766 году было разрешено илецкую соль вывозить во внутренние губернии России, почему добычу соли было предположено увеличить до 2 мил. пудов в год, в соответствии с чем было увеличено число ссыльных, занятых на промыслах. Из Илецкой Защиты соль гужем подвозилась на Стерлитамакскую пристань, устроенную для этой цели на реке Белой; здесь соль грузилась на особые баржи и сплавлялась по рр. Белой, Каме и Волге в Нижний Новгород.

Во время Пугачевского восстания в 1773 г. Илецкие промыслы были разрушены сподвижником Пугачева — Хлопушей, но в следующем 1774 г. они уже были восстановлены.

В 1789 г. указом Сената вывоз илецкой соли в другие губернии был прекращен, вследствие больших накладных расходов по вывозу. Илецкие промыслы перешли в ведение Оренбургской Казенной Палаты; добыча соли ограничилась тем количеством, которое было необходимо для населения Оренбургской губ., т.е. до 300 т. пуд. в год.

В 1805 г. вопрос об Илецких промыслах был пересмотрен, и илецкая соль снова получила выход из пределов Оренбургского края. Так как сплав соли по Белой оказался не вполне надежным, то было решено отправлять соль сухопутным путем до Самары, откуда по Волге доставлять ее в Рыбинские казенные магазины и в Нижний-Новгород. Добычу соли предположено было увеличить до 4-х мил. пудов в год. Илецкие промыслы были переданы в ведение Соляного Правления в г. Самаре.

Но и на этот раз илецкая соль, вследствие дороговизны сухопутного гужевого транспорта, не выдержала конкуренции с более дешевой выварной пермской солью. Вывоз соли опять был прекращен, а добыча ее сократилась до 500 тыс. пуд. в год.

В 1827 году Илецкие промыслы были преобразованы вновь; были введены более совершенные способы для добычи соли по правилам горных разработок. Добыча соли повысилась до 1 мил. пуд. Промыслы стали давать государству огромный доход, так, например, в 1827 г. было получено 800 тыс. рублей чистой прибыли.

В 1862 г., с введением в государстве акцизной соляной системы, государство отказалось от эксплуатации Илецких промыслов, и они перешли в руки частной промышленности, которой и эксплуатировались до революции 1917 г.

По исследованиям 1851 года запасы илецкой соли определяются в 74 миллиарда пудов и могут снабжать солью всю Россию, считая по 35 мил. пудов в год, в течение нескольких тысячелетий. Глубина месторождения соли еще до сих пор не исследована. Соль залегает весьма плотной и чистой массой.

Добыча соли в XIX в. колебалась от 850 тыс. до 2700 тыс. пуд. в год, в зависимости от рынков сбыта.

Развитие торговли в XVIII в. Первые попытки завязать торговые сношения с средне-азиатскими странами через посредство торговых караванов, отправленных в 1738 г., как нам известно, окончи-

лись полной неудачей. Только с укреплением военного положения в крае и с открытием укрепленных меновых дворов в пограничных пунктах в Оренбурге и Троицке, удалось не только завязать, но и развить меновую торговлю до таких размеров, когда она приобрела важное государственное значение.

Внешняя меновая торговля в Оренбургском крае производилась с казаками и средне-азиатскими странами—Бухарой, Хивой, Ташкентом, Кокандом и китайским городом Чугучаком.

До постройки г. Оренбурга меновой торг производился в Орской крепости, а с 1743 г. был перенесен в Оренбург, который стал центральным торговым пунктом Оренбургского края.

Для меновой торговли с азиатцами в Оренбурге был построен обширный меновой двор, в 800 саж. в окружности, обнесенный сплошными каменными зданиями в виде крепости, с 4-мя бастionsами по углам. Внутри двора было устроено 344 лавки, 140 амбаров для складов товаров, квартиры для купцов, кухни и мечеть.

Вторым торговым пограничным центром была Троицкая крепость, где также был устроен меновой двор для торговли с казаками и ташкентскими купцами.

Открытие в Оренбурге меновой торговли с средне-азиатскими странами в половине XVIII в. совпало с общим подъемом промышленности в России. С 1742 г. по 1767 г. количество полотняных мануфактур в России возросло с 20 до 88, а число суконных фабрик увеличилось с 16 до 76. Изделия русской мануфактурной, а также и горнозаводской промышленности находили весьма хороший сбыт на Оренбургском рынке, где их закупали казаки и средне-азиатские купцы. Особенно хорошо здесь шли сукна, бумажные ткани, металлические изделия, затем меха, кожевенные товары, краски, чай, сахар, русский хлеб и различные бакалейные товары, в которых нуждалась киргизская степь, где не существовало никакой промышленности.

Из Хивы, Бухары и Ташкента, через киргизскую степь, с наступлением весны до осени тянулись торговые караваны.

Средне-азиатские купцы везли из Ташкента, Бухары и Хивы в Оренбург шелковые материи, каракулевые шкурки, индийскую парчу, полотна, кисею, ковры, ляпис—лазурь, сушеные фрукты и проч. Кроме того они привозили из заграницы золото и серебро в слитках и в бухарских и персидских монетах. По свидетельству историка Рычкова с 1746 по 1755 г. в Оренбург было ввезено из заграницы до 50 пуд. золота и 4.600 пуд. серебра, что при недостатке в то

время в России драгоценных металлов имело большое государственное значение.

По данным Оренбургской таможни за первое 10-ти летие со времени открытия оренбургской торговли, с 1744 г. по 1754 г., из Оренбурга было вывезено за границу русских товаров на сумму 3.458.026 руб.; за тот же период ввезено из заграницы в Оренбург азиатских товаров на сумму 1.344.186 руб. Доходов от таможенных пошлин за этот период в казну поступило 289,683 руб. При этом следует иметь в виду, что сумма вывезенных товаров, определяемая почти в 3½ милл. рублей, является рекордной не только для первых десятилетий начала оренбургской торговли в XVIII в., но и для всей первой половины XIX века. Эта сумма превышает ввоз азиатских товаров на 2 мил. рублей, чего никогда не повторялось в будущем, когда торговый баланс сводился всегда не в пользу России. Что касается покупательной силы тогдашнего рубля, то он больше чем в 10 раз превосходил покупательную способность довоенного рубля.

В последующее десятилетие с 1754 по 1764 г. мы наблюдаем обратное явление: отпуск русских товаров за границу упал против предыдущего 10-ти летия больше, чем в два раза—до суммы 1.368.329 рублей, тогда как ввоз заграничных товаров в Оренбург поднялся до 1.939.912 рублей, т.-е. на 570583 рубля превысил отпуск товаров за границу.

Мы полагаем, что явление это имеет тесную связь с политическими событиями в крае, которые происходили в 1754—1755 г., на которые главным образом и падет большее сокращение вывоза русских товаров за границу.

В 3-м десятилетии с 1764 по 1774 г. наблюдается уже полное равновесие между ввозом и вывозом товаров, а именно: отпущено за границу на 1.792.138 р., а ввезено в Оренбург на сумму 1.769.802 р.; доход от таможенных сборов выразился в 455930 рублей.

Из больших торговых центров России—Нижегорода, Москвы, Ростова, Киева сюда прибывали русские купцы со своими товарами, для обмена их на заграничные. Местное население—казаки, башкиры, калмыки и русское население края привозили свои товары. Башкиры гнали скот, привозили звериные шкуры и мед; яицкие казаки везли рыбу, икру. Казак-киргизы гнали огромные табуны баранов и коней, везли шерсть, овчину звериные шкуры, козий пух, сало и проч. Уже за первые 14 лет своего существования с 1745—

1759 г., по данным Оренбургской таможни, одни только казак-киргизы продали на оренбургском рынке до 800 тыс. разного скота. Ежегодно русские купцы выменивали в Оренбурге от 40—50 тыс. баранов и от 15—20 тыс. коней.

Оренбургская торговля имела меновой характер. Расчет за товары производился не деньгами, а баранами. Баран являлся расчетной валютой, как для киргизца, так и для русского купца.

Русские купцы ограничивались меновым торгом в Оренбурге и совершенно не проникали ни в казакскую степь, ни в средне-азиатские страны, опасаясь быть ограбленными в степи. Только в 1750 г. Оренбургскому купцу Хаялину удалось впервые доставить в Хиву небольшой торговый караван, в сопровождении хивинского посланника Шербек. Поэтому меновая торговля производилась через посредников—средне-азиатских купцов и торговых татар Сеитовской слободы, расположенной недалеко от Оренбурга. Сеитовские татары, как мусульмане, беспрепятственно проникали со своими товарами как в казакские аулы, так и на рынки Средней Азии. В силу этого обстоятельства сеитовские татары превратились в деятельных агентов торгового капитала и положили прочные основания русским экономическим завоеваниям в самых отдаленных уголках киргизской степи.

Внутренняя торговля заключалась в обмене продуктов земледелия, животноводства и прочих промыслов на предметы заводско-фабричной промышленности. Посредниками между покупателями и продавцами были русские купцы, а среди туземного населения по преимуществу те же сеитовские татары. Торговля имела ярмарочный характер; на ярмарки съезжались купцы и местное население со своими товарами.

Отсутствие удобных путей сообщения, отдаленность края от производящих центров и необеспеченность внутреннего спокойствия в крае, а также недостаток денежных капиталов чрезвычайно тормозили развитие внутренней торговли. Местные купцы не стремились к быстрому обороту своих капиталов, а старались нажить прибыль путем неимоверного взвинчивания цен на свои товары, чем только тормозили продвижение их к потребителю; только путем ярмарок, на которые приезжали с товарами представители крупных коммерческих фирм центральной России, и поддерживался более или менее интенсивный ход внутренней торговли.

Г Л А В А IV-я.

Национальное движение в Оренбургском крае во второй половине XVIII в. Пугачевское восстание в 1773-1774 г.

Развитие торгового капитала в крае во второй половине XVIII века, хищнические захваты башкирских земель, притеснения инородческого населения и эксплуатация крестьянских масс породили ряд острых национальных и социальных конфликтов, которые потрясли до основания не только Оренбургский край, но и все Поволжье.

Первым по времени в крае вспыхнуло новое восстание башкир в 1755 г.; за ним последовал уход калмыков из Оренбургского края в пределы Китая в 1771 г. и, наконец, в 1773 г. произошло знаменитое Пугачевское восстание, явившееся серьезной угрозой самому существованию дворянско-крепостного государства.

Восстание башкир в 1755 г. Башкиры были разбиты и обессилены после усмирения в 1740 г., почему некоторое время не могли уже помешать планам русской колонизации края.

Стиснутая извне и изнутри русскими крепостями, Башкирия, казалось, уже не была способна на новые вспышки национального движения. В стране свирепствовал военно-полицейский режим, под защитой которого развивалась заводская колонизация, и новые пришельцы в край захватывали у башкир все новые и новые участки земли.

По яркому выражению профессора Фирсова „уцелевшие от гибели башкирцы были разорены: поля их оставались незасеянными, скот, составлявший главное богатство, был разграблен; нужно было пройти не малому времени, чтоб им было возможно собраться с силами и освободиться от ужаса, наведенного на них видом трупов их братьев, гнивших на виселицах и кольях, чтоб возможно было начать снова борьбу с русскими“.

Осуществляя ряд реформ в области административного управления Башкирией, Неплюев достиг значительной централизации власти и отчасти устранил произвол местных провинциальных воевод,

в особенности произвол военных командиров. Все дела по управлению башкирами, как нам уже известно, были сосредоточены в Исетской и Уфимской провинциальных канцеляриях. Неплюев издал строжайший приказ, которым было воспрещено „посторонним командам“ вмешиваться в башкирские дела. Особенно серьезное внимание он обратил на туземный состав башкирской администрации и следил за тем, чтоб ни один из башкирских старшин, принимавших участие в восстании 1735-1740 г., не был допущен на общественную должность. Неплюев требовал, чтоб скомпрометированных участием в бунте „ни в какие чины не производить“.

Волостным старшинам была разослана особая инструкция, которой они должны были руководствоваться при исполнении своих служебных обязанностей. Им даны были большие права, вплоть до телесных наказаний провинившихся башкир, но в свою очередь они были предупреждены, что в случае возникновения беспорядков в их волостях, „**первые истезаны будут**“.

Еще по указу Сената 1736 г. в Башкирии был введен суровый режим. Ни один башкир не имел права отлучаться из своей деревни без письменного разрешения старшины или провинциальной канцелярии; им было воспрещено иметь у себя огнестрельное оружие. Это запрещение фактически сводилось к запрещению промысловой охоты, которая составляла значительную долю бюджета в башкирском хозяйстве.

В случае обнаружения у башкира ружья, у него отбирали лошадь в пользу доносчика. В башкирских деревнях было запрещено иметь кузницы. Все земледельческие орудия они должны были приобретать и ремонтировать в городах. Эта мера проводилась с той целью, чтоб не дать башкирам возможности приготовить себе оружие. Тем не менее, по признанию самого Неплюева, **ружья были почти у всех башкир**.

Вся тяжесть налогового бремени была перенесена на коренное население края—на башкир. Пришлый элемент—мещеряки, тептяри и прочие, так называемые ново-башкиры, не принимавшие участия в башкирских восстаниях, были наделены землей за счет восставших и освобождены от арендной платы в пользу башкир. Между тем сами башкиры обязаны были платить ясак не только за земли, которые находились в их владении, но и за земли, отчужденные под постройку русских крепостей и заводов.

По переписи 1745 г. башкирцев считалось на лицо 8395 дворов тархан—1431 двор. Все они были обложены податью по 25 коп. со двора и кроме того были обязаны наряжать на службу от башкир—1049 человек, а от тархан 280 человек и поставлять подводы для проезжающих по Башкирии чиновников.

Мещеряков по той же переписи числилось 1511 дворов. Тептярей и бобылей было 5655 дворов. Последние были обязаны платить подать по 49 коп. со двора и ежегодно наряжать на казенные работы по 707 человек.

Приведенные данные показывают, что на 9826 дворов башкир приходилось 7166 дворов так называемых ново-башкир, которые в руках русского правительства составляли противовес башкирскому народу.

Денежная повинность, которую население Башкирии выплачивало государству, была очень незначительна по сравнению с центральной Россией, где крестьяне платили подать 1 р. 70 к. со двора.

Кроме того население центральной России, где существовала соляная монополия, выплачивала большой косвенный налог, покупая соль из казны по дорогой цене, между тем как в Башкирии соляной монополии не существовало, и население в этом отношении оказалось в привилегированном положении.

Находя такое положение ненормальным и убыточным для казны, правительство в 1754 г. издало указ о распространении соляной монополии и на Оренбургскую губернию.

С введением соляной монополии ясачный сбор с башкир был отменен, но за то население было обязано покупать соль из правительственных магазинов по 36 к. за пуд, что составляло 2 р. 80 к. на наши деньги.

Введение соляной монополии в связи с общим недовольством башкирского народа административным режимом и захватом его земель послужило поводом к новому восстанию башкир. Башкиры заявили, что они не подчинятся соляной монополии и будут, как и раньше, „**брать соль из казны господ бога**“.

В Уфу был командирован известный Тевкелев, которому было поручено уговорить башкир подчиниться правительственному указу. „За противные ваши слова,—говорил Тевкелев башкирам,—бороды ваши уже щипаны, а далее, в чем проговоритесь или в какую вину впадете, то и головы потеряете“.

Однако это никого не убедило; в народе начались волнения. Среди башкир появился вождь, мецзякский мулла Абдулла Мясгильдин, известный в народе под именем Батырши. Батырша славился умом, обширной магометанской ученостью, красноречием и имел огромное влияние на народные массы.

В 1754 г. Батырша разослал по всему магометанскому Востоку России воззвания, в которых указывал на опасность, грозящую мусульманству от русских, которые насильственно обращают правоверных в христианство. Он звал башкир и казак-киргизов соединиться для борьбы с Россией.

„Нам запрещено брать соль и бить зверей, писал он, — наших собственников, от веры отвратя, русские крестили, дома разорили от **командиров и генералов никакой нам милости нет** и неизреченные тягости более терпеть нам невозможно! Станем и мы их веру ругать, в свою обращать и грабить их имения“.

Восстание башкир, начавшееся на экономической почве, под влиянием агитации мусульманского духовенства приняло характер фанатического религиозного движения.

В 1755 г. башкиры начали собираться в банды и опустошать край. Они решили удалиться за р. Яик, где, соединившись с казак-киргизами, начать борьбу с Россией. Хан Средней орды Аблай обещал им свою помощь.

Неплюев предпринял очень энергичные меры к подавлению восстания в самом начале. Он проявил необыкновенную энергию и изобретательность и не допустил союза между казаками и башкирами. Им были пущены в ход все средства: подкупы, предательство милости и суровые казни, чтобы только разединить своих противников и поселить раздоры в их лагере.

Во-первых, он вооружил против башкир весь пришлый элемент края — мецзяков, тептярей и бобылей, обещая им в награду за выступление против башкир их земли, имущество, жен и детей. Во-вторых, в Башкирию были двинуты большие военные силы: 1000 яицких казаков, 1000 калмыков, 2000 донских казаков и 5 регулярных полков из внутренней России. В общей сложности против башкир было стянуто до 24000 русских войск.

Окруженные со всех сторон русскими войсками, башкиры в числе 50.000 человек со своими семействами и имуществом бросились за Яик, в киргизские степи. При переправе они потеряли около 1000 человек, павших в битве с донскими казаками.

Неплюев разослал воззвания и манифесты в Казакскую орду, приглашая казаков грабить и убивать башкир, ушедших в степь, брать себе в добычу их имущество, женщин и детей.

В степи началось беспощадное истребление башкир казаками. Неплюев объявил прощение всем башкирам, которые вернутся к себе на родину; но только около 7000 человек возвратились обратно, а вся остальная масса беженцев или погибла в степях, или осталась в рабстве у казаков.

Восстание было подавлено. Поведение казаков возбудило среди башкир глубокое возмущение и чувство мести. Башкиры стали собираться значительными силами и просили у Неплюева разрешения отомстить казакам. Неплюев им ответил, что разрешить этого без воли государыни он не может, но если башкиры это сделают без его разрешения, то он наказывать их не будет. Тогда башкиры переправились за Яик и напали на казакские кочевья.

Провокационная политика Неплюева совершенно удалась: вражда между казаками и башкирами была на столько обострена, что в дальнейшем уже была исключена всякая возможность совместного выступления этих двух народов против России.

Уход волжских калмыков в Киргизию в 1771 г. Калмыки, прикочевывавшие в приволжские степи в 1630 г., владели всем пространством между Волгой и Эмбой. В конце XVII в. калмыцкий хан Аюка принял русское подданство, и калмыки стали служить в русских войсках, хотя по прежнему управлялись своим ханом. В начале XVIII в. калмыки уже участвовали в составе русских войск при подавлении башкирских восстаний, в походах на Кубань против ногайских татар и даже в Северной войне со шведами. После смерти Петра I правительство, проводя политику обрусения в калмыцкой орде, стало настойчиво распространять среди них христианство. Все калмыки, принявшие православие, переселялись на правый берег Волги, где для них была построена крепость Ставрополь. Их приучали к занятию земледелием и выдавали пособие на обзаведение хозяйством. Калмыки, не пожелавшие креститься, по прежнему продолжали кочевать на левом берегу Волги под управлением своих ханов. Однако правительство не доверяло калмыцким правителям и народу; для надзора за их поведением в улусах были поставлены русские пристава с военными командами. В конце концов в калмыцких улусах был установлен

строжайший полицейский режим, который в условиях кочевого быта чрезвычайно стеснял народ и отравлял ему существование.

В 1756 г. китайцы разгромили Джунгарское ханство. Оставшиеся после разгрома Джунгарии калмыки, в числе 10 тыс. человек, под предводительством Шиоренга пришли на Волгу для соединения со своими соплеменниками. Здесь они убедились, что жизнь под властью России с каждым годом становится труднее; в особенности обременяли народ рекрутские наборы и полицейский режим русской администрации. Пришедшие калмыки повели агитацию за уход из русского подданства в Джунгарию, земли которой оставались еще не занятыми другим народом, где они были намерены восстановить независимое калмыцкое ханство.

В ноябре 1770 г. хан Убаши собрал свой народ в Рын-Песках, откуда калмыки, в числе 30 тыс. кибиток, двинулись в поход к китайским пределам. В январе 1771 г. калмыки переправились через Яик и углубились в киргизскую степь.

Получив сведения о движении калмыков, Оренбургский губернатор обратился к ханам Казакских орд с просьбой не допустить вторжения в степь калмыцкого народа. Казаки вооружились и двинулись против калмыков.

Для преследования калмыков с Оренбургской линии были посланы два отряда Оренбургских казаков. Один из этих отрядов под командой генерала Траунбенберга соединился с ханом Нурали и вместе двинулись за калмыками. Они достигли р. Тургая, откуда вследствие бескормицы и истощения лошадей были вынуждены вернуться обратно. Другой отряд также не достиг поставленной цели. Между тем казакские султаны Айчувак и Аблай нанесли калмыкам несколько поражений, в которых последние потеряли много пленных, имущества и скота. Отбиваясь от нападающих на них казаков, калмыки медленно подвигались на восток и в августе м-це остатки их достигли до р. Или, где и приняли китайское подданство. Из 250-300 тыс. человек, выступивших с р. Волги, до места дошло не более 70-90 тыс. человек; все остальные пали в битвах в Казакской степи или остались в плену у казаков.

Пугачевское восстание После башкирского восстания в 1755 г., заводская колонизация Оренбургского края все глубже и глубже в 1773—1774 гг. внедрялась в леса и горы Башкирии. В глушь башкирских владений проникали все новые и новые предприниматели — промышленники, среди которых появились знатные лица Елизаве

тинского двора, как, например, граф П. И. Шувалов со своими родственниками и приспешниками.

Не смотря на то, что брожение и беспорядки в Башкирии не прекращались, и башкиры отдельными партиями продолжали нападать на заводы и вредить им, заводская колонизация продолжала развиваться путем хищнических захватов земли у башкир, путем насилия и произвола.

Петербургское правительство всячески поощряло развитие этой колонизации. Все жалобы башкир на незаконные и насильственные захваты оставались без рассмотрения, а иногда приводили к явно обратным результатам. Так, например, в ответ на жалобу влиятельного башкирского старшины Юлая на заводчика Твердышева, захватившего у старшины землю, не последовало удовлетворения, а обидчик Твердышев в награду за энергичное строительство заводов был награжден чином коллежского Советника.

Ограбленное и озлобленное башкирское население ненавидело русских заводчиков и „командиров“ и только ждало случая отомстить своим заклятым врагам.

По мере увеличения русского населения в крае и возникновения русских сел и городов, все теснее становился простор оренбургских степей, по которым кочевали вольные орды казаков и калмыков. Калмыки, стесненные до крайности в своем кочевом быту, ушли с берегов Волги к границам Китая. Не с добрым чувством к русским властям относились и казаки, кочевавшие за Уралом.

Между тем, заводчики и помещики продолжали строить в Башкирии заводы и переселять на башкирские земли своих крепостных крестьян из центральной России, вытесняя коренное население с насиженных удобных мест. Уральские заводы того времени имели вид небольших городков. Заводчики строили здесь церкви, открывали школы, т.к. грамотные люди были необходимы для контор; заводили торговлю и кустарные промыслы для обслуживания заводского населения. Около заводов возникали поселения из пришлых элементов, которые выполняли вспомогательные работы: рубили леса, проводили дороги, строили мосты, подвозили руду и т.д.

Развивавшаяся заводская промышленность представляла огромный спрос на рабочую силу, почему на заводах принимали всякого человека, не справляясь о его прошлом. Мало по малу заводы превращались в центры притяжения для всего бродячего, бездомного люда, который накапливался в Оренбургском крае. Это были беглые из

центральной России от барщины и рекрутчины крепостные крестьяне, ходоны, раскольники, подвергавшиеся гонению за „старую веру“, и преступники, бежавшие от наказания.

Заводчики охотно принимали всех, в особенности раскольников, почему заводы скоро превратились в центры раскольничьих поселений.

Еще при Неплюеве был издан указ правительства о борьбе с расколом. Было велено ловить раскольников воинскими командами, разорять их „пустыни“ и скиты, а самих возвращать на родину или ссылат в каторжные работы.

В виду того, что Уральские заводы находились в ведении Берг-Коллегии, они не подчинялись Оренбургскому губернатору, почему и воинские команды не допускались на заводы.

Духовные власти—Казанский и Тобольский архиереи, которые вели борьбу с расколом, избегали затрагивать интересы заводчиков, которые являлись главными жертвователями и строителями православных храмов, и не трогали раскольников, живших на заводах. Таким образом, заводы являлись надежным убежищем как для раскольников, так и беглых вообще. Но за то заводчики, давая приют беглым людям, подвергали их жестокой эксплуатации. Располагая большими капиталами и связями с местной администрацией, заводчики жили подобно владетельным князьям: строили дворцы и окружали себя многочисленной дворней. Такие „феодалы“ считали себя вправе распоряжаться не только трудом, но и жизнью своих „подданных“. Поэтому, неудивительно, что на заводах царил дикий произвол и эксплуатация бесправных приютившихся там людей.

Положение беглых стало еще более тяжелым, когда помещики добились распоряжения правительства о предоставлении губернатору права отыскивать беглых раскольников на заводах. После этого началась настоящая охота за беглыми: их хватали воинскими командами, топили в прудах и даже сжигали в доменных печах...

Не легче было социальное и экономическое положение так называемых посессионных или прикрепленных к заводам крестьян.

Эти горнозаводские крестьяне юридически не были крепостными, это были черносошные казенные крестьяне, отрабатывающие на заводах свою подушную подать.

Правительство, поощряя устройство заводов на Урале, по инструкции 1734 г. предоставило заводчикам право иметь при каждом заводе для работ от 100 до 150 дворов государственных крестьян. Взамен заводчики были обязаны вносить за них подушную подать.

В погоне за более зажиточными крестьянами заводчики приписывали к заводам крестьян из деревень, отстоящих от заводов иногда за 500-700 верст. При тогдашнем состоянии дорог крестьяне затрачивали по 3 месяца только на дорогу для отбытия барщины, что легло страшным бременем на их хозяйство.

Чтоб закрепить крестьян за заводами и превратить их в постоянных рабочих, заводчики всеми мерами стремились к ликвидации собственного крестьянского хозяйства и к пролетаризации крестьянства. Преследуя эту цель, некоторые заводчики прибегали к самым вопиющим насилиям по отношению к приписанным крестьянам.

В рабочее страдное время они высылали в приписанные села своих приказчиков иногда с командами солдат, которые снимали крестьян с полевых работ, били их „смертельно“, приговаривая: „работай на заводе, а не на своих пашнях“.

Под воздействием таких мер приписные крестьяне все более и более разорялись и, не будучи в состоянии вести своего хозяйства, обращались в рабов своих хозяев, которые их кормили, одевали, обували, а за это эксплуатировали вместе с семейством.

Тщетно заводские крестьяне жаловались начальству на обиды своих хозяев; продажная администрация того времени всегда принимала сторону заводчиков. Крестьяне пробовали посылать своих ходоков в столицу, но их хватали и сажали в тюрьму.

„Приписка“ к заводам являлась страшным бичем для крестьянского населения; крестьяне возмущались; против них высылали карательные экспедиции. Так, например, для усмирения крестьян, приписанных к Авзяно-Петровскому заводу графа Шувалова, пришлось выслать целый драгунский полк. „Приписные“ были жестоко перебиты и часть их отдана в каторжные работы на заводе того же Шувалова.

Условия рудничных работ того времени представляли мрачную картину. Рабочие задыхались в шахтах, лишенных вентиляции, их заливало водой, давило обвалами пород, они наживали себе болезни и массами погибали в отчаянных условиях подневольного труда.

Не легче было положение крепостных крестьян в связи с интенсификацией барщины, вызванной ростом денежного хозяйства и повышенными ценами на хлебные продукты в 60-70 годах XVIII-го столетия.

Вторая половина XVIII века ознаменовалась расцветом внешней торговли России. Благодаря удачным войнам Екатерины II с Тур-

цией, были открыты морские пути для вывоза русского хлеба за границу, что значительно повысило хлебные цены. Восточные окраины Поволжья и Приуралья становились житницами России. Помещики Оренбургского края стали увеличивать свои запашки. Как и в горной промышленности, так и здесь рабочих рук не хватало, почему помещики с каждым годом все больше увеличивали барщину своих крестьян. Чем дальше от центра, тем тяжелее становилась барщина. Если в центральных губерниях барщина занимала 3-4 дня в неделю, то здесь она доходила до 6 дней в неделю.

Крестьянам не оставалось времени для своей работы. По свидетельству историка Оренбургского края Рычкова были такие помещики, что „повседневно наряжали их (крестьян) на свои работы, а крестьянам для их пропитания давали один месячный хлеб“.

Свидетельство современника Пугачевского движения Рычкова говорит уже о самой худшей форме эксплуатации крепостного крестьянского труда—о плантационном хозяйстве, которое применялось в Оренбургском крае.

Для полноты картины социального и экономического гнета, который переживало крепостное крестьянство в царствование Екатерины II, необходимо указать на ужасы крепостного быта крестьян, лишенных всяких человеческих прав. Крепостные рабы помещиков находились в полной зависимости от своих господ, располагающих по своему произволу их имуществом, честью и жизнью. Это был век полного разгула самых низменных человеческих страстей, которым предавался русский разнузданный барин. Не было таких пыток, которые бы не изобрели эти утонченные палачи крепостных, издеваясь над своими жертвами. Многие помещики имели настоящие застенки для пыток, где подвергали жесточайшим мучениям своих рабов. Нещадное сечение розгами до 5000 ударов, битье батогами, езжалыми кнутами, сечение розгами по обнаженным грудям, истязание беременных женщин и малолетних подростков, раздираение рта до ушей собственными руками, продажа крепостных оптом и в розницу и тысячи других способов пытки и издевательства—вот что рисуют нам кошмарные картины крепостного быта.

Лишенные защиты закона, крепостные крестьяне не имели права жаловаться на своих бар, что бы последние с ними ни делали. По указу Екатерины II 22 августа 1767 г. за подачу жалобы на помещиков крестьянам грозила ссылка в каторжные работы.

Народ был доведен до крайней степени страдания, когда смерть перестала быть страшной, а в некоторых случаях являлась единственным выходом из положения.

Крестьянство верило, что беспощадная эксплуатация помещиками, „нещадное битье батогами“ и сечение кнутом есть только продукт злой воли „бояр“, что верховная власть в лице царицы не причастна к преступлениям коварного дворянства.

Тогда среди них стали распространяться слухи, что если бы на престоле оставался царь Петр Федорович, то он не дал бы воли дворянам. Такие толки стали распространяться среди инородцев, например, среди башкир, которые говорили, что порядка нет в стране потому, что на престоле „правит баба“.

Еще чаще эти толки стали распространяться среди раскольников, у которых с именем Петра III были связаны надежды на свободу религиозных убеждений.

„Фантазия Руси была возбуждена, чувства раздражены, воля подавлена—говорит по этому поводу проф. Фирсов *). В дремучих лесах и беспредельных степях, в убогой закоптелой мужицкой избе и на барском дворе, в рудниках и на пашне,—всюду из уст в уста стали передаваться слухи о том, что царь Петр Федорович жив, что он явится и даст народу волю“.

И „царь Петр Федорович“ явился в лице донского казака Емельяна Ивановича Пугачева. Он возвестил крестьянам волю на вечные времена и бросил на всю Русь грозный клич, призывающий крестьян: „противников нашей власти, разорителей крестьян дворян ловить, казнить и вешать“.

Общее состояние крестьян, яицких и оренбургских казаков и инородцев Оренбургского края, а также и отдаленность края от центра создали для Пугачевского движения прекрасную социальную и материальную базу, откуда Пугачев впоследствии черпал свои людские и технические средства для борьбы с дворянским государством.

Пугачевское движение началось среди яицких казаков, которые составляли его гвардию. Яицкое казачество, как и башкиры, было недовольно введением в крае соляной монополии. Казаки занимались рыболовством и потребляли соль в большом количестве для засолки рыбы, покупать соль из государственных магазинов по дорогой цене,

*) Профес Фирсов „Пугачевщина“, Изд. Вольфа Москва.

когда в природе можно было брать ее даром, они считали абсурдом, весьма невыгодным для хозяйства.

Кроме того казачество было стеснено в основном своем промысле—рыболовстве. Монополия рыбной ловли по Яику, которую войско получило в 1755 г. вместе с арендой учуга около Гурьева, на практике привела к быстрому вторжению на Яик денежного капитала, а вместе с тем и к расслоению казачьей общины. На почве неравномерного распределения дохода от рыбной ловли в войске появились зажиточные казаки, к которым перешла руководящая роль в ведении войскового хозяйства. По обыкновению они получали представительство во всех делегациях по заключению контрактов и сделок на рыбные ловли и, пользуясь своим влиянием,—на ответственные должности проводили своих людей, например, — в войсковые атаманы. Последние пользовались своим положением в целях личного обогащения. В 60 годах XVIII в. атаман Бородин в течение 3-х лет содержал соляной откуп, не отдавая в денежных суммах никому отчета. Другой войсковой атаман Акутин держал на откупе рыбные ловли на Волге и соляной откуп на Яике. Забрав в свои руки такой важный продукт в рыбном хозяйстве как соль, атаманы вымогали из казаков в уплату за соль десятую рыбину из добычи.

Со времени атаманства Бородина войсковое начальство перестало выдавать казакам жалование, отпускаемое правительством за службу, зачисляя его в уплату за аренду у правительства рыбных ловель на Яике. Но и этого оказалось недостаточно. Атаманы стали облагать казаков под тем же предлогом дополнительными денежными сборами.

На почве недовольства злоупотреблениями войскового атамана в 1763 г. в войске вспыхнул бунт. Во главе недовольных стал один из казачьих старшин Логинов. Войско разделилось на две враждебных партии: на „войсковую“, состоящую из единомышленников Логинова, и „старшинскую“, сторонников атамана.

Для расследования беспорядков на Яик был прислан из Петербурга генерал Потапов. В результате следствия Бородин был смещен из атаманов, а Логинов переведен простым казаком в Оренбургское войско. Вместо Бородина был поставлен майор Новокрепцов, который держал сторону старшин. Произошел новый бунт. Присланный для усмирения казаков генерал Черепов расправился с бунтовщиками и поставил в атаманы Тамбовцева, приверженца старшин-

ской стороны. Недовольство казаков скоро дошло до высших пределов; особенно оно усилилось правительственным сыском на Яике раскольников, который производился царскими чиновниками и духовенством. Кроме того 15 мая 1766 г. правительством был издан указ, лишивший яицких казаков одной из главнейших их привилегий — права отбывать военную службу наемкой; согласно этого указа служба по найму была заменена очередной службой. Новым порядком вещей было недовольно все казачество. Зажиточные казаки были недовольны тем, что им приходилось теперь отбывать военную службу самим, тогда как раньше они от нее откупались, нанимая вместо себя бедноту. Беднота была недовольна тем, что ее лишили права наниматься на службу, что уже стало профессией для некоторых элементов казачества.

Недовольство казаков осложнилось еще тем, что 500 казаков были назначены на службу в Кизляр, а „атаман всех казачьих войск“ князь Потемкин потребовал от них еще наряда 500 казаков для формирования особого Московского легиона.

Ввиду столь усиленных нарядов на службу казаки заволновались, так как считали своей обязанностью лишь охранять яицкую линию от вторжения кочевников и просили их освободить от „внешних“ служебных нарядов.

Сначала казаки думали, что все эти притеснения и злоупотребления творятся местными начальниками без ведома царицы. В 1766 году они отправили тайно от войскового начальства особую депутацию в Петербург для подачи жалобы царице. Председатель военной коллегии граф Чернышев приказал схватить казачьих депутатов и наказать их плетью, как бунтовщиков. Казаки поняли, что им нечего было надеяться на правительство и решили расправиться со своими обидчиками сами.

В 1771 г., когда калмыки двинулись через территорию яицкого войска за Яик, Оренбургский губернатор потребовал, чтобы войско выступило против калмыков. Казаки отвечали, что они выступят только в том случае, если им вернут отнятое право выбирать атаманов и офицеров и выплатят жалование, которого они не получали в течение пяти лет. Войсковой атаман Тамбовцев настаивал, чтоб казаки исполнили приказание губернатора. Казаки отказались. Тогда из Оренбурга был послан для разбора казачьих претензий генерал Траунбенберг с отрядом войска. Не разбирая жалоб казаков, Траунбенберг потребовал от них повиновения воле начальства и пригро-

зил им оружием, выставив пушки. Казаки ударили в набат, бросились на отряд Траунбенберга и завладели пушками. Приверженец правительства атаман Тамбовцев был повешен. Траунбенберг изрублен саблями; председатель следственной комиссии капитан Дурново тяжело ранен.

Для подавления восстания казаков из Оренбурга был послан второй отряд под начальством генерала Фреймана. Казаки вышли против него с оружием в руках, но были разбиты. В войске начался сыск, пытки и казни. Вызванные из Уфы и Казани палачи работали до изнеможения. Казаков сажали на колья, вешали за ребра, рубили им головы, клеймили и ссылали в каторжные работы; казаки не унялись и готовили новое восстание, подыскивая себе вожда. Вождь нашелся—это был донской казак Емельян Пугачев.

Пугачев был свидетелем казни яицких казаков. В это время он скрывался в иргизских раскольничьих скитах. В конце 1772 г. он прибыл в Яицкий городок и в беседах с казаками стал резко порицать начальство за пытки и казни, подговаривая недовольных бежать в Турцию. По доносу некоторых „послушных“ казаков Пугачев был схвачен и отправлен в Казань. 19 июня 1773 г. ему удалось бежать из Казани, и он снова появился на Яике. В связи с его прибытием, среди казаков распространился слух, что на Яик прибыл „государь Петр III“, который спасся от смерти при помощи караульного офицера. Комендант города Симонов нарядил особые команды для поимки Пугачева. Среди казаков начался сыск. Некоторые единомышленники были схвачены и под пытками сознались в подготовке восстания. Это ускорило ход событий. Пугачев, имевший намерение выступить во время осеннего багрянца, когда все войско будет в сборе, был вынужден начать восстание немедленно. Он объявил себя императором Петром III, и 18 сентября в сопровождении 300 казаков подступил к Яицкому городку. Комендант Симонов выступил против Пугачева с отрядом, но казаки, бывшие в его отряде, ему изменили, после чего он был вынужден вернуться в крепость. Пугачев двинулся в Илецкий городок, рассылая по казачьим станциям свои манифесты.

— „Жалую вас крестом и бородою, реками и лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом и вечною вольностью“, возвещали манифесты Пугачева. В них было обещано казакам все то, чего они так долго и упорно добивались. Илецкие казаки встретили Пугачева с иконами и колокольным звоном.

Присоединив к себе гарнизон Илецкого городка и взяв с собой его пушки, Пугачев 24 сентября взял крепость Рассыпную; 27 сентября—крепость Нижне-Озерную, а 28 сентября уже подступил к крепости Татищевой. Комендант крепости полковник Елагин приготовился к защите.

Пугачевцы, под'езжая к крепости, кричали: „не слушайте бояр, выходите к государю“. Им отвечали выстрелами. Тогда Пугачев поджог скирды сена около крепости и бросился на штурм. Крепость была взята, гарнизон присоединился к Пугачеву, а офицеры повешены.

Под крепостью Татищевой на сторону Пугачева с казаками перешел сотник Оренбургского войска Падуров, ставший одним из главных сподвижников Пугачева. Это чрезвычайно усилило Пугачева, к которому со всех сторон стали присоединяться оренбургские казаки.

В эпоху Пугачевского восстания Оренбургское казачье войско хотя и считалось самостоятельной административной единицей и имело свой центральный орган в лице „Войсковой избы“, но в силу местных условий оно не пользовалось автономией управления, как Яицкое войско.

Во-первых, казачьи станицы, разбросанные, как вдоль пограничной линии, так и во внутренних провинциях Оренбургского края, не были объединены единством территории и находились в полном подчинении комендантов крепостей, при которых были застроены. Правда, станицы по казачьей традиции имели свою выборную администрацию для внутреннего управления, но, как военное сословие,—казаки числились поголовно на военной службе и, следовательно, находились в полном подчинении военного начальства, т.-е. комендантов.

Кроме нарядов на службу, которую казаки несли за свой счет, их стали наряжать на казенные работы, на „вести“ и, наконец, просто для личных услуг комендантов и их семей. Пользуясь бесправием казаков, коменданты стали эксплуатировать не только их самих, но и их семьи. Казаков и казачек назначали на казенные работы в крепостях и на комендантских огородах. Казачек заставляли белить коменданту полотно, ткать, пряхать, словом, отбывать барщину. Казаки жаловались на комендантов военному губернатору, но это не помогало: „я ваш царь и бог, говорил тогдашний комендант: хочу казнь, хочу милую“.

Не имея войсковой организации, подобно яицким казакам, оренбургские казаки не имели возможности выразить своего протеста против произвола комендантов.

Комендантский режим был ненавистен казачеству так же, как крестьянам крепостное право.

Появление Пугачева с яицкими казаками против Оренбургских линейных крепостей послужило сигналом для восстания Оренбургского казачества. Будучи разбросаны станицами по линейным крепостям, казаки по приближении Пугачева всюду первые переходили на его сторону и с ожесточением мстили комендантам за свои обиды.

Скоро под командой Падурова образовался уже целый полк Оренбургских казаков, численностью до 800 ч.

Вслед за Оренбургскими казаками на сторону Пугачева перешли Исетские казаки, которым под предводительством хорунжего Невзорова на короткий срок даже удалось захватить Челябинскую крепость. Правительственные войска, прибывшие из Тобольска, выбили казаков из Челябинска, но казаки почти полностью перешли в войско Пугачевского полковника Грязнова, оперировавшего под Челябинском.

Таким образом казачество Оренбургского края перешло на сторону Пугачева.

Кроме полка Оренбургских казаков у Пугачева были полки Яицких казаков под командой Овчинникова, Илецких казаков—под командой Творогова, Исетских казаков—под командой Бильдина. Казачьи полки составляли гвардию Пугачева и ядро его ополчений *).

Продолжая движение к Оренбургу, Пугачев 29 сентября занял крепость Чернореченскую, а затем, обойдя Оренбург, 1 октября занял Сакмарский городок.

События разворачивались с головокружительной быстротой. Оренбургский губернатор, имея в своем распоряжении гарнизон в 3000 человек при 70 орудиях, совершенно растерялся. Ни одно его распоряжение не исполнялось. Вызванные им для защиты Оренбурга 500 вооруженных калмыков бежали с дороги; 1000 башкир перешли к Пугачеву. Восстание разгоралось. Башкирский народ присоединился к Пугачеву. Служилые калмыки, чуваша, черемисы и татары перестали повиноваться царским чиновникам и уходили к Пуга-

чеву. Заводские и помещичьи крестьяне восстали против своих бар. весь край был в огне.

Момент восстания был выбран чрезвычайно удачно. Государство переживало острый кризис войны с Турцией; войска были отвлечены на фронт. В России то и дело вспыхивали бунты по случаю рекрутских наборов и строгих правительственных мер, принятых против чумной эпидемии.

Правительство Екатерины II, узнав о Пугачевском восстании, отправило под Оренбург войска из Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута. Начальство над войсками, действующими против Пугачева, было поручено генералу Кару. К народу были выпущены увещательные манифесты.

Между тем 5 октября Пугачев появился под Оренбургом и расположился лагерем в 5 верстах от города. В тот же день он установил одну батарею на паперти Форштадтской церкви, а другую в загородном доме губернатора и открыл огонь по городу. В Оренбурге началась паника, но город был укреплен и первые попытки штурма со стороны Пугачева были отбиты. Оренбургский гарнизон предпринял против Пугачева несколько вылазок, которые окончились безрезультатно.

Не надеясь на свои силы, генерал Рейнсдорф решил разложить Пугачевские ополчения и с этой целью отправил из Оренбурга в стан Пугачева каторжника Хлопушу с увещательными манифестами. Хлопуша перешел на сторону Пугачева, получил от него чин полковника и был послан поднять Уральские заводы, где отлил пушки и снабдил Пугачева боевыми припасами.

Пугачев решил взять г. Оренбург измором и устроил свой лагерь в Бердской слободе. Армия Пугачева росла. Его сподвижники придали ей военную организацию и установили дисциплину.

Генерал Кар, собрав несколько сот гарнизонных солдат и не дождавшись войск, назначенных из центральной России, выступил против Пугачева из Казани. По Самарской линии к Оренбургу шел отряд полковника Чернышева, которому Кар поручил занять крепость Татищеву, а сам двинулся на Оренбург. Пугачев и Хлопуша вышли ему на встречу и нанесли Кару поражение около деревни Юзеевой, в 100 верстах от Оренбурга, после чего Кар сдал командование Чернышеву, а сам уехал в Москву.

Чернышев с отрядом продолжал продвигаться к Оренбургу и 13 ноября занял крепость Чернореченскую. Здесь к нему явились

*) Н. Дубровин. Пугачев и Пугачевцы т. II, стр. 134.

несколько пугачевцев и предложили провести его с отрядом в г. Оренбург. Чернышев положился на этих проводников. Близ урочища Маячная гора при переправе через р. Сакмару, отряд Чернышева был окружен и взят в плен. Пугачеву сдалось 1600 солдат и казаков и 500 калмыков при 11 орудиях. Чернышев и 36 офицеров были повешены.

Неудачные действия Кара и победа над Чернышевым ободрили Пугачева. Восстание росло. Сподвижники Пугачева присоединяли к нему все новые восставшие области. Чика поднял Башкирию и осадил г. Уфу; Торнов—Ногайскую область; Хлопуша поднял Уральские заводы и овладел линейными крепостями между Орском и Оренбургом, за исключением крепости Верхне-Озерной.

Сам Пугачев в бездействии продолжал стоять под Оренбургом. Между тем правительство приняло ряд новых мер. Вместо Кара был назначен генерал-аншеф Бибииков. Из Казани к Оренбургу был послан корпус под командой генерал-майора Голицына. По Самарской линии наступал отряд генерала Мансурова. В направлении Уфы двинулся отряд генерала Ларионова. От Сибири шел отряд генерала Деколлонга.

В январе Пугачев прибыл в Яицкий городок; в крепости городка яицкими казаками был осажден правительственный гарнизон. Пугачев решил взять его штурмом, но был отбит. Наступил месяц март. Пугачев продолжал бездействовать под Оренбургом. Отряд генерала Голицына приближался к городу Оренбургу. Пугачев вышел к нему на встречу и атаковал его около крепости Сорочинской, но был отбит. После этого Пугачев отошел к крепости Татищевой, где, в свою очередь, был атакован князем Голицыным. Пугачевцы дрались с большим упорством, но были разбиты. Пугачев отступил к Сакмарскому городку, потеряв в сражении под Татищевой 1300 человек убитыми и 3000 взятыми в плен и 36 орудий. Под Каргадой Пугачев пытался оказать еще раз сопротивление правительственным войскам, но был разбит, после чего скрылся в Уральские заводы. К этому времени на театр восстания прибыл полковник Михельсон, назначенный вместо Ларионова. 18 марта Михельсон разбил Чика под Уфой и, спустя некоторое время, взял его в плен.

Вследствие распутицы военные действия прекратились и начались только в мае м-це. Пугачев в это время находился на Бело-рецком заводе. 5 мая Михельсон разбил башкир у Симского завода и двинулся против Пугачева. Пугачев бросился к крепости Магнит-

ной и овладел ею; затем он направился к крепости Кивильской, но услышав, что из крепости Верхне-Яицкой против него двигаются сибирские войска под начальством Декалонга, свернул в горы и, обойдя Верхне-Яицкую крепость, вышел на линию у крепости Карагайской. Двигаясь по Верхне-Уйской линии, Пугачев сжег по ней все крепости и 20 мая овладел крепостью Троицкой.

Вслед за ним шел отряд Декалонга, который 21 мая настиг Пугачева под крепостью Троицкой. Здесь произошло большое сражение. На стороне Пугачева сражалось 11 тыс. войск, но они были разбиты.

После поражения под Троицкой, Пугачев пошел на Челябинск. Под крепостью Варламовой его встретил полковник Михельсон и нанес ему новое поражение. Пугачев повернул в Уральские горы, где набрал себе новые ополчения.

20 июня он взял крепость Осу, а 25-го переправился через реку Каму. Двигаясь по дороге на Казань, он овладел Ижевским и Боткинскими заводами и, наконец, 11-го июля атаковал г. Казань.

Войска казанского гарнизона, дворянство и духовенство заперлись в крепость. Город оказался в руках Пугачева.

На другой день после занятия города подошел полковник Михельсон со своим отрядом. В сражениях, длившихся с 13 по 15-го июля, Пугачев был снова разбит; при этом он потерял до 2000 убитыми, 5000 пленными и 9 орудий.

После поражения под Казанью Пугачев переправился на правый берег Волги. В своих манифестах он объявил крестьянам волю, освобождение от податей и повинностей и бесплатную раздачу соли, призывая их на борьбу с дворянством.

При приближении Пугачева крестьянство восставало против своих бар и встречало его, как своего избавителя. Это был момент колоссального роста его сил, самый опасный для правительства. Движение Пугачева на Москву могло бы превратиться в триумфальное шествие. Крестьянство Центральной России, рабочие Тульских заводов и Москвы могли к нему присоединиться. Но Пугачев вместо того, чтобы идти на Москву, взял направление на юг России. По дороге он занял гор. Курмыш, Саранск и Пензу. Повсюду жители городов выходили к нему на встречу с хлебом и солью. Он нигде не встречал сопротивления; 6-го августа Пугачев занял г. Саратов, где выпустил из тюрьмы всех колодников, отворил хлебные и соляные амбары для общего пользования народа и повесил всех дворян.

запрещая хоронить их тела. Комендантом города был назначен казачий пятидесятник Уфимцев.

9-го августа Пугачев выступил из Саратова и 13-го подошел к Камышинке, где к нему присоединилось 500 чел. пехоты, 1000 донских казаков и 500 калмыков. 21 августа он подошел к Царицыну и атаковал его, но был отражен с большим уроном. На другой день Пугачев возобновил атаку города и снова был отбит.

Между тем к Царицыну приближались правительственные отряды под командой Михельсона, который от Казани шел по следам Пугачева. Услышав о приближении правительственных войск, Пугачев пошел далее вниз по Волге. 25 августа на рассвете его настиг Михельсон в 105 верстах от г. Царицына. Утром 26 между Михельсоном и Пугачевым произошло последнее сражение, в котором Пугачев был окончательно разбит. Он потерял 4000 убитыми и 7000 взятыми в плен. Все его ополчение рассеялось. Сам Пугачев с некоторыми сподвижниками в 70 в. от места сражения успел переправиться на левую сторону Волги и скрылся в Заволжских степях. Он имел намерение пробраться в киргизскую степь к Каспийскому морю.

14 сентября Пугачев со своими сподвижниками прибыл на речку Узени, в раскольничьи скиты. Здесь казаки решили выдать его правительству. Пугачева схватили и связанного доставили в Яицкий городок и сдали коменданту Симонову. Через несколько дней в Яицкий городок прибыл генерал Суворов, который в железной клетке доставил Пугачева в Москву. Правительство Екатерины II осудило Пугачева на четвертование. 10 января 1775 г. он был казнен в г. Москве.

Мы уже знаем, какие причины вызвали Пугачевское восстание. Крепостные рабочие и крестьяне, яицкие казаки и инородцы — все поднялись по призыву Пугачева для свержения ненавистного крепостного права и для истребления своих эксплуататоров — бар. Это восстание было неизбежно, как взрыв общего народного негодования, ибо чаша терпения была переполнена. Восстание Пугачева было страшно для господствовавшего класса, но оно несло освобождение для угнетенных классов; оно пользовалось огромной популярностью в народе. В своих манифестах Пугачев об'являл: „всем находящимся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков верноподданным рабам быть вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и проч. денежных податей и быть во владении земляными и

сенокосными угодиями, рыбными ловлями, соляными озерами, без покупки и оброка“.

Пугачев освобождал крестьян и рабочих „от всех прежде чинимых от злодеев—дворян, городских мздоимцев и судей и всему народу налагаемых податей и отягощений“. — „Противников-же нашей власти,—говорилось в манифестах,—дворян, разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать“.

Таковы были основные лозунги Пугачевского восстания. Об'являя всему населению крепостной России отмену барщины, подушных податей, соляной монополии, рекрутчины и т. д., Пугачев стремился уничтожить ненавистное крепостное государство. Лозунги Пугачева были близки и дороги как крепостным рабочим и крестьянам так и калмыкам, и башкирам, и яицким казакам. Вот почему они будили в массах энтузиазм и в кратчайшее время создали ему огромный успех, которым вожди восстания не сумели воспользоваться. Правительство Екатерины II нашло в себе силы, чтоб подавить эту грандиозную крестьянскую революцию, и надолго отсрочило крушение своей крепостной державы.

Г Л А В А V-я.

Политическое устройство Оренбургского края в конце XVIII в. Состав населения и культурное состояние Края.

Учреждение Симбирского и Уфимского наместничества и события в Малой Казакской орде. События 1773—74 г. вскрыли перед правительством Екатерины II истинное состояние Оренбургского края. Передовые люди того времени, как граф Панин, поняли, что „страшен не Пугачев, а страшно всеобщее негодование“. Для успокоения края было необходимо устранить причины, вызвавшие Пугачевское восстание, т. е. обуздать произвол администрации, дикие аппетиты заводчиков и помещиков, прекратить расхищение башкирских земель и удовлетворить законное требование Яицкого казачества.

Однако дворянское правительство Екатерины II-й не могло идти по этому пути, так как проведение подобных реформ было бы направлено против его классовых интересов. Поэтому, не разрешая основных вопросов политического и экономического характера, вызвавших Пугачевское восстание, правительство Екатерины II-й приняло ряд административных реформ, посредством которых предполагало предупредить в будущем возникновение „замешательств“, подобных Пугачевскому восстанию.

В 1775 г. был издан закон о новом административном делении России. По этому закону число губерний было увеличено с таким расчетом, чтобы в каждой губернии было не более 300 тысяч душ населения. С увеличением числа губерний увеличилось число губернаторов и полиции, а следовательно облегчалось и само управление. Эта реформа коснулась Оренбургского края несколько позднее. На первое время правительство ограничилось лишь тем, что в крае оставались стянутые регулярные войска. Пограничные крепости были быстро восстановлены, а их комендантами назначены офицеры регулярной армии, большинство которых носили немецкие фамилии.

Чтобы изгладить самую память о Пугачевском восстании, Екатерина II велела называть реку Яик Уралом, а Яицкое войско— Уральским казачьим войском. В войске были уничтожены последние признаки казачьего самоуправления. Иностранческое движение было окончательно задушено; край был страшно разорен и еще долго не мог успокоиться от пережитых социальных и политических потрясений; по прежнему стоял остро вопрос башкиро-казакских отношений, которые еще более осложнились ввремя Пугачевских событий.

Опыт 1773—1774 г.г. показал, что Оренбургский губернатор не в состоянии управлять столь обширным краем, населенным народностями разных национальностей. Город Оренбург, как административный центр, был слишком удален от России и мог быть легко отрезан, что вело к параличу всех органов краевой власти, как это наблюдалось в дни Пугачевского восстания. В силу этих соображений в 1782 г. Оренбургская губерния была упразднена, а вместо нее учреждено Симбирское и Уфимское наместничество, в состав которого вошли 2 области—Оренбургская и Уфимская. Оренбургскую область составили уезды: Оренбургский, Бузулукский, Верхне-Уральский, Сергиевский и Троицкий. Уфимская область состояла из уездов: Уфимского, Бирского, Мензелинского, Стерлитамакского, Кунгурского, Челябинского, Белебеевского и Бугульминского.

Уездные города были образованы из бывших крепостей. Чувашские и мордовские поселения—Бугульма и Бугуруслан, селение Белебей и Челябинская, Верхне-Уральская, Троицкая, Орская крепости были обращены в города.

С учреждением наместничества Уральское казачье войско было отчислено к Астраханской губ.

Наместником края был назначен барон Игельстром, управление которого было переведено из г. Оренбурга в Симбирск, а в 1784 г. в Уфу; с 1784 г. край стал называться Уфимским наместничеством.

Оренбург стал областным городом, но в нем по прежнему сосредоточивалось пограничное управление Краем.

Покончив с Пугачевским восстанием, правительство стремилось восстановить нормальную жизнь в крае и возобновить прерванные смутой торговые сношения с киргизской степью и средне-азиатскими странами. За время Пугачевского восстания казаки воспользовались ослаблением пограничной охраны и стали опустошать своими набегами башкирские и русские поселения. Они углублялись до самой Волги, массами уводили жителей и отгоняли у них скот. По сведе-

ниям Оренбургского губернатора, за время восстания казаки увели в неволю до 3-х тыс. человек русских, калмыков и башкир. Правительство потребовало от Нурали-хана прекратить набеги на русские границы и возвратить пленников. Но Нурали-хан не в состоянии был выполнить этого требования, т. к. казаки не подчинялись его власти, почему он обратился за помощью к Оренбургскому губернатору. В течение 1775—1776 г. в киргизскую степь были посланы несколько отрядов из русских казаков и башкир, которые разгромили аулы мирных казаков, кочующих вблизи границ, выручив ничтожное количество пленников.

Для управления казаками в Оренбургской области была учреждена Экспедиция Пограничных Дел под председательством начальника области и обер-коменданта Оренбургской крепости. В 1799 г. Экспедиция Пограничных Дел была преобразована в Оренбургскую Пограничную Комиссию.

При Экспедиции Пограничных Дел был учрежден Пограничный суд, состоящий из представителей местного управления и Казакской орды. Пограничному суду было поручено разбирать все пограничные столкновения и улаживать конфликты—между русским населением, башкирами и населением Казакской орды, однако суд не оправдал своего назначения, т. к. никто не обращался к суду, а скорее рассчитывал на свою силу.

Ни Экспедиция Пограничных Дел, ни Пограничный суд не могли умиротворить край, так как в 80-х годах XVIII в. в Казакской орде начались внутренние междоусобия. Против ставленника России Нурали-хана восстал известный вождь народной партии Сырым батырь, который стремился к свержению ханской власти в орде. Наместник края барон Игельстром, убедившись в бессилии хана установить порядок в орде, поддержал движение батыря Сырыма. В 1785 г. в орде состоялся народный съезд, который провозгласил упразднение ханской власти. Во главе орды был поставлен Сырым батырь, как главный старшина и председатель Народного Собрания. В степи наступил мир. Набеги казаков на русские границы прекратились. Движение торговых караванов было восстановлено. Для внутреннего управления орда была разделена на три части, во главе которых были учреждены Расправы,—коллегии из казакских старшин. Однако мир продолжался недолго. Султанская партия продолжала борьбу против батыря Сырыма. Скоро барон Игельстром, заподозрив Сырыма в измене, стал на сторону султанской партии. В 1790 г. хан-

ская власть в орде была восстановлена, но борьба народной и султанской партий продолжалась. В 1797 г. Сырым батырь убил казакского хана Ишима и, в свою очередь, пал от руки предводителя султанской партии султана Каратая.

Под влиянием смут и междоусобий часть казаков Малой орды под предводительством султана Букея перешла на правый берег Урала и основала здесь Внутреннюю или Букеевскую орду. Сторонники батыря Сырыма откочевали в хивинские пределы. Волнения в орде продолжались всю первую четверть XIX в., что вынудило русское правительство принять ряд решительных мер для окончательного покорения казакского народа.

Восстановление В 1796 г. Оренбургская губ. была восстановлена **Оренбургской** вновь в тех пределах, в которых она существовала до **губ. в 1796 г.** 1782 г. В ее состав вошли все 13 уездов Оренбургской и Уфимской областей. Во главе губернии был поставлен военный губернатор—все тот-же барон Игельстром, пользующийся правами Оренбургского и Уфимского генерал-губернатора. Военный губернатор объединял в своих руках военное и пограничное управление Оренбургского края, в помощь ему по гражданским делам был назначен гражданский губернатор, проживающий в г. Уфе, где были сосредоточены общегубернские учреждения Края.

Губернским городом был назначен Оренбург, куда и были переведены все губернские учреждения из г. Уфы.

После перевода губернских учреждений в Уфу в 1782 г., Оренбург пережил период упадка. По обследованию города в 1797 году в нем оказалось лишь 1368 домов; население города состояло из 5241 души. Старые казенные здания пришли в негодное состояние, или были уничтожены пожаром в 1786 г. Город был не в состоянии разместить губернских учреждений, переведенных из Уфы, почему в 1802 г. они были переведены обратно в Уфу.

В Оренбурге оставалась резиденция военного губернатора, высшие военные учреждения, Пограничная Комиссия, Войсковая канцелярия Оренбургского казачьего войска, Таможенное управление и другие учреждения краевого значения.

Состав населения и культур- Не смотря на ряд национальных и политических потрясений, переживаемых Оренбургским краем на протяжении XVIII в., колонизация края продолжалась

Края. непрерывно. Богатейшие плодородные земли, дающие обильный урожай, прекрасные воды, изобилующие рыбой, нетрону-

тые леса, полные дичи, ископаемые богатства—соль и горные руды—привлекали русских помещиков, промышленников и крестьян. Указ правительства 1736 года, отменявший запрещение покупать и кортомить башкирские земли, широко открыл ворота русскому колонизационному потоку и в особенности земледельческому населению. Если в начале XVIII в. во всем Оренбургском крае насчитывалось едва 1198 крестьянских дворов, то по 4-й народной ревизии 1782 года на 289.155 душ населения в крае русских насчитывалось уже 191.961 душа обоего пола.

По социальному составу русское население распадалось на следующие группы: духовенство—3719 душ обоего пола, купцов—3868 душ, мещан и цеховых ремесленников—5295; крестьян: дворцовых—18564, экономических—10818, ясажных—56725, заводских—25998, приписных к заводам—2987, помещичьих—46992, всего крестьян—162084; однодворцев—348, пахатных солдат—1250, отставных военных—4542, казаков отставных и их детей—10677 душ обоего пола*).

Вся эта масса русского, по преимуществу крестьянского населения, происходила из различных мест России. Тут были крестьяне Пензенской, Рязанской, Орловской, Тульской, Калужской, Тамбовской, Курской, Смоленской и др. губерний. Перемешавшись между собой, эти выходцы из различных губерний хранили нравы, обычаи и говоры своей родины и представляли собой самую разнообразную этнографическую смесь.

Русские крестьяне отличались трудолюбием, домовитостью, но отсутствие бойкой промышленной жизни в крае не развивало в них духа предприимчивости и инициативы, как это наблюдалось в центральных губерниях России. Достаток, которым располагало крестьянство, делало их весьма хлебосольными и гостеприимными в такой степени, как не наблюдалось ни в одном углу России. По свидетельству современников нигде нельзя было встретить такой простоты и ласки, как среди крестьян Оренбургской губернии.

Разбросанное по небольшим деревням и селам, русское крестьянство жило патриархальной жизнью, оставаясь во власти суеверных предрассудков. Крестьяне верили в леших, в приметы, порчи и заговоры, были религиозны и не знали ни школ, ни больниц, ни докторов, которые появились в крае лишь в XIX в.

*) В. М. Черемшанский стр. 20—23.

Изобилие леса и других строительных материалов позволяло крестьянам строить удобные и просторные дома, внутренности которых не отличались ни чистотой, ни опрятностью; встречались избы, которые не имели труб и топились по черному, но бани были в большом употреблении и распространены повсеместно.

Домашняя утварь крестьянской семьи того времени была крайне незатейливой и грубой работы, что свидетельствовало почти о полном отсутствии художественного вкуса. Большинство домашней утвари и посуды было сделано из дерева, а железные вещи были простой кузнечной работы.

Ремесленников было мало среди крестьян. Трудно было сыскать плотника, слесаря, портного, сапожника. Натуральное хозяйство крестьянской семьи обходилось собственными средствами, и каждая семья производила у себя большинство необходимых в хозяйстве вещей. Почти все предметы одежды производились в собственной семье крестьянина: белье—из домашнего полотна, верхняя одежда—из домотканного сукна и овчин, обувь—лапти и валенки, головной убор—шапка собственного изделия или войлочная шляпа.

Пища крестьян состояла из хлеба, национальных русских щей с мясом, картофельного супа, лапши, молочных каш, молока, яиц и других продуктов, в изобилии доставляемых сельским хозяйством.

При обилии лесов, топливо не составляло особого вопроса, в безлесных местах население знало кизяк. Освещались лучиной и салными свечами.

Села строились без всякого плана и порядка; улицы разбрасывались по направлению дорог в соседние села или по берегам реки. Величина больших сел доходила до 100-200 дворов.

Вторым по численности народом были башкиры, коренное население края. По пятой ревизии 1796 г. башкир в Оренбургской губ. насчитывалось 106тыс. душ обоего пола. О социальном составе башкирского населения того времени у нас сведений не имеется. Но по преимуществу они составляли сельское население края.

Владея обширными пространствами плодородных земель, лесами и водами, при огромном наличии в стране ископаемых богатств, башкиры оставались на чрезвычайно низкой степени развития, в массе были очень бедны и поражали современников своим „равнодушием к самым невыносимым крайностям“. Народ, переживший ужасы царских экзекуций, как будто застыл в оцепенении или погрузился в летаргический сон. Находясь на низкой степени развития, башкиры

легко поддавались эксплуатации своих более предприимчивых соседей—русских помещиков и крестьян, а также и других пришельцев в их землю: за угощение водкой и ничтожные подарки чаем-сахаром уступали огромные пространства своих лучших земель этому пришлому населению под постройку заводов и под пашни.

Башкиры вели полукочевой образ жизни. Даже горные башкиры летом выходили на кочевки. Летние жилища их состояли из войлочных кибиток или просто балаганов.

Зимой башкиры жили в деревянных избах, около которых устраивались дворы для загона скота. Внутри башкирской избы помещались нары, заменяющие мебель—кровать, стулья и столы. Нары покрывались войлоком или ковром. На нарах башкиры ели и спали. Стены своих жилищ они любили украшать оружием—саблями, ружьями, луком со стрелами.

Пища башкир состояла из мяса и молочных продуктов и небольшого количества муки и хлеба. Любимые блюда башкир: биш-бармак, салма, пельмени; напитки—кумыс, айдын (из кислого молока), мед и др.

Верхнюю одежду башкир составляли кафтаны. Богатые башкиры носили кафтаны из цветных сукон и обшивали позументами; кроме того, они носили шерстяные и шелковые халаты, под ними чекмень или бешмет. Зимняя одежда подбивалась мехами лисиц, хорьков, белок и проч. Особенно живописны были их разнообразные и разноцветные головные уборы—шапки и шляпы, отороченные мехами, из цветных сукон. Живописны и нарядны костюмы башкирок, которые сохранились до нашего времени.

В народных увеселениях башкир сохранился прежний характер этого кочевого и воинственного народа. В дни празднеств молодое поколение принимало участие в состязаниях в беге, борьбе, владении оружием, в скачках на лошадях и других физических играх, сопровождаемых песнями, музыкой и плясками. В своих песнях башкиры любят воспевать славных батырей, одержавших многие победы над врагами. Из музыкальных инструментов были распространены чибизга—род флейты и кобзы.

Далее, по численности, шли мещеряки, под которыми считают отатарившуюся финскую народность. Мещеряки являлись выходцами из Симбирской и Казанской губерний и были одними из самых ранних поселщиков среди башкир. По ревизии 1796 г. мещеряков в Оренбургской губ. насчитывалось 46300 душ обоего пола.

Мещеряки, поселившиеся на башкирских землях, сначала платили башкирам оброк, но после башкирских восстаний в 1735—1740 гг. они были освобождены от уплаты оброка и получили в собственные наделы земли башкир, принимавших участие в бунтах.

Мещеряки в своем большинстве исповедывали магометанскую религию и по своему развитию и нравственным качествам мало чем отличались от башкир, хотя у них наблюдалось гораздо больше трудолюбия и склонности к земледельческому хозяйству, чем у башкир. Они занимались земледелием и скотоводством, вели оседлый образ жизни. Их домашний быт был похож на быт башкир, хотя они отличались от последних некоторою особенностью в одежде.

Далее шли тептяри. Тептяри по своему происхождению не представляли отдельного племени и произошли путем смешения из представителей разных народностей, связанных между собой одинаковым социально-экономическим положением. Сначала это были одинокие выходцы из Казанской и Вятской губерний. После издания указа в 1736 г., согласно которого тептяри стали наделяться землей за счет башкир, к ним стали приписываться разные выходцы, и число тептярей стало быстро возрастать. В 1782 г. их насчитывалось 41 тыс. душ обоего пола. Тептяри были расселены по всей Башкирии и мало чем отличались от своих единоверцев—башкир и татар.

Кроме перечисленных народностей, в Оренбургской губ. проживало большое количество татар, численность которых к концу XVIII в. для нас остается невыясненной. Татары в Оренбургском крае, после русских, играли значительную культурную роль и были более зажиточны и образованы, чем другие национальности. Они являлись распространителями в крае мусульманства и татарской грамотности в качестве мулл и играли значительную роль, как представители торгового капитала; в руках татар находилась большая часть внешней заграничной и внутренней торговли.

За татарами следовали некоторые племена финской народности: чуваша, мордва, черемисы, вотяки, численность которых и экономическо-культурное значение в Оренбургской губ. были невелики. Большинство из них оставалось на крайне низкой степени развития и были язычники.

Народное образование и культурное развитие стояли на самой низкой ступени, в особенности среди национальных меньшинств края. К 1800 г. во всей Оренбургской губ. имелось только 3 народных училища—в Уфе, Мензелинске и Бузулуке, открытые в 1785—

—95 г.г., и школа солдатских детей, учрежденная в Оренбурге еще Неплюевым. Среди русских крестьян грамотный человек был большой редкостью, и единственными распространителями народной грамотности были деревенские дьячки.

Несколько более была развита книжная грамотность среди татар и отчасти башкир, о чем заботились мусульманские муллы, обучающие их чтению корана. В башкирских селах существовали частные школы, с которыми правительство вело борьбу, считая их очагами и рассадниками национального фанатизма.

Центрами культурной жизни края являлись города—Оренбург, Уфа и Мензелинск, в которых группировалось местное дворянство и служилый военный класс, составлявшие тогдашнюю интеллигенцию края. Но и среди этого класса процветали грубость, невежество и хищнические инстинкты, в силу которых этот господствующий класс эксплуатировал и русское крестьянство и туземное население в целях личного обогащения, мало заботясь о просвещении масс.

Перечисленные нами народности составляли население края. Управление этими народами осуществлялось сначала через провинциальные канцелярии, потом уезды, волостных и сельских старшин, на общих основаниях с другими податными сословиями тогдашней России. Ни один из этих народов не пользовался правом национального самоуправления.

Как нам уже известно, со времени заселения Оренбургского края, правительство вело борьбу, главным образом, с башкирами, которые, будучи коренным населением края, сохраняли свою самобытность и патриархально-родовой строй. Народ управлялся родовыми старшинами, которые избирались в волостные старшины и являлись в своем роде владетельными князьями, имеющими огромное влияние на своих сородичей и соотечественников. Из башкирских восстаний нам известно, какую крупную политическую и организационную роль играли эти башкирские старшины, составляющие крупную родовую аристократию народа.

Еще князь Урусов подчеркивал значение родовой аристократии и предлагал положить конец ее влиянию, не допуская ее к управлению общественными делами. Вместо выборных волостных старшин Урусов предлагал назначать начальниками волостей есаулов, сотников и писарей из туземцев, известных своей преданностью правительству.

Губернатор Неплюев нанес разгром башкирской аристократии, отстранив ее от управления народом на том основании, что большинство старшин принимали участие в народных бунтах. Неплюев лишил башкирских старшин их былых привилегий и зачислил их в разряд податного сословия наряду с простыми башкирами.

С 1760 г. башкиры стали привлекаться на линейную пограничную службу наравне с казачьими войсками. За время командировки они получали жалование, провиант и фураж. С этого момента в Башкирии стали накапливаться новые кадры волостных старшин, выслужившиеся из урядников и офицеров, произведенных за отличие и усердие на военной службе.

Тептяри и мещераки привлекались также на военную службу и государственные работы по устройству крепостей и путей сообщения края. Наряды на службу и на работы внесли некоторые организационные начала среди населения; эти организационные навыки в конце XVIII в. позволили правительству осуществить новую реформу управления, обратив башкир, мещераков и тептярей в казачье военное сословие.

Народное хозяйство. Состояние народного хозяйства в Оренбургском крае к концу XVIII-го в. возможно охарактеризовать лишь только в общих чертах, так как в нашем распоряжении не имеется по этому вопросу статистических данных. К концу XVIII в. в Оренбургской губ. еще не было произведено генерального размежевания земель, с учетом пашен, лугов, лесов и т. д.

Естественные богатства края способствовали здесь главным образом развитию земледелия и скотоводства, которые до нашего времени составляют основу народного хозяйства. Наличие судоходных рек—Камы, Белой, выходящих на главную водную магистраль—Волгу, способствовали сбыту сельско-хозяйственной продукции за пределы губернии; кроме того в крае были свои потребляющие районы—это горные заводы, города с их многочисленными военными гарнизонами, казачьи войска, а в пограничных районах—Калмыцкая и Казакская орды, потребляющие русский хлеб.

Хлебопашеством было занято исключительно русское население края. Наиболее оно было развито в уездах Бузулукском и Бугульминском, которые снабжали хлебом Уральское войско и винокуренные заводы; в Бирском и Мензелинском, которые отправляли хлеб в другие губернии; в Троицком и Челябинском, снабжавших хлебом Уральские заводы.

Что касается туземного населения в крае—башкир, то последние предпочитали беспечную жизнь номадов трудовой жизни оседлого населения.

В крае существовала переложная система земледелия. По этой системе обработанная земля, давшая 2—3 урожая пшеницы, запускалась, а для пашни выбирался другой участок.

Из зерновых культур больше всего засеивалась пшеница, затем рожь, овес, ячмень, просо, греча и горох. Из корнеплодов—картофель, репа, редька, морковь; из технических культур—лен, канопля.

Обработка полей была проста. Вспашка земли производилась только один раз, бороновка тоже один раз. Земля вспахивалась мелко, не очищалась от сорных трав. Обильные урожаи были обязаны исключительно плодородию почвы. Хлеб убирался серпом; связанный в снопы, он возился на гумна. Молотьба производилась обычно зимой цепями, для чего хлеб сушили в овинах, сводя для этой цели окрестные леса.

Садоводство и огородничество, лишенные всякого промышленного значения, развивались слабо и существовали лишь для удовлетворения своей семьи.

На ряду с земледелием играло огромную роль скотоводство, которое особенно сильно было развито среди кочевых народов—башкир, казаков и калмыков; водили много скота и русские жители; некоторые хозяева из казаков и башкир в своих табунах насчитывали целые тысячи баранов и коней.

Больше всего разводилось лошадей и овец, которых было возможно содержать круглый год на подножном корму. Среди тех и других преобладали киргизские породы, как наиболее приспособленные к местному климату. В XVIII в. край еще не знал культурного скотоводства, почему здесь преобладал табунный способ разведения скота. Рогатый скот разводился мелкой породы и не отличался молочностью.

Кроме того, в крае было развито пчеловодство, рыболовство и звероловство. Пчеловодство было любимым промыслом башкир, но велось самым примитивным способом, не требующим от пчеловода ни затраты средств, ни затраты труда. Это было бортовое пчеловодство, которое состояло в том, что, отыскав в лесу большое дерево, башкир влезал на него и устраивал там дупло или колоду для помещения пчел. Этим ограничивался весь его уход за пчелами; в дальнейшем он собирал только их мед.

Рыболовство было распространено во всем крае, богатом изобилующими рыбами реками и озерами. У яицких казаков рыболовство составляло главную статью дохода и носило промышленный характер.

Весьма видную статью дохода местного населения составляло звероловство. В башкирских лесах водилось много медведей, волков, лисиц, лосей, белок, хорьков, куниц, выхухолей и других пушных зверей, ловлей которых занимались башкиры, а также и русское население.

Башкир

Г Л А В А VI-я.

Военные реформы в Оренбургском крае. Образование Башкиро-Мещеряцкого и Калмыцкого войска. Преобразование Оренбургского войска. Колонизация киргизских степей и развитие внешней меновой торговли в XIX в.

По мере того, как отдаленный Оренбургский край втягивался в общий оборот торгового капитала и Оренбургский рынок становился крупным фактором в снабжении центральной России сырьем, правительство все более и более было заинтересовано в развитии меновой торговли в крае, а, следовательно, и в обеспечении торговых путей как внутри, так и за границей.

Если в казакской степи, благодаря ее огромным пространствам и подвижному кочевому населению, легко уходящему от преследования русских военных стряпов, было трудно обуздать своевольные элементы применением военной силы, то внутри края военная сила применялась успешно, как при подавлении сепаратистских выступлений отдельных национальностей, как мы наблюдали при усмирении башкирских и калмыцкого восстаний, так равно и при применении внутренних полицейских мер.

Не полагаясь на население края и не доверяя ему, правительство при всяком случае пускало в ход военную силу, касалось ли дело борьбы с процветавшим в крае бандитизмом или поимки раскольников и бродяг, скрывающихся в крае, а также и при сборе рекрутов среди населения.

Как панацея от всех зол, грубая военная сила царила в крае, и все трепетало перед военными командами губернатора. Военные команды охраняли пограничные крепости, меновые дворы, почтовые тракты и горные заводы; они располагались в башкирских селах, калмыцких улусах и казачьих станицах. Спрос на военную силу был огромен, и перед правительством стоял вопрос, как удовлетворить этот спрос.

Наилучшим решением вопроса явилось привлечение на военную службу туземного населения края — башкир, мещеряков, тептя-

рей и калмыков, наравне с казачьим населением и на тех же основаниях, т.-е. за счет самого населения, с минимальными издержками из государственных средств.

Служба башкир в пограничных крепостях с 1760 г. и наряды тептярей и других инородцев на государственные работы в достаточной степени подготовили эту реформу, как в организационном, так и в психологическом отношении, чем и воспользовалось правительство в конце XVIII в., обратив все туземное население в крае в военное казачье сословие.

Образование В 1786 г. все туземное население Оренбургского Башкиро-Мещеряцкого и Калмыцкого войска — башкиры, тептяри, мещеряки и калмыки — были освобождены от ясачного сбора и обращены в военное сословие. Правительство прекрасно оценило военные качества инородцев Оренбургского края и решило их использовать на военной службе на одинаковых условиях с казачьими войсками. В 1798 г. из башкир и мещеряков было сформировано Башкиро-Мещеряцкое иррегулярное войско. Башкиры были обязаны поголовной военной службой, на которую должны были являться за собственный счет с полным обмундированием, снаряжением и конем. Во время состояния на службе они должны были содержаться на собственный счет и только в том случае, когда их командировали на расстояние более 100 в. от места постоянного жительства, — они принимались на содержание за счет казны. Главное управление башкирами по прежнему оставалось в руках Оренбургского генерал-губернатора. Управление военное — в руках командующего Башкиро-Мещеряцким войском, на должность которого назначался русский генерал.

В административном отношении Башкирия была разделена сначала на 12, а потом на 28 округов или кантонов; каждый кантон в свою очередь делился на юрты, числом до 400 юрт в кантоне. Кантоны были сведены в 9 попечительств. Ближайшее управление народом поручалось попечителям, кантонным начальникам и юртовым старшинам. Попечителями и начальниками кантонов назначались русские офицеры и чиновники. Главной обязанностью их считалось следить за тем, чтоб башкиры исправно выходили на военную службу. Юртовыми старшинами назначались башкирские старшины иногда имеющие офицерские чины и известные своей преданностью России.

В Башкирии был установлен строгий военный режим; русские начальники из офицеров и чиновников опекали и воспитывали башкирский народ в целях наибольшей эксплуатации его в качестве военного элемента.

Эпоха военного режима просуществовала в Башкирии около 65 лет и оставила глубокие черты в хозяйственном быте и в психике народа, совершенно подавив в нем всякую самостоятельность и чувство национального сознания.

Кроме попечителей и начальников кантонов Башкирия была наводнена сонмом русской администрации и полицейских чиновников—помощниками попечителей и кантонных начальников, исправниками, становыми и следственными приставами, стряпчими и другим приказным людом. Вся эта многочисленная администрация военная, гражданская и полицейская правила безответным и забытым народом по своему произволу.

Военная служба башкирского войска заключалась в содержании кордонов на Оренбургской линии, на условиях, одинаковых со службой уральских и оренбургских казаков, и во „внешней“ службе по вызову правительства. На службу башкиры зачислялись по достижении 17-ти летнего возраста и числились в строевом разряде до 45 лет, после чего переводились на внутреннюю службу, которая продолжалась пожизненно, до потери физической способности к службе.

Башкиры, как уже сказано, снаряжались на службу за собственный счет и получали жалование 1 руб. ассигнациями в месяц. Кроме того, они были обязаны, в случае надобности, формировать особые пятисотенные полки, которые участвовали во внешних походах. В 1812 г. башкиры сформировали 30 таких полков, которые принимали участие в отечественной войне и во взятии Парижа в 1814 году.

Башкиры носили национальную форму одежды, состоящую из кафтана синего или белого сукна, таких же шаровар с красным кантом и белой остроконечной войлочной шапки.

Из тептярей были сформированы два полка, которые были подчинены военному губернатору и губернской канцелярии.

Кроме того в 1796 г. Оренбургскому военному губернатору было подчинено Калмыцкое войско, сформированное из ставропольских калмыков. Войско состояло из 11 рот, сведенных в один кантон. В 1803 г. калмыцкие роты были сведены в один Тысячный полк, по

штату Оренбургского казачьего войска. Калмыки наряду с башкирами употреблялись на службу для охраны Оренбургской линии.

Преобразование Оренбургское казачье войско со времени своего основания во всех отношениях было подчинено Оренбургскому губернатору; в военном отношении оно подчинялось Оренбургскому нерегулярному корпусу

XIX в. и тем местным командирам, в распоряжении которых по месту жительства находились казаки. Во главе административного управления войска стоял Войсковой атаман и Войсковая Изба, но в виду разбросанности казачьих станиц по всей территории Оренбургского края и неимения у казаков своей войсковой территории, административный орган войска имел весьма незначительное влияние на управление станицами. Главными начальниками казаков были городские и крепостные коменданты, которым они непосредственно подчинялись, как военное сословие. Для внутреннего управления казаки по традиции сохранили свою выборную станичную администрацию в лице атаманов.

В 1797 г. на Оренбургское казачество была распространена система кантонного управления, принятая для Башкирии. Население войска по переписи 1797 г. насчитывало 20519 мужчин и было расположено в 39 станицах. Эти станицы были сведены в пять кантонов: Исетский—6 станиц, Чебаркульский—5 станиц, Уфимский—3 станицы, Оренбургский—14 станиц и Сакмарский—10 станиц. Кантонная система управления в Оренбургском войске преследовала те же цели, что и в Башкирии, т. е. исправное снаряжение казаков на военную службу за собственный счет, а следовательно, и опекала казачье население во всех отношениях.

В 1802 г. на Оренбургскую линию были переселены ставропольские казаки, избравшие местожительством ст. Нижне-Озерную. В 1803 г. последовала новая реформа Войскового Управления. Во главе войска по прежнему оставалась Войсковая Канцелярия, но уже в более увеличенном штате: ее составляли—войсковой атаман, 2 неперемных члена, 2 ассессора, 2 секретаря и прокурор. Оренбургский нерегулярный корпус был переформирован в Оренбургский Тысячный полк в составе: 32 офицеров и чиновников и 1043 нижних чинов. Полк должен был находиться в постоянной боевой готовности на случай выступления в киргизскую степь для преследования „хищников“, нападающих на границы.

В 1821 г. Оренбургский Тысячный полк был переименован в Оренбургский Казачий Непременный полк.

Реформа 1803 г. коснулась главным образом реорганизации высшего управления войска. Главные основания казачьей службы остались без изменения. Казаки, как и раньше, были обязаны поголовной и пожизненной военной службой на собственный счет, от которой могли избавиться лишь по дряхлости, увечьям и полной физической неспособности к службе. За эту военную службу казаки пользовались земельными угодьями, освобождались от рекрутских наборов и от подушной подати, но зато помимо военной службы они несли еще массу других общественных и казенных повинностей в крепостях и станицах: сопровождали транспорты и проезжающих по линии лиц, укрепляли крепости, проводили дороги, несли караульную службу и т. д.

В 1826 г. распоряжением правительства все отставные солдаты, находившиеся в Оренбургской губ., а также солдатские и пушкарские дети были зачислены в казаки, что увеличило население войска на 13 тыс. человек.

Главная реформа Оренбургского казачьего войска последовала в 1840 г., когда войско получило собственную территорию, в состав которой вошли Челябинский, Троицкий, Верхне-Уральский и Орский уезды, за исключением городов.

Северная конечность границы вновь образованной территории Оренбургского войска проходила в Челябинском уезде у деревни Саликовой, на границе Пермской губ.; восточная в 2-х верстах от отряда Алабужского, Тобольской губ.; южная—по р. Илеку, а западная—по р. Уралу, соприкасаясь с границей Уральского войска около ст. Рассыпной. В длину войсковая территория имела протяжение на 1029 в. и заключала в себе площадь земли 7.885.778¹/₂ десятин.

Все государственные крестьяне, живущие на землях, отошедших в состав войсковой территории, были зачислены в войсковое сословие. Тем же из них, которые не пожелали стать казаками предложено было переселиться в Бузулукский уезд на государственные земли.

Крестьянство отнеслось к своему перечислению в военное сословие отрицательно. В Троицком уезде начались крестьянские волнения, и большинство крестьян Верхне и Нижне-Увельских волостей, оставив свои дома, переселились в Бузулукский уезд. То же самое наблюдалось и в Кундравинской волости.

В виду повсеместных волнений и бегства крестьян с войсковой территории в Бузулукский уезд, что было сопряжено с разорением самого зажиточного населения в крае, в крестьянские волости были двинуты казачьи отряды с артиллерией, усиленные нарядами полиции, которые должны были „убедить“ крестьян в превосходстве военного сословия над мирным крестьянским населением. Демонстрация имела успех, и часть крестьян покорилась своей участи, т. е. остались на местах, перечислившись в казаки.

Не благополучно происходило „оказачение“ крестьян и в Оренбургском уезде. Крестьяне Оренбургских волостей встретили указ правительства открытым бунтом. По волостям были посланы военные отряды. Сам Наказный атаман Оренбургского казачьего войска граф Цуката с отрядом казаков при артиллерии должен был выехать в Никольскую волость, где окрестные крестьяне, вооружившись чем попало, собрались в толпу и заявили, что они не желают перейти в казачье сословие. Граф Цуката двинул против толпы 3 сотни казаков, приказав им действовать „тупыми концами пик“. Толпа крестьян, до 1 тыс. человек, заняла кладбище и продолжала сопротивляться; только угроза графа открыть по ним огонь картечью вынудила крестьян сдаться на милость победителя, и они были приведены к присяге, как казаки.

Войсковое население с перечисленными в его состав крестьянами в 1840 г. возросло до 62.620 душ мужского пола.

Согласно положения об управлении войском от 12-ХП—1840 г. войско, оставаясь под главным управлением начальника Оренбургского края, было изъято из ведения невойсковых властей и получило свое военно-административное устройство. Территория войска была разделена на 2 военных округа и на 10 полковых округов; к каждому полковому округу было приписано 2500 казаков. Полковыми округами командовали полковые командиры, которым войсковое население подчинялось как в военном, так и в гражданском отношениях.

Общее управление войска по прежнему было сосредоточено в лице войскового атамана, который был переименован в наказные атаманы Оренбургского казачьего войска. Военным управлением, т. е. учетом строевых частей и их службой, заведывало Войсковое Дежурство. Для гражданского управления в войске было учреждено Войсковое Правление, которое приняло на себя все функции гражданской власти, осуществляя ее через полковые округа и

местные станичные правления. Местное управление было сосредоточено в полковых и станичных правлениях. В каждом из этих правлений имелись соответствующие отделы и столы, которые ведали хозяйственными, полицейскими, судебными и военными делами полковых округов и станиц.

Не вдаваясь в детальное описание нового административного аппарата войска, можно подчеркнуть, что он имел вполне определенный военный характер, и все гражданские и хозяйственные интересы войскового населения были подчинены требованиям военной службы. Вся система казачьего управления была построена в духе царствования Николая I, насадившего в России казарменно-бюрократический режим.

По штату 1840 г. Оренбургское войско, весь строевой состав войска определялся в 9694 человека, которые числились на постоянной военной службе, что от 62 тыс. населения войска составляло свыше 16%. Таким образом войско по прежнему оставалось военным лагерем.

Кроме военной повинности население войска несло все натуральные земские повинности, сопряженные с оседлостью, наравне с гражданским населением губернии.

Через 14 лет после этой реформы, т. е. в 1854 г. население войска возросло до 91780 муж. душ, почему правительство нашло возможным увеличить число строевых частей.

По проекту генерал-губернатора Перовского в этом году в войске было сформировано еще 6 пеш. батальонов, которые были предназначены для занятия гарнизонов во вновь построенных укреплениях в киргизской степи.

С наделом войска собственной территорией казачество получило материальную базу для своей военной службы. Каждый казак, достигший строевого возраста, стал получать 30 десятин земли в душевой надел. В распоряжении войскового правления и в распоряжении станичных обществ оставались свободные запасы земли, которые приносили значительные доходы, но главные доходы войско получало от эксплуатации своих лесов. Кроме того, правительство, начиная с 1837 г., стало выплачивать в доход войска ежегодно по 150 тыс. рублей за добычу на территории войска металлов и минералов. Эти деньги послужили фондом для образования войсковых капиталов.

Для обеспечения войскового населения на случай неурожая хлебов и трав в станицах были учреждены общественные хлебные и сенные запасы и общественная запашка хлеба.

Заботясь об улучшении породы лошадей, администрация войска заводила конские заводы и конно-плодовые табуны. Тогда же положено начало распространению грамоты среди казачьего населения.

За свою военную службу войско было освобождено от воинских постоев, от подушного оклада и рекрутского набора; оно получило право свободной торговли и промышленности в пределах своей территории и право устраивать на войсковых землях фабрики и заводы и продавать изделия их повсеместно на линии, за исключением городов. Для развития торговли внутри войска даже учрежден был класс „торговых казаков“.

Положение 1840 г. просуществовало до 1865 г. За этот период войсковое население находилось под ближайшей опекой строевого начальства, которое распространило военную дисциплину на весь уклад как гражданской, так и хозяйственной жизни войскового сословия. Режим казачьих станиц в эту эпоху напоминает режим аракчеевских военных поселений, где розга и шпицрутены внедряли „военный дух“. Тем не менее под влиянием этого военного режима Оренбургское войско, составленное из разноплеменных и разносословных элементов Оренбургского края, получило стройную и законченную военную и хозяйственную организацию, вполне приспособленную для той исторической роли, для которой служило линейное казачество, охраняя границы империи от весьма воинственных кочевников, населяющих в то время киргизскую степь.

Развитие коло- События в Малой Казакской орде в последней низаторской по- четверти XVIII в. сильно подорвали ханскую власть **литики в Орен-** как в глазах казакского народа, так и в глазах русского правительства. После смерти Нурали-хана хан- **бургском крае** **в XIX веке.** ская власть перешла к поколению его брата султана Айчувака, который, будучи назначен ханом Казакской орды в 1805 г., отказался от ханской должности в пользу своего сына султана Джантюри. Между новым ханом Джантюри и султаном Каратаем, сыном Нурали-хана, началась ожесточенная борьба за власть в орде. Султан Каратай, опираясь на казакские народные массы, начал борьбу не только со своим соперником Джантюри-ханом, но и с русским правительством, которое поддерживало хана Джантюри. Набрав мно-

гочисленное ополчение среди казаков, султан Каратай начал производить набеги на Оренбургскую линию и прервал торговые сношения Оренбурга с киргизской степью и с средне-азиатскими странами, останавливая и грабя в степи торговые караваны. В 1809 г. хан Джантюри пал жертвой мстительного султана Каратая. Вместо Джантюри в 1812 г. ханом был назначен его брат Ширгази; борьба султана Каратая с новым ханом продолжалась. Каратай объявил себя ханом Малой орды и силою оружия распространял свою власть на все казакские роды, добиваясь признания и со стороны русского правительства.

В виду набегов султана Каратая на границы, Оренбургский военный губернатор стал опасаться за целостность Илецких соляных копей, которые подвергались нападению со стороны казаков. Чтоб обеспечить Илецкую Защиту от нападения казаков, военный губернатор князь Волконский в 1811 году разработал проект о постройке новой линии крепостей по р. р. Илеку и Бердянке и об изъятии из пользования Казакской орды территории степи, расположенной в виде треугольника между р. р. Уралом, Илеком, Куралой и Бердянкой. Все это пространство заключало в себе около 600 тыс. десятин земли и получило название Ново-Илецкого района.

В этом районе еще ранее были основаны ямские слободы по тракту, устроенному для подвозки соли от Илецкой Защиты на Самару, которые были населены крестьянами внутренних губерний и малороссийскими черкасами. Вновь присоединенный район предполагалось заселить добровольцами из оренбургских и уральских казаков. В виду того, что добровольцев не нашлось, по распоряжению правительства в 1820 — 26 г.г. в Ново-Илецкий район были переселены казаки упраздненной Красно-Уфимской станицы, которые основали здесь новые станицы: Изобильную, Буранную, Угольную, Ново-Илецкую, Линевскую и Ветлянскую. Согласно положению 1840 года Ново-Илецкий район вошел в территорию Оренбургского казачьего войска.

Заселение Ново-Илецкого района вызвало протест Табынского и Таминского казакских родов, которые занимали этот район своим кочевьями; протест этот, впрочем, несколько не изменил создавшегося положения, и казаки вынуждены были удалиться в „глубину степей“.

Между тем, восстание султана Каратая продолжалось до 1817 г. В течение этого времени торговые сношения с киргизской степью

были нарушены, что крайне невыгодно отзывалось на состоянии орды. Среди сыр-дарьинских казаков, во главе с влиятельным султаном Арунгазы, возникло движение, поставившее целью восстановление мира с Россией. Объединив вокруг себя большое число казаков Арунгазы восстановил спокойствие в степи и принял на себя охрану торговых караванов, идущих из Оренбурга в Бухару. Султан Каратай, лишившись многих своих сторонников, вынужден был примкнуть к этому движению. В 1817 г. на Оренбургском меновом дворе состоялось свидание хана Ширгази, султанов Арунгазы и Каратая, которые в присутствии представителя Оренбургского губернатора заключили между собой договор, отказавшись от междоусобной борьбы за власть. Султан Арунгазы был назначен председателем ханского союза и стал играть первенствующую роль в Казакской орде. По проискам хана Ширгази, Арунгазы был вызван в Петербург в 1820 г., откуда был сослан в Калугу, где и умер в 1833 г.

Борьба за власть в Казакской орде, сопровождаемая длительными междоусобицами, в конце концов настолько обострила родовые взаимоотношения, что правительство решило окончательно упразднить ханскую власть, заменив ее коллегией из представителей Казакской орды и русских чиновников. В 1824 г. ханская власть была упразднена. Все дела по управлению ордой были сосредоточены в Оренбургской Пограничной Комиссии. Хан Ширгази был назначен первоприсутствующим в этой Комиссии, но остался недовольным своей новою ролью, почему удалился в орду и предпринял несколько попыток к восстановлению ханской власти, но не имел успеха. Для внутреннего управления Казакская орда была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную, во главе которых были поставлены султаны—правители, опирающиеся на 200-ые отряды русских казаков.

Упразднение ханской власти и учреждение должностей султанов-правителей были важным шагом для укрепления русской власти в орде, тем более, что султаны-правители, являясь русскими чиновниками и исполняя волю правительства, совершенно не зависели от казакского народа и имели в своем распоряжении довольно внушительную военную силу для борьбы с будирующими степь элементами. Тем не менее до полного подчинения орды было еще далеко, и набеги казаков на русские границы и нападения на торговые караваны не прекращались, хотя происходили значительно реже.

В 1830 г. правительство сделало второй шаг для закрепления русской власти в орде. По распоряжению Оренбургского губернатора, вся казакская степь, прилегающая к линии русских крепостей от г. Гурьева до ст. Звериноголовской, была в административном отношении разделена на 22 дистанции. В каждой дистанции был назначен начальником почетный старшина.

Дистанционные начальники подчинялись султанам-правителям и являлись исполнителями всех мероприятий, проводимых русской властью в орде. Они должны были следить за всеми неблагонадежными элементами орды и своевременно предупреждать пограничное начальство о подготовляемых набегах на линию.

В 1833 г. Оренбургским военным губернатором был назначен генерал Перовский, который круто изменил политику в отношении орды. Вместо постепенного внедрения русского влияния и русской власти в орде, новый губернатор стал на путь территориальных захватов киргизской степи, закрепляя их постройкой новых военных укреплений.

Генерал Перовский являлся одним из наиболее ярких сторонников завоевательной политики на Востоке, что и не замедлило сказаться на его первых шагах по управлению Оренбургским краем.

Ознакомившись с направлением Оренбургской пограничной линии, генерал Перовский нашел, что между Орском и Троицком пограничная линия представляет невыгоды, как в политическом, так и в военном отношении. Проходя по рубежам р.р. Урала и Уя, этот участок границы лежал на стыке Казакской орды и Башкирии, которые здесь вплотную подходили друг к другу. Население казачьих линейных станиц и крепостей, тянувшихся тонкой линией, по своей малочисленности не в состоянии было сдерживать взаимных набегов казаков и башкир, а в случае их совместного выступления против России — изолировать один народ от другого. В военном отношении невыгодность этого участка заключалась в том, что, проходя по вогнутой линии, он удлинял границу на 100 верст. Генерал Перовский решил вынести пограничную линию на 100 верст в киргизскую степь, чем достигалось, во-первых, сокращение пограничной линии, во-вторых, — присоединялся к губернии новый район киргизской степи между р.р. Уралом, Уем, Тугузаком, Аятом и Сундуком, площадью в 39,975 кв. верст.

В своем докладе правительству Перовский доказывал, что занятие нового района киргизской степи не является каким-нибудь „за-

воеванием или приобретением“, а это просто „хозяйственное распоряжение“, согласно которому „часть населения переводится на более удобные и свободные земли“, т. к. все пространство киргизских степей является „достоянием Российской империи“.

Намеченный район заключал в себе богатейшие и плодороднейшие земли, изобилующие лесом и месторождением золота. Кочующих здесь казаков Перовский предполагал „выселить в дальние степи“.

По мнению Перовского, казаки, как колониальный народ, не должны были заниматься земледелием, а оставаться скотоводами и снабжать русскую промышленность сырьем, получая взамен хлеб и фабрикаты промышленности.

„Пахотная земля для них бесполезна, писал Перовский в своем докладе правительству, — реки текут без цели и ожидают плотин, мельниц и других заведений промышленности; лес киргизы употребляют зимой для согревания кибиток, а летом наносят ему вред пожарами“.

Заселение нового района земледельческим элементом, по мнению Перовского, должно было принести огромную пользу, т. к. даже засеяв только $\frac{1}{10}$ площади района уже мог обеспечить хлебом не только пограничную линию, но и кочевое население степи. Кроме того, в новом районе были открыты месторождения золота, для разработки которого образовалась частная компания капиталистов.

Проект Перовского был утвержден правительством, и уже весной 1835 г. было приступлено к перенесению границы на новую линию.

В течение 1835-1838 г.г. новая линия на участке Орск—Троицк была укреплена. Здесь было возведено 5 укреплений: Императорское, Наследницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское, в промежутках которых построены 9 редутов и 12 пикетов. Для занятия этих укреплений был сформирован отряд в 1800 человек, в числе которых было 228 оренбургских, 300 уральских казаков и около 1300 башкир и мещераков. Все земельные работы были произведены мобилизованными для этой цели башкирами.

Новый район предположено было заселить преимущественно казаками, чтобы „поселяне были вместе с теми защитниками линии“. С этой целью были упразднены все станицы так называемых внутренних кантонов—Борская, Тоцкая, Ольшанская, Красноярская, а казаки переселены на новую линию. Всего из этих станиц было переведено

на линию 2877 муж. душ, чего было далеко недостаточно. В 1837 г. было упразднено Ставропольское калмыцкое войско, жители которого в числе 3336 человек были также переселены на новую линию и кроме того сюда же были переселены белопахотные солдаты Бузулукского, Бугульминского и Мензелинского уездов, в числе 7400 человек, линейные батальоны со старой линии и ногайбаки из Бугульминского района, а также часть крестьян, обращенных в казаки.

В 1840 г. новый район вошел в состав территории Оренбургского казачьего войска со всем населением.

Первоначальная застройка и заселение нового района не вызвали противодействия со стороны кочующих здесь мирных казаков, потому, что они свободно продолжали кочевать между старой и новой линией. С течением времени, когда русское население возросло, казаки стали терпеть всевозможные притеснения.

Но постройка военной линии в киргизской степи произвела огромное впечатление в дальней орде; в 1838 г. на этой почве уже вспыхнуло знаменитое восстание Кенисары Касимова, который, отделившись от России, объявил себя „ханом непобедимой орды“ и решил скрыть укрепления новой линии. Собрал вокруг себя многочисленное конное ополчение казаков, Кенисара в течение ряда лет, с 1838 по 1840 г., продолжал громить новую линию и своих соплеменников, приверженцев России.

Борьба с Кенисарой потребовала от Оренбургского и Сибирского губернаторов значительных сил и средств. Только в 1845 г., когда по распоряжению Оренбургского губернатора по р. р. Тургаю и Иргизу были построены укрепления Тургай и Иргиз, Кенисара был вынужден откочевать на восток степи и в 1847 г. погиб в войне с киргизами.

Как восстание Кенисары, так и все предыдущие восстания казакского народа против колонизации степи протекали при поддержке Хивинского ханства. Хива рассматривала казакский народ, как авангард мусульманских стран Средней-Азии и вооружала его против России, имея целью задержать русское колонизационное движение на восток. Владея низовьями Сыр-Дарьи, Хива господствовала над всеми караванными путями, идущими из Оренбургского края в Среднюю Азию и таким образом держала в своих руках нити средне-азиатской торговой политики.

Генерал Перовский понимал, что для окончательного установления в орде русской власти и для захвата караванных путей необхо-

димо завоевание Хивинского ханства, почему и предпринял в 1839 г. поход на Хиву.

Сформировав отряд из $3\frac{1}{2}$ батальонов пехоты, дивизиона оренбургских казаков, 2-х сотен уральцев и 2-х сотен башкир, при 14 орудиях, имея продовольственный транспорт из 12000 вьючных верблюдов, в ноябре 1839 г. выступил из Оренбурга в киргизскую степь. Он был намерен в течение зимы дойти до Усть-Урта, чтоб с наступлением весны напасть на Хиву.

Пробивая себе путь в глубоких снегах степи при сильных морозах, отряд Перовского еле-еле дошел до р. Эмбы, откуда весной 1840 г. был вынужден вернуться в Оренбург, потеряв 11 офицеров, до 1000 солдат и до 1000 казаков—проводников от холодов и болезней и весь свой вьючный транспорт.

Неудача Перовского удержала на некоторое время развитие колонизаторской политики в киргизской степи, и сам инициатор этой политики был уволен в отставку. Но уже в 1847 г. в устьях р. Сыр-Дарьи, на берегу Аральского моря было построено русское укрепление Раим. С этого момента Россия, утвердившись в низовьях Сыр-Дарьи, начала наступательное движение вдоль этой реки. В укрепление Раим были доставлены сухопутным путем 2 парохода, которые и были спущены в Аральское море.

Продвигаясь вверх по Сыр-Дарье, Россия соприкоснулась с владениями Хивинского и Коканского ханств, что и привело ее к военному столкновению с этими государствами.

Развитие торговых сношений XIX в. Рост промышленности в России в 50-х годах XIX в., в особенности в области текстильного производства, шел быстрым темпом и опередил развитие внутреннего рынка страны, т. к. крепостное крестьянство, разоряемое барщиной, обладало весьма слабой покупательной способностью. Развитие промышленности требовало новых рынков для сбыта товаров, почему русский торговый капитал обратил свое внимание на средне-азиатские страны, как на свою будущую колонию. Особенно важно было значение Средней Азии в том отношении, что ее хлопковые плантации могли снабдить русскую промышленность дешевым хлопком.

Количество потребляемого хлопка в России в первой половине XIX в. характеризуется следующими данными: в 1824—26 г.г. в Россию было ввезено до 74.000 пудов хлопка, а в 1848—50 г. уже хлопка было ввезено более $1\frac{1}{2}$ милл. пудов.

Чтобы поставить свою текстильную промышленность вне зависимости от иностранных рынков, Россия стремилась, как к туркестанскому хлопку, так и вообще к развитию своих торговых сношений с Хивой и Бухарой. Однако огромное расстояние и отсутствие удобных путей сообщения ставили к тому очень серьезные препятствия. Торговые сношения с Востоком были возможны только посредством караванного пути через безводную киргизскую степь, где торговые караваны часто подвергались разграблению и не доходили по назначению. Политика средне-азиатских ханов препятствовала развитию русской торговли в этих странах, так как русские купцы не допускались ни в Хиву, ни в Бухару.

Нам уже известно, что, начиная с половины XVIII в., русское правительство вело борьбу за безопасное движение караванов в киргизских степях и за открытие для русских товаров рынков Хивы и Бухары. Эта борьба велась всеми способами: мирным экономическим путем и репрессиями по отношению азиатских купцов, дипломатическими переговорами и силой оружия. Были периоды, когда торговые сношения России с Туркестаном развивались нормально, а вслед за ними наступали периоды полного ее прекращения, как, например, во время восстания султана Каратая в 1806—1817 г.

Министр коммерции в одном из своих циркуляров в 1818 г. в следующих словах характеризовал состояние казакской степи: „грабительство тамошних киргиз, кочующих на пространных степях, разделяющих Оренбург от азиатских народов, внезапностью, неотвратительностью для тамошней торговли гораздо бедственней морских кораблекрушений. Все предпринимаемые до сих пор меры оказались бессильными“.

Для предотвращения нападений со стороны казаков на торговые караваны правительство выдвигало разные проекты, между прочим проект так называемого „Вооруженного Каравана“.

В 1812 г. в Оренбурге был разработан план организации Акционерного Общества „Вооруженный Караван“, к участию в котором предполагалось привлечь крупные торговые фирмы, ведущие торговлю с Хивой и Бухарой. Акционеры должны были доставлять свои товары в Оренбург, откуда их направляли бы в Азию особым караваном, под охраной военного отряда с артиллерией. На содержание этого отряда предполагалось отчислять от 5 до 10% с объявленной стоимости товаров.

Под прикрытием военного отряда караван должен был следовать до р. Сыр-Дарьи, где принимался конвоем бухарских войск, который должен был сопровождать его до Бухары и от Бухары обратно до Сыр-Дарьи, где снова поступал под охрану русского отряда. По поводу этого проекта с бухарским ханом была заключена специальная конвенция, по которой он обязался конвоировать торговые караваны от Сыр-Дарьи и обратно.

Проект „Вооруженного Каравана“ получил осуществление только в 1824 г., когда из Оренбурга отправился первый караван под прикрытием отряда из 17 офицеров, 500 казаков с артиллерией. Вооруженный караван в пути был остановлен казаками Шумекеевского рода и, выдержав 13-дневную осаду, был вынужден сжечь свои товары и вернуться в Оренбург, понеся убытку около миллиона рублей.

Таким образом проект „Вооруженного Каравана“ не оправдал ожиданий. Вместо него выдвинут был проект постепенного внедрения русской власти в киргизской степи и, наконец, устройство степных укреплений на пути движения торговых караванов.

В период с 1838 по 1845 г., в связи с восстанием Кенисары Касимова, караванное движение снова затормозилось. Только с постройкой степных укреплений—Карабутак, Иргиз, Тургай, Раим нападения казаков на торговые караваны прекратились, и для них открылся свободный путь до р. Сыр-Дарьи.

По отчетам Оренбургской Пограничной Комиссии меновая торговля в половине XIX в. характеризуется следующими данными: в 1851 г. азиатских и киргизских товаров в г. Оренбург было ввезено на сумму 1726034 р.; в 1852 г.—1.919.910 руб.; в 1853 г.—2.057.591 р.

Из ввозимых в Оренбург товаров из Средней Азии на первом месте стоял хлопок, ввоз которого с каждым годом обнаруживал неизменную тенденцию к повышению. В 1851 г. было ввезено 24.464 пуда—на 102.986 руб.; в 1852 г.—42.308 пуд. на 261.108 руб., а в 1853 г. уже 73.713 пуд. на сумму 315.088 руб.

Также неизменно возростал ввоз из Средней Азии хлопчатобумажных изделий: в 1851 г. на 281.335 руб., в 1852 г. на 336.476 р. и в 1853 г.—на 361.113 руб.

Таким образом, несмотря на развитие русской хлопчатобумажной промышленности, средне-азиатские кустари, благодаря дешевизне хлопка, конкурировали с русской фабричной промышленностью, и их ткани находили сбыт в России.

Значительную часть ввозимых товаров составляли киргизские мерлушки и бухарский каракуль. В 1851 г. киргизы ввезли 619.880 мерлушек, бухарцы—27.043 каракулевых шкур, всего на сумму 87.334 руб.; в 1852 г. мерлушек—160 870 шт., каракуля—32.005 шт. на сумму 79.753 руб.; в 1853 г. мерлушек—557.268 шт., каракуля—67.983 шт. на 123.216 руб. Увеличение ввоза бухарского каракуля с каждым годом происходило почти вдвое.

Из ввозимых казаками товаров наиболее крупную статью составляли скот:

Наименование товаров.	В 1851 году.		В 1852 году.		В 1853 году.	
	Колич.	Сумма.	Колич.	Сумма.	Колич.	Сумма.
Баранов	378030	649567	341295	596939	370023	653597
К о з	5562	5655	6229	6438	6131	6207
Рогатого скота . .	5824	37416	6722	51854	6734	52271
Лошадей	2905	46393	3827	59853	3148	48385
Кожсырья	181244	51574	123498	49385	141149	64776

Затем ввозилось значительное количество верблюжьей шерсти и кустарных изделий кошмы, армячины и т. д.

За те же годы русский вывоз за границу дал следующие цифры: в 1851 г. на сумму 1.141.366 руб., в 1852 г.—979.715 руб., в 1853 г.—1 133.433 руб.; кроме того было вывезено валюты в иностранной монете: в 1851 г. на 221.803 руб., в 1852 г. на 239.617 руб., и в 1853 г.—на 187.822 руб.

Главнейшими статьями русского вывоза за границу были следующие товары:

Наименование товаров.	В 1851 году.		В 1852 году.		В 1853 году.	
	Колич.	Сумма.	Колич.	Сумма.	Колич.	Сумма.
Хлопчато-бумажн ткани	—	495954	—	401132	—	443905
Юфти	—	122357	—	132500	—	156652
Металлич. изделий .	—	132933	—	140030	—	134648
Х л е б а	332756 п.	122482	261981 п.	8248	303757 п.	115108
Лошадей	3914 г	23743	4122	20348	3930	21224

Вывоз хлопчатобумажных тканей в 1852 г. пал против предыдущего года почти на 100 тыс. рублей; явление это не случайное и стоит в тесной связи с тем, что в том же году казаки пригнали на 37 тыс. голов баранов меньше, чем в предыдущем году, что и отразилось на их покупательной способности.

Весьма характерным признаком является то обстоятельство, что Оренбург каждый год отпускал за границу на 1000 лошадей больше, чем получал сам. Это объясняется тем, что на рынках Хивы и Бухары лошади расценивались выше, чем в Оренбурге, и поэтому были предметом вывоза за границу.

В конечном итоге торговый баланс Оренбургской внешней торговли сводился не в пользу России. Ежегодно сумма ввозимых товаров из Азии превышала вывоз русских товаров за границу. Разница между ввозом и вывозом выразилась в следующих цифрах: в 1851 г. — 362,864 руб., в 1852 г. — 699,373 руб. и в 1853 г. — 732,235 руб., кроме того, как уже было сказано, за эти годы было вывезено валюты в иностранной монете: в 1851 г. — на 221,803 руб., в 1852 г. — на 239,613 руб. и в 1853 г.—187,922 рубля.

Средне-азиатские купцы предпочитали свои товары продавать в России за наличные деньги, на которые приобретали валюту и вывозили ее за границу. Купцы Хивы и Бухары вели обширную торговлю с Персией, Афганистаном и Индией, где приобретали английские товары по более низкой цене.

Правительство боролось с вывозом звонкой монеты за границу, но все принимаемые им меры не давали положительных результатов, а только тормозили торговлю. Монополия заграничной торговли была захвачена бухарскими и хивинскими купцами и русский торговый капитал, не смотря на деятельную поддержку правительства, не мог вырвать ее из их цепких рук. Туземное купечество, действуя через мусульманское духовенство, влияло на свои правительства, которые не допускали русских купцов, как иноверцев, „в священные центры мусульманства“—Хиву и Бухару. Каждый русский, без разрешения проникший в Хиву или в Бухару, подлежал смертной казни. Поэтому русские торговые фирмы вели торговлю с Хивой и Бухарой через посредников и приказчиков из казанских татар, которые, как мусульмане, допускались в Хиву и Бухару. Кроме того, русские товары облагались высокими ввозными пошлинами в двойном, тройном и даже четверном размере против тех-же товаров,

ввозимых туземными купцами, да еще нередко караванам приходилось откупаться в степи от казаков и кокандцев.

Между тем, средне-азиатские купцы имели свободный доступ на русские рынки и пользовались одинаковыми правами. Хивинские и бухарские купцы вели широкие торговые обороты на Нижегородской ярмарке, в Москве и друг. торговых центрах России.

Русское правительство в течение целого столетия вело переговоры с ханами Хивы и Бухары, добиваясь учреждения в их столицах русских дипломатических консульств для защиты русской торговли и в свою очередь приглашало Хиву и Бухару открыть такие же консульства в России. Не раз правительства обменивались грамотами, подарками и даже заключали договоры по этому вопросу, но как только доходило дело до практического их осуществления, русские представители не допускали ни в Хиву, ни в Бухару.

Чтобы завоевать себе право свободной торговли на средне-азиатских рынках, суливших огромные выгоды, русский торговый капитал требовал от правительства завоевания этих государств.

Начало этих завоеваний Средней Азии положил тот же генерал Перовский, который в 1851 г. вернулся на пост Оренбургского военного губернатора. В 1853 г. Перовский с отрядом в 3 тыс. человек при 12 орудиях предпринял поход на берега Сыр-Дарьи и 26 июля взял штурмом Кокандскую крепость Ак-Мечеть. Продвигаясь далее, русский отряд очистил от кокандцев правый берег Сыр-Дарьи в среднем ее течении и основал ряд русских форпостов, которые окончательно замкнули киргизскую степь в свой круг и таким образом изолировали ее от влияния средне-азиатских ханств.

Русские крепости, построенные на берегах Сыр-Дарьи, в особенности Ак-Мечеть, послужили исходной базой для дальнейших завоеваний Средней Азии. В 60-х годах русскими войсками были взяты Ташкент и Бухара, а в 1873 г. та же участь постигла гордую Хиву.

После завоевания Кокандского и Бухарского ханств в 1867 году, из них было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, с резиденцией генерал-губернатора в Ташкенте; в состав него вошла вся укрепленная Сыр-Дарьинская линия, которая навсегда отошла из ведения начальника Оренбургского края.

В 1868—69 г. бывшая Малая орда, переименованная потом в „Область киргиз Оренбургского ведомства“, получила новое волостное устройство. Она была разделена на Уральскую и Тургайскую обла-

сти, которые получили совершенно самостоятельное административное устройство и были выделены из состава Оренбургской губернии, хотя до 1881 г. еще и оставались под ведомством Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Город Оренбург продолжал оставаться областным центром Тургайской области, и в нем были сосредоточены все ее управления и учебные заведения; Уральская область имела свое областное управление в г. Уральске.

С выделением киргизских областей из состава Оренбургской губернии, собственно закончилась историческая миссия Оренбургского края, объединяющего управление обширной юго-восточной окраиной России.

вновь в военном отношении подчинено Оренбургскому губернатору, считалось 12 тыс. служилых казаков.

Кроме иррегулярных башкирских и казачьих войск, находящихся в распоряжении начальника края, он располагал 75 тыс. регулярных войск разного рода оружия.

Столь внушительные военные силы не только укрепили русскую власть в крае и обеспечили его от внешних нападений со стороны орды, но и дали возможность военному губернатору начать завоевательное движение во внутрь киргизской степи, которое в 50-х годах привело Россию на берега Аральского моря и Сыр-Дарьи, а в 60-х годах закончилось завоеванием Туркестана.

В начале XIX в. борьба с воинственной Казакской ордой чрезвычайно осложняла военное и политическое положение края. Эта борьба велась на протяжении всей пограничной линии, от Гурьева городка до крепости Звериноголовской, на фронте 1800 в., и требовала огромного напряжения военных сил. Ежегодно с наступлением весны население прилинейных кантонов Башкирии и казачьих станиц становилось в „ружье“. Густые кордоны по пограничной линии станиц, укреплений, редутов и постов занимались гарнизонами башкир и казаков, которые зорко всматривались в степь, откуда грозили нападения орды. То и дело по линии вспыхивали зловещие огни сигнальных вех, предупреждающие линейных жителей о появлении „хищнических шаек киргиз“; ни один житель станицы не мог рискнуть показаться за околицу крепостного вала без оружия. Но с течением времени пограничная борьба ослабевала. С одной стороны вооруженные силы правительства проникали все дальше и дальше в киргизскую степь и теснили в пески независимые казакские роды; с другой—меновая торговля на пограничной линии все больше и больше втягивала казакские народные массы в мирные экономические сношения с Россией.

В половине XIX в. уже не только товары русской промышленности, но и русский хлеб нашли широкий сбыт в Казакской орде. Даже больше: казаки являлись не только потребителями русского хлеба, но и сами постепенно начали переходить к оседлости и сеять хлеб, превращаясь таким образом из „буйных кочевых орд“ в мирное земледельческое население.

Оренбургский край представлял собой вполне замиренную русскую провинцию, что содействовало развитию его дальнейшей колонизации, а вместе с тем развитию народного хозяйства.

Г Л А В А VII-я.

Состояние Оренбургского края в половине XIX века. Развитие колонизации и народного хозяйства. Крестьянские восстания. Раздел Оренбургского края.

Общая политическая обстановка в крае в половине XIX века.

Преобразование управления Оренбургского края в конце XVIII в. облегчило правительству разрешение исторических задач в области развития русской колонизации и умиротворения края. Чтоб завершить вековую борьбу с национальным движением башкирского и казакского народов, которое являлось главным препятствием колонизаторской политики, правительство теперь располагало военной системой управления края.

Общее управление краем было сосредоточено в канцелярии военного губернатора; военное управление находилось в непосредственном ведении военного губернатора, как командира отдельного Оренбургского корпуса; управление казачьими войсками и Башкирией осуществлялось через войсковых атаманов и командующего Башкиро-Мещеряжским войском, штаб-квартиры которых находились в Оренбурге; гражданское управление края хотя и было объединено в руках гражданского губернатора, живущего в Уфе, но и он находился в подчинении военного губернатора.

В Башкирии, которая в течение XVIII в. являлась главным объектом колонизаторской политики правительства, как и в казачьих войсках, все туземное население страны было обращено в военное сословие и получило военное кантонное управление, при котором уже немисливо было народу вести борьбу за национальное самоопределение.

Башкиро-Мещеряжское войско чрезвычайно усилило военные ресурсы края. В 1850 г. в Башкиро-Мещеряжском войске насчитывалось до 117 тыс. человек, в числе которых было 114 офицеров, 954 зауряд-чиновников, 2887 урядников и 110 тыс. рядовых. В то же время в рядах Оренбургского казачьего войска насчитывалось 35 тыс. служилых казаков, а в Уральском войске, которое в 1808 г. было

Развитие колонизации и народного хозяйства. Дворянско-заводская колонизация края, узаконенная указом правительства 1736 г., продолжалась и в XIX веке.

Колонизаторы-заводчики и дворяне захватывали в свои владения такие огромные пространства башкирских земель, каких они никогда не могли ни заселить, ни обработать, и эти земли или продолжали лежать „в пусте“, или превратились впоследствии в средство эксплуатации крестьянских переселенческих масс, нахлынувших в край, в поисках свободных земель. Спекуляция башкирскими землями и обезземеление коренного населения стали приобретать настолько опасный характер, что правительство указом 1818 г. совсем запретило русским помещикам покупку и аренду башкирских земель.

Однако, издавая закон об охране башкирского землевладения, правительство само же и нарушало право башкирской земельной собственности. Так, например, с 1807 г. по 1828 г. по распоряжению правительства все свободные башкирские земли были объявлены „государственными“ и отданы в надел государственным крестьянам.

В Оренбургском уезде таким образом на башкирских землях были заселены русскими крестьянами села: Воздвиженское, Михайловское, Шарлык, Ново-Троицкое, Исаево-Дедово, Ново-Никитино и друг., которые заняли весь северо-западный район этого уезда и положили здесь начало многочисленному и зажиточному населению государственных крестьян губернии, которым на каждую мужскую душу всякого возраста отводилось по 15 десятин земли.

В 1832 году все земли, находившиеся в фактическом владении башкир, были обмежованы и закреплены за башкирскими общинами на вотчинном праве. Продажа и сдача в кортому земель была снова разрешена, но на этот раз обставлена большими формальностями, и могла производиться лишь с разрешения самого начальника края.

Колонизация края продолжалась. Иногда возникало стихийное крестьянское переселение в край из соседних губерний. Так, например, в 20-х годах в Оренбургский край хлынули многочисленные переселенцы из Саратовской и Симбирской губ. Это были крепостные крестьяне, бежавшие от своих господ с целью пробраться на р. Сыр-Дарью, где по крестьянским слухам было много свободных хлебородных земель.

Оренбургский губернатор выставил по всем дорогам уральских и оренбургских казаков, которые и остановили стихийное крестьянское движение.

За первую половину XIX в. прирост населения в Оренбургском крае характеризуется следующими данными.

По пятой ревизии в 1796 г. в крае насчитывалось 374669 душ обоого пола. По шестой ревизии в 1812 г.—526161 душа, т. е. за 16 лет прибыло 151490 душ или по $2\frac{1}{2}$ ‰ в год.

По седьмой ревизии в 1816 г. населения числилось 603000 душ, т. е. за 4 года прибавилось 76839 душ или по $3\frac{3}{4}$ ‰ в год. Такой значительный прирост населения мог произойти только за счет пришлого населения.

По восьмой ревизии в 1834 г. население исчислялось в 845018 душ, т. е. за восемнадцать лет население увеличилось на 42018 душ, а в 1850 г. уже показано 2130037 душ.

Все это население края было размещено в 13 городах, из которых один губернский (Уфа), 11 уездных и 1 заштатный и в 4877 селениях, не считая Оренбургского казачьего войска. Городского населения значилось 58273 души, а сельского—2071764, таким образом горожане составляли всего 2,8‰ сельского населения.

По национальному составу господствующим было русское население, которого насчитывалось 1098737 душ, а инородцев 1031300 душ.

В числе инородцев числилось: башкир 444,221 душа, тептярей—246753, мещеряков—97743, татар—96647, чувашей—58240, черемисов—38567, мордвы—77328, вотяков—18205.

По социальному составу большинство населения принадлежало к крестьянам, которых насчитывалось: государственных крестьян—814437, помещичьих—223139, заводских—110492, удельных—76991 душа и кроме того казенных рабочих при Златоустовских заводах и Илецких промыслах—18596 человек.

Из привилегированных сословий значилось: дворян—9700 человек, купцов, почетных граждан, мещан около 30.000, разночинцев—9676 и духовного сословия всех вероисповеданий около 17000 обоого пола.

Все население края занимало обширную территорию около 35,000 т. десятин земли, из которых под пашнями, сенокосными и степными пастбищами находилось 19,559 тыс. дес.; под строевым и дровяным лесом 10,700 тыс. дес. и 75,000 десятин под усадьбами и выгонами.

Обилие земли и плодородие почвы, не требующей искусственного удобрения и усиленных трудов для ее возделывания, определяли главные занятия населения—земледелие и скотоводство.

Наибольшего процветания земледелие и скотоводство достигли в Оренбургском, Бузулукском, Уфимском, Мензелинском, Троицком и Челябинском уездах, где при обильных урожаях хлеба имелся сбыт его по р. Белой и Каме и на Уральские заводы. Хлеб Оренбургского и Бузулукского уезда находил сбыт для продовольствия местных войск и для снабжения Казакской орды.

По данным 1850 г. у государственных крестьян под посевами хлебов было занято 1.408.948 десятин, у удельных—104.184 дес., у помещиков и крепостных крестьян—650.184 дес., у башкир и мещеряков—678.463 дес., у тептярей и бобылей—349.086 дес. Общий сбор хлеба определялся в 9.600 тыс. четвертей. Для продовольствия населения и посева потребность хлеба исчислялась в 8.359.669 четвертей, а остаток хлеба, который мог поступить в продажу, — в 1.240.331 чет.

Кроме того казачьим населением губернии было собрано 6.141.384 пуда, а годовая потребность определялась в 4.147.046 пудов, а излишек около 2-х мил. пудов.

Таким образом в половине XIX в. благодаря культурному влиянию русского населения, земледелие распространилось и среди инородческого населения. Оренбургский край стал одной из богатейших житниц России и мог выбросить на рынок до 10-ти милл. пудов хлеба.

На ряду с земледелием развивалось скотоводческое хозяйство. По тем же данным за 1850 г. общее количество скота в крае исчислялось в 5.631.462 гол., из которых 2.070.741 гол. лошадей.

Наибольшее количество скота из всех 13 уездов губернии приходилось на Оренбургский уезд, в котором значилось 1.450.773 головы скота. Кроме того казачье население имело 677.775 голов разного скота.

Народонаселение Казакской орды точно установлено не было и по приблизительному подсчету определялось в 400 тыс. душ, у которых имелось 1.850.000 голов скота. Казаки занимались исключительно скотоводством, земледелие было развито слабо и во всей орде засеивалось не более 25 тыс. десятин хлеба.

Развитие в крае земледелия и скотоводства и массовое предложение на местных рынках дешевого хлеба и продуктов животновод-

ства привлекли в край торговый, а за тем и промышленный капиталы, которые положили здесь начало обрабатывающей промышленности.

Мы уже видели, что благодаря ископаемым богатствам края уже в половине XVIII в. здесь открываются сначала горные заводы, а потом заводы по обработке продуктов сельского хозяйства.

Через 100 лет Оренбургский край имел довольно развитую промышленность, которая характеризуется следующими данными:

В горнозаводской промышленности—в 1850 г. работало 13 меднолитейных и чугунных заводов, которые выплавляли 1.842 320 пудов меди и чугуна, и 19 железных заводов с общей выработкой в год 996.177 пудов железа.

В фабричной промышленности было занято 14 суконных фабрик, с общей продукцией на 300 тыс. рублей в год.

Кроме того в губернии работали следующие заводы: мыловаренных 7, с общей производительностью на 16.970 руб. в год; свечных—7—на 25.650 руб.; салотопенных—49 заводов—на 232.550 руб.; клейных—4 на 7.200 руб.; маслособойных—2 на 1.800 руб.; воскобойных—3 на 4.100 руб.; кожевенных 85—на 92.059 руб.; винокуренных 13—на 427.170 руб.; поташных 57—на 209.665 руб.; стеклянных 1—на 1.228 руб.; кирпичных 18—на 5.234 руб.

Общая стоимость продукции всей промышленности губернии оценивалось в 3.260.355 руб.

В губернии работало 39 частных и 30 казенных золотых приисков, на которых было добыто 103 пуда в год.

В Илецкой Защите было добыто 1 мил. каменной соли.

С развитием денежного хозяйства в половине XIX века Оренбургский край был втянут в общий торговый оборот России и начал снабжать потребляющие районы своим хлебом и продуктами животноводства. Он являлся крупным поставщиком шерсти, сала и проч. сырья, которое в огромном количестве доставляли на Оренбургский рынок казаки.

Торговля в крае делилась на внутреннюю и внешнюю; о развитии внешней торговли нами подробно сказано в предыдущей главе.

Внутренняя торговля носила ярмарочный характер и число ярмарок в губернии насчитывалось 149. Обороты ярмарочной торговли в городах средним числом достигали: привоз в 3.600.000 руб., продажа—в 1.800 тыс. рублей в год; на сельских ярмарках привоз до 1 500.000 рублей, продажа до 600 тыс. рублей серебром.

Отдаленность Оренбургского края от потребляющих центров России и отсутствие внутренних путей сообщения тормозили развитие народного хозяйства, которое, как мы увидим впоследствии, освободившись от этих сковывающих его пут, дало огромный рост в начале XX века и по праву заняло почетное место в общей экономике страны.

Внутреннее со-

стояние Орен-

бургского края

в XIX в.

Составляя юго-восточную окраину России, Оренбургский край лежал в стороне от политической жизни центра страны. Слабая населенность, отсутствие ж. д. и водных путей сообщения—определяли полный застой политической и общественной жизни края, который составлял глухую провинцию, живущую местными интересами. Освободительное движение крестьян, распространившееся в центре России, не имело здесь той остроты, с какою оно проявлялось в 50 г. XIX в. во внутренних губерниях. Отличительной особенностью Оренбургского края являлось то обстоятельство, что здесь не было на лицо аграрного перенаселения, а большинство крестьянства принадлежало к сословию государственных и удельных крестьян, свободных от крепостной зависимости. Государственные и удельные крестьяне составляли основную массу населения в 900.000 душ обоого пола. Эта почти миллионная крестьянская масса, хотя и чувствовала на своей спине гнет полицейской власти, но была свободна от крепостного труда, что ставило ее в более благоприятные условия, чем крестьянство центральных губерний.

Занимая привольные и плодородные земли, крестьяне здесь обладали значительным достатком. Размер денежной и натуральной повинности был не велик и особенно не обременял крестьянского хозяйства. Так, государственные крестьяне в общей сложности платили податей до 5 руб. с ревизской души, а удельные по 3 рубля в год. По свидетельству современных исследователей, крестьянство Оренбургского края „славилось своей зажиточностью“, причем в этом отношении на первом месте стояли крестьяне Челябинского уезда.

Крепостные помещичьи и заводские крестьяне составляли вторую по величине группу населения, около 330 тыс. душ.

Большинство помещиков, владевших массой этих крестьян, принадлежали к классу мелкопоместных дворян. Около половины из них владели не свыше, как десятью душами крепостных. Помещиков, владевших от 10 до 100 душ крепостных, было 1216 человек; от 100

до 200 душ—111, от 200 до 500 душ—74; свыше 500—27; свыше 1000—12; свыше 2 тыс.—6; свыше 5 тыс.—1 помещик.

По числу крепостных крестьян Оренбургский край, несмотря на его обширность, из 45 крепостных губерний занимал лишь 36 место.

Крепостные помещичьи крестьяне были обязаны своим помещикам 3-х дневной барщиной. Лишь незначительная часть крепостных крестьян состояла на оброке и на издельной оплате. Последний вид эксплуатации крепостного труда применялся исключительно на горных заводах.

Крепостные заводские крестьяне разделялись на частновладельческих и казенных крестьян. На частных заводах крестьяне получали плату сдельно и содержались на свой счет, если только не владели при заводах землей и угольями, или снабжались продовольствием из провиантских магазинов своих господ в счет заработной платы.

Заводские казенные крестьяне находились в ведении горного начальства и состояли на правах военно-служащих. Они получали натурой провиант и сдельную заработанную плату.

Обращаясь к статистике хозяйства свободных и крепостных крестьян, мы видим, что по основной отрасли сельского хозяйства—земледелию крепостные крестьяне не только не стояли ниже государственных крестьян, но даже их превосходили. Так сбор хлеба за 1850 г. у государственных крестьян определялся по $4\frac{1}{4}$ четвертей на каждую душу населения, а у крепостных помещичьих и у удельных крестьян—по $4\frac{1}{2}$ четверти на каждую душу населения.

Тем не менее крепостные крестьяне не были довольны своим положением, чрезвычайно тяготились барщиной и искали средств, чтобы освободиться от крепостной зависимости, о чем свидетельствуют многочисленные эксцессы и целый ряд бунтов, как среди помещичьих, так и среди заводских крестьян Оренбургского края.

Что касается государственных крестьян, то последние были настроены чрезвычайно консервативно и боялись лишь одного, чтоб каким нибудь образом не подпасть под барщину, почему недоверчиво относились ко всякому административному новшеству и с чрезвычайным рвением оберегали свой социальный и хозяйственный строй.

Башкиры, как нам уже известно, наравне с казаками составляли военное сословие и находились под гнетом военно-полицейского режима, который оставил глубокие следы как на развитии хозяйства, так и в психике этого народа.

„Башкиры, народ в начале дикий и необузданный,—говорит Черемшанский,—привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собою никакой власти, одним словом—народ буйный и своевольный, в настоящее время представляет народ мирный, терпеливый и покорный, не имеющий того уже строптивого духа“.

Конечно, трудно было сохранить башкирам „строптивый дух“ при палочном режиме Николаевской эпохи, когда на каждые 5 башкир приходился один чиновник, стоявший с палкой. Башкиры сгибались под бременем военщины, которая подчинила себе как хозяйственную, так и общественную жизнь страны.

В крае была введена суровая военная дисциплина. Все население Башкирии подлежало военному суду. На ряду с военной службой мужское население Башкирии привлекалось на казенные работы по постройке степных укреплений, по перевозкам военных грузов, рубке и сплаву леса; башкиры строили казармы и дворцы оренбургским губернаторам, настилали мосты и гати. И все это делалось ими за собственный счет. Конный башкир вместе с лошастью за казенные работы получал по 5 коп., а пеший — по 2 коп. в сутки. Только за 1850 год по нарядам губернатора башкиры поставили 30 тыс. рабочих и 311,013 лошадей на казенные работы. Во время же Хивинского похода генерала Перовского в 1839 - 40 г. они поставили 7000 пароконных полвод, которые все погибли в степи.

Столь тяжелые натуральные повинности и военная служба довели башкирский народ до крайней нищеты и духовной забитости.

Почти в таком же состоянии находилось и население казачьих войск.

Не смотря на значительные участки земли, которыми владело казачество, эти земли не могли быть обработаны населением, которое все время отрывалось от домашнего хозяйства служебными нарядами. У казаков часто не хватало хлеба для личного прокормления, в особенности у одиноких, почему в период 1835-37 г. были учреждены в станицах общественные хлебные запасы на случай недорода.

Эта полезная мера была проведена в порядке приказа, без всякого разъяснения населению о ее назначении. Некоторые станицы приняла общественные магазины, как начала барщины, и забунтовали. На место бунта, как, например, в ст. Чернореченскую, выехал сам генерал Перовский с войском и восстание было подавлено в самом начале; главари прогнаны сквозь строй.

В 1837 г. по причине введения таких же общественных магазинов начались бунты в Башкирии. Мусульманские муллы стали распространять в народе слухи, что правительство под видом магазинов намерено построить церкви и обратить мусульман в христианство.

В том же 1837 г. произошел бунт среди уральских казаков, недовольных изменением внутренних порядков.

Таким образом административные мероприятия правительства, обычно проводимые без разъяснительной кампании, встречали решительное противодействие как среди русского, так и среди туземного населения края. Это обстоятельство объясняется тем, что администрация края была чрезвычайно плоха и не пользовалась среди населения доверием. Чиновники были взяточники и казнокрады и всячески злоупотребляли своим служебным положением. Достаточно сказать, что в течение 1836 - 37 г. генерал Перовский отдал под суд 120 чиновников, изобличенных в разных преступлениях по службе.

Кроме того нужно принять во внимание, что край постоянно наполнялся пришлым бродяжническим элементом, который распространял среди населения иногда самые нелепые слухи, волновавшие население.

История сохранила нам не мало примеров того, что благодаря слухам то в одном, то в другом месте вспыхивали крестьянские бунты, которые иногда не имели другой почвы под собою.

Наиболее примечательные крестьянские бунты происходили в 1840 г. на почве нежелания крестьян перечислиться в войсковое казачье сословие и в 1843 г., когда произошел известный „картофельный“ бунт крестьян Челябинского уезда, возникший на почве нелепых слухов об обращении государственных крестьян в крепостное состояние.

Причиной восстания крестьян в 1843 г. послужили административные мероприятия правительства, направленные к улучшению крестьянского хозяйства и возникшие на этой почве слухи о барщине.

Оренбургская Палата Государственных Имуществ, в ведении которой находились государственные крестьяне, в 1843 г. разослала по волостям образцы хлебных семян и холста, вытканного на широких бердах, рекомендуя эти образцы распространить среди крестьянства, в целях улучшения хозяйства. Вместе с тем волостям было предложено обязательно завести хлебные магазины и ввести посевы картофеля, с которым население еще не было знакомо.

В связи с распоряжением Палаты, среди крестьянства распространился слух, что государь проиграл их в карты министру государственных имуществ и что требование Палаты о заведении хлебных магазинов и о посеве картофеля и проч. исходит от **нового барина**.

Среди крестьян стали распространяться „копии“ с указа о введении барщины. В этих „копиях“ говорилось, что отныне крестьяне отдаются во владение помещику, почему и должны сеять хлеб, жать, молотить и доставлять в магазины барина; платить ему оброк по 100 руб. в год с души, половину скота и половину птицы; крестьянки должны прясть из своей кудели и ткать для барина холст на широких бердах. Кто этого не исполнит, тот будет наказан плетью и сослан в Сибирь.

Автором „копии“ указа был крестьянин Воскресенской волости Варушкин; раз'езжая по деревням, он распространял свои „копии“, уверяя, что сам видел указ написанный **золотыми буквами и с золотой печатью**, который прислан в волостное правление.

Крестьяне заволновались; они собрались большой толпой в Воскресенской слободе и потребовали у волостного писаря указ „о поверстании их под барина“. Когда же писарь сказал, что такого указа нет, то они подвергли его пыткам, и, не добившись ничего, перервали все бумаги в волостном правлении.

Кто-то пустил слух, что указ хранится в церкви „под престолом“. Толпа бросилась к священнику. Последний пытался уговорить толпу. Ему не поверили и открыли церковь. Однако суеверный страх перед „престолом божьим“ и заклинания священника остановили толпу.

Из Воскресенской вол. волнение крестьян распространилось на ближайшие Белоярскую, Чумлякскую, Окуневскую и Кислянскую волости Челябинского уезда. Крестьяне всюду искали указ „с золотыми буквами“ и избивали представителей волостной и уездной власти и священников, обвиняя их в скрывании этого указа.

10-го апреля в район восстания прибыл управляющий Оренбургской Палатой полковник Львов с уездными исправником и окружным начальником, в сопровождении двух с половиной сотен башкир.

В с. Каменном между башкирами и крестьянами произошло целое сражение, в котором башкиры были разбиты и рассеяны. Крестьяне схватили исправника Де-Граве, раздели его до-нога, по-

садили верхом на шелудивую кобылу и погнали по селу с криком: „не продавай мира, делай правду!“

Крестьянский террор охватывал все новые и новые волости. По-всюду волостные писаря, старшины, священники спасались бегством в Челябинск. Против восставших крестьян выступил в поход сам военный губернатор Обручев. С Оренбургской линии против них же был послан наказный атаман граф Цукато с оренбургскими казаками, который выступил из г. Троицка.

Крестьяне, собравшись огромной толпой, вооруженной чем попало, решили дать отпор правительственным войскам. Столкновение произошло в с. Каменном и в деревне Гагарьей Таловской волости.

После бесплодных переговоров с толпой генерал Обручев приказал открыть огонь из пушек „холостыми зарядами“, но это произвело такое впечатление на крестьян, что они дрогнули и бросились в рассыпную. Началось избиение крестьян нагайками. Более 600 человек крестьян было предано военному суду и заключено по тюрьмам, многие из них, исполсованные нагайками, не дожили до суда. Крестьяне были „помилованы“ государем, а вожаки восстания по наказанию кнутом были сосланы в каторжные работы.

На той же почве недоразумения по поводу правительственных распоряжений произошел бунт уральских казаков в 1874—75 г. Изданием закона о всеобщей военной повинности, который коснулся и казачьих войск, военная служба стала личной повинностью каждого гражданина. Такой порядок в корне нарушал установившийся в войске обычай „наемки“, который позволял состоятельным казакам нанимать вместо себя на службу бедняков.

Этот закон прежде всего ударил по состоятельным классам войска, которые уже больше не могли откупаться от службы. Старобрядческое духовенство, недовольное этим нововведением, начало агитировать, что принятие „нового закона“ есть не что иное как принятие „новой веры“. Возмущенное население отказалось принять „новый закон“. Против уральцев были посланы регулярные войска, подвергшие непокорных жестокой экзекуции. Упорных казаков, отказавшихся принять „новый закон“, оказалось около 5000 человек. Все они, вместе со своими семьями, были выселены на Сыр-Дарью и Аму-Дарью, где они основали свои колонии, существующие до сих пор.

Все крестьянские и инородческие бунты, происходившие в Оренбургском крае на протяжении XIX в. по преимуществу имели ме-

ственный характер. Правительство, учитывая национальную и сословную рознь населения Оренбургского края, легко подавляло возникающие беспорядки, посылая против крестьян башкир и казаков, а против башкир и казаков регулярные войска. Так например, в 1807 г. башкиры умирляли уральских казаков, а в 1837 г. уральские казаки умирляли башкир и т. д.

Раздел Оренбургской губ. В 1850 г. из состава Оренбургской губ. были выделены г. Самара и уезды: Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский, которые вошли в состав в 1865 г. г. и вновь образованной Самарской губернии. Оренбургский военный губернатор был переименован в Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, в ведении которого по прежнему сосредотачивалось все управление Оренбургского края, а резиденция оставалась в г. Оренбурге.

В 1865 г. последовал новый раздел Оренбургской губернии. из состава которой была выделена вновь образованная Уфимская губерния. К Оренбургской губернии отошли пять уездов: Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский, все остальные уезды вошли в состав Уфимской губ.

Башкиро-Мещерякское войско и военно-кантонная система управления были упразднены; башкирский народ получил волостное устройство и был подчинен ведению гражданского управления губернии.

Одновременно с этим было преобразовано управление Казакской ордой в „Область киргиз Оренбургского ведомства“, которая была выделена из состава Оренбургской губ. и получила самостоятельное управление на правах губернии.

С отменой крепостного права для Оренбургского края открылся новый период колонизации. Бывшие крепостные крестьяне центральной России, получившие ничтожные земельные наделы и обремененные тяжелыми выкупными платежами, устремились в Оренбургский край, где еще много было свободных земель.

В 70-х годах, с постройкой жел. дороги Самара-Оренбург, переселенческий поток быстро увеличился. На этот раз правительство само было заинтересовано в том, чтоб увеличить земледельческое население края и пришло на помощь переселенцам, установив льготный тариф для проезда по жел. дороге.

По проекту генерал-губернатора Крыжановского правительство приступило к раздаче „пустопорожних“ башкирских земель русскому населению, но земли стали раздавать не крестьянам переселенцам, а чиновникам и офицерам, которые должны были привлечь крестьян в качестве арендаторов своих земель.

„Свободные“ казенные и башкирские земли были разбиты на участки в 150—500 и 1000 десятин, которые стали продавать чиновникам и офицерам по льготным ценам или давать даром, в виде пенсии за службу.

Осуществляя эту меру правительство полагало создать в лице новых владельцев земли помещичий класс, который завел бы в крае усовершенствованный способ обработки земли. Но правительство не достигло своей цели. Под флагом раздачи „свободных“ земель на самом деле произошло расхищение башкирских и казачьих земель. Участки земли стали получать все без изъятия должностные лица края, начиная от генерал-губернатора, получившего 6 тыс. десятин, и кончая повивальной бабкой. К расхищению земли примкнули петербургские чиновники, смотревшие сквозь пальцы на вопиющую земельную вакханалию, которая разыгралась при попустительстве генерала Крыжановского.

Чтоб судить о колоссальной наживе хищников земель, достаточно сказать, что банки под залог „купленных“ у казны участков земли, выдавали ссуду в 10 раз превышающие те суммы, за которые были куплены участки в рассрочку на 37 лет.

В период 1876 по 1880 г. таким образом были расхищены казенные земли Оренбургской губ. до 80 тыс. десятин и до 400 тыс. дес казачьих земель.

Одновременно с расхищением казенных земель началась бешеная скупка земель у башкир вотчинников. Помещики и капиталисты скупали тысячи и десятки тысяч десятин по 9—16 коп. за десятину и фунт чая.

Наконец расхищение земель в Оренбургском крае обратило на себя внимание правительства. В марте 1881 г. в Оренбургский край был командирован сенатор Ковалевский, который произвел ревизию и прекратил земельную панаму. Льготная продажа земель была прекращена, но все расхищенные земли остались закрепленными за их новыми владельцами.

Во избежание дальнейшей хищнической скупки казенных и башкирских земель спекулянтами, был издан циркуляр министра

Государственных Имуществ, по которому было разрешено сдавать свободные земли в аренду крестьянам с торгов, производимых на волостных и сельских сходах, для чего эти земли были разбиты на мелкие участки.

Офицеры и чиновники, приобретшие в собственность участки казенной земли, не поселились на них и культурных хозяйств не завели, а перепродали их скупщикам. На спекуляции казенными землями нажилось много посредников, пока эти земли по вздутым ценам, действительно, не перешли к трудовому крестьянству в частные владения или на правах аренды.

С учреждением Крестьянского Поземельного Банка для крестьян были созданы более благоприятные условия для приобретения земель. Крестьяне—переселенцы, продав на родине, в центральной и южной России, свои маленькие земельные наделы, за сравнительно не дорогую цену—получали возможность приобрести в Оренбургском крае наделы до 10-ти десятин на душу, с рассрочкой платежа на долгий срок. Таким путем за крестьянами быстро закрепилось большое число арендованных участков у местных помещиков.

Революция 1905 г. еще более содействовала ликвидации помещичьих владений в Оренбургской губ., так многие владельцы, сдавшие земельные участки в аренду крестьянам, поспешили их продать, из боязни принудительного отчуждения.

После раздела Оренбургской губ. в 1850—1865 г., Оренбургский край продолжал существовать, как Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство, и генерал Крыжановский был его последним генерал-губернатором. В состав генерал-губернаторства входили все три образовавшиеся губернии—Оренбургская, Самарская, и Уфимская, Оренбургское и Уральское казачьи войска. В первой половине XIX века такая централизация власти в крае обуславливалась политической необходимостью, поскольку правительство вело колонизаторскую политику на Востоке, распространяя свои завоевания на Средне-Азиатские страны. Для завоевания ханств—Коканда, Бухары и Хивы требовалось полное напряжение всех сил и средств Оренбургского края. После завоевания Туркестана и образования Туркестанского генерал-губернаторства дальнейшее существование Оренбургского генерал-губернаторства уже не оправдывалось необходимостью. В результате ревизии 1881 г. генерал Крыжановский был отставлен от должности, и Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено. На этом и завершилось существование Оренбургского края, как областного управления юго-восточной окраины—России.

Г Л А В А VIII-я.

Оренбургская губерния после раздела 1865 г.—Развитие капитализма в конце XIX в. и в начале XX в.—Оренбургское казачье войско.—Заключение.

Оренбургская губерния в пределах 1865 г. занимала территорию общую площадью до 168,491 кв. версты, имея границы на севере—с Пермской, на западе—с Уфимской и Самарской губ., на юге—с Уральской и Тургайской областями и на востоке—с Тобольской губернией. По своей обширности она уступала только Архангельской, Астраханской, Вологодской и Пермской губерниям России.

Народонаселение губернии после раздела в 1865 г. исчислялось в 843,533 души обоего пола. Но в 1912 г. в ней уже насчитывалось 2,231,826. душ обоего пола.

По национальному составу население распределялось следующим образом: русских—1,043,273 (в том числе 509,908 казаков Оренбургского войска); инородцев: башкир—315,275, тептярей—42,434 и других национальностей—11,582.

Главными промыслами сельского населения по прежнему оставались земледелие и скотоводство.

Темп развития сельско-хозяйственной жизни в Оренбургской губ., как и приток колонистов в XIX в., находились в тесной зависимости от развития жел. дорожного сообщения в крае. Проведение жел. дор. Оренбург—Самара в 1877 г. приобщило Оренбургский край к Поволжью и Центральной России и таким образом ускорило развитие производительных сил. Благодаря жел. дороге, продукты сельского хозяйства и животноводства губернии получили более дешевый выход как на внутренние, так и на внешние рынки России. Насколько велико было значение жел. дороги, видно из того, что в первые пять лет после ее сооружения, из пределов губернии было вывезено до 40 мил. пудов хлеба, из которого 75% приходилось на долю пшеницы. Предложение хлеба было настолько велико, что жел. дорога не могла справиться с его перевозками.

Еще более повысился сбыт хлеба с открытием Ташк. ж. дор. в 1904 г., когда Оренбургская губ. стала поставщиком хлеба в Среднюю Азию.

Спрос на хлеб вызвал усиленные запашки и мощно двинул вперед сельское хозяйство

Среди других губерний Приуралья (Вятской, Пермской и Уфимской) Оренбургская губ. быстро заняла первое место по сбору наиболее ценных хлебных культур—пшеницы, средний сбор которой за пятилетку 1905 — 1909 г.г. определялся в 48,895 тыс. пудов в год, тогда как в Вятской губ. собиралось за этот период всего 1,424 тыс. пудов, в Пермской 31,112 тыс. пудов, а в Уфимской 9,847 тыс. пуд. в год. Остаток хлеба от продовольствия, за вычетом семян, который мог поступить в продажу, исчислялся в губернии за 1910 год в 46,555 тыс. пудов, т.е. по 22,5 пуда на каждую душу населения.

Оренбургская губ. сделалась поставщиком не только для промышленных центров внутренней России, но и для экспорта высоко-сортных хлебных культур за границу. В 1909 г. из Оренбурга было вывезено хлеба за границу через порты: Ригу, Виндаву, Ревель, Либаву, Новый порт и порты Черного моря 5,706 тыс. пудов и на рынки внутреннего потребления 7,189 тыс. пудов *).

Наличность огромных свободных пространств для сенокосов и пастбищ способствовали развитию в губернии скотоводства. В 1910 году в губернии насчитывалось следующее количество скота: лошадей 944,396, крупного рог. скота — 1,142,802 головы, овец и коз — 1,467,027, свиней—121,513, что составляло около 200 голов на каждые 100 душ населения и почти вдвое превышало состояние скотоводства других губерний в Приуралье.

Удовлетворяя с излишком продуктами животноводства местное потребление, Оренбургская губерния вывозила их в большом количестве в потребляющие районы. Вывоз из губернии продуктов животноводства в 1909 году дал следующие цифры: вывезено крупного рогатого скота 72 тыс. голов, мелкого 800 голов, мяса 405 тыс. пуд., конины—205,3 тыс. пудов, овчины — 478 тыс. штук, шерсти — 553,7 тыс. пудов, конского волоса—4,8 тыс. пудов, сала—266,8 тыс. пуд.

В общем продукция сельского хозяйства возрастала следующим образом: в 1900 г. общая стоимость этой продукции расценивалась

*) Цифровые данные, с разрешения автора, заимствованы из неизданного труда Граммакова: „Промышленное развитие Оренбургской губернии“.

в 29,161,597 руб., в 1904 г.—в 40,493,140 руб., в 1912 г.—47,206,292 руб., т.е. возрасла на 162% против 1900 г. *).

Массовое предложение хлеба, скота и продуктов животноводства не только оказало влияние на образование внутренних рынков в крае, но и породило производство по их обработке. На базе предложения сельско-хозяйственного сырья развивалась местная промышленность.

По данным 1869 г., когда Оренбургская губ. только что получила свое оформление в дореволюционных границах, мы уже имеем зачатки той промышленности, которая в период с 1903 по 1913 год приобрела весьма быстрый темп развития. Общая стоимость продукции в 1869 г. достигала до 2,800 тыс. рублей. Впереди шли виды промышленности, занятые обработкой сельско-хозяйственного сырья: винокуренные заводы—1,239 тыс. руб., салотопенные—348 тыс. руб., кожевенные—304 тыс. руб., железо-делательные—242 тыс. руб., бойни—198 тыс. руб., водочные—152 тыс. руб. и друг.

При чем Оренбургский уезд с г. Оренбургом стояли не только в центре этой промышленности, но на их долю падало 50% выработки всей продукции.

Постройка в губернии жел. дорог оказала на развитие промышленности такое же влияние, как и на развитие сельского хозяйства. В 1900 году общая стоимость обрабатывающей промышленности расценивалась в 8,645 тыс. руб., в 1904 г.—10,842 тыс. руб., а в 1912 г.—15,124 тыс. рублей, т.е. за 12 лет промышленность возрасла на 175% **).

Наиболее интенсивный рост при этом обнаружила мукомольная промышленность, занявшая в губернии первое место: в 1900 году она производила продукции на 3,934 тыс. руб., в 1904 г.—на 6,654 тыс. руб., в 1912 г.—на 9,201 тыс. руб. ***).

Влияние жел. дорожного транспорта на развитие сельского хозяйства и промышленности было так велико, что за первое 20-тилетие его существования, с 1878 по 1900 год стоимость сельско-хозяйственной продукции возрасла на 346%, а промышленной — на 370%.

Общее состояние промышленности за 1912 год представляется в следующем виде: в пищевой промышленности работало 65 заводов, с продукцией на 20,719 тыс. руб.; в лесопильной — пять заводов с

*, **, ***) Данные заимствованы из того же труда Граммакова.

производительностью на 1,446,123 руб., в кожевенной—десять заводов на 984,959 руб., металлообрабатывающей—три завода на 229,414 руб., полиграфической—семь на 180,029 р., кирпичной—172,591 руб. Всего в губернии работало 97 заводов, на которых было занято 4,346 рабочих; годовая продукция этих заводов дала 23,600,353 руб.

Несколько замедленным темпом развивалась в губернии горно-заводская промышленность. После раздела Оренбургской губернии в 1865 г. к ней отошли чугуноплавильные и железоделательные заводы: Белорецкий, Тирлянский, Верхне-Авзяно-Петровский, Нижне-Авзяно-Петровский, Узьянский, Инзерский, Зигзанский и Кагинский, и медноплавильные заводы Кананикольский и Преображенский.

В 1881 г. на этих заводах было выплавлено 1,057 тыс. пудов чугуна и выделано 532 тыс. пудов железа, что составляло 4% всей добычи России. Кроме того, было добыто 250 тыс. пуд хромистого железняка, который составлял предмет экспорта за границу, преимущественно в Англию.

Затем большинство заводов остановилось, как вследствие отдаленности рынков сбыта, так и недостатка топлива, в виду истребления лесов по близости заводов.

В 1912 г. на горных заводах Оренбургской губ. было добыто железной руды 7,332 тыс. пудов, выплавлено чугуна 3,306 тыс. пуд., изготовлено стали — 2,568 тыс. пудов, железа сортового — 1,986 тыс. пудов, хромистого железняка—131,150 пуд., меди—233,597 пуд.

Добыто Илецкой соли—2,947,984 пуда.

Добыча золота производилась на 190 приисках, при чем было добыто 174 пуда 13 фун. 44 зол.

Среди торгово-промышленных центров Оренбургской губ. первое место занимал губернский город Оренбург, который в то же время являлся главным центром административной, политической, общественной и культурно-просветительной жизни края.

Важнейшим моментом в истории гор. Оренбурга, как уже нами отмечено, было проведение жел. дороги Самара-Оренбург. Влияние этой дороги сильно сказалось на оборотах ярмарочной торговли Оренбургского менового двора.

С проведением Закаспийской железной дороги в 1865 г., связавшей Среднюю Азию с Каспийским морем, торговое значение Оренбурга упало, так как средне-азиатские товары получили более удобный и дешевый путь по ж. д., чем караванная дорога на Оренбург.

С открытием Ташкентской ж. д. в 1904 году Оренбургский край получил выход на средне-азиатские рынки и это событие ознаменовало новый этап в развитии экономической жизни г. Оренбурга.

Оренбург стал экономическим центром, к которому стали стягиваться сырьевые продукты края, и базой для снабжения края фабричными товарами. Это обстоятельство сильно сказалось на оборотах ярмарочной торговли на меновом дворе. Если с проведением железной дороги Самара-Оренбург обороты менового двора поднялись в один год с 1,735 тыс. руб. до 6,831 тыс. руб., то после проведения Ташкентской ж. д. они в 1912 г. уже достигли 16,233,439 рублей.

Оренбург являлся главным центром мукомольной, кожевенной, бойной, салотопенной, лесной и маслобойной промышленности и главным хлебным и скотным рынком края.

По сведениям Оренбургского биржевого комитета на Оренбургский рынок в 1909—1912 г. ежегодно подвозилось от 13 до 17 мил. пудов зерна, которое почти целиком перерабатывалось на местных мельницах.

Как важнейший рынок скота и продуктов животноводства, Оренбург можно охарактеризовать оборотом менового двора в 1913 г., где было закуплено: шерсти верблюжьей—203700 пуд. на сумму 1899400 рублей, джебаги—163100 пуд.—на 844380 руб., рогатого скота—48915 голов—на 3196025 р., баранов—152248 штук—на 1610395 р., лошадей 15708 гол.—на 1059665 р., верблюдов—1085—на 82125 р., кож разных—707433 штуки—на 3899745 руб., овчин бараньих—1354763 шт.—на 1548690 р., мерлушек—365300 шт.—на 267401 р., мерлушек козлиных—678841 шт.—на 644010 руб., лис—10074—на 56250 руб., хлопка—2240 пуд.—на 21795 руб., пуху козьего—4015 пуд.—на 54070 руб., хвостов и грив—12660 пуд. на 339910 руб., кошем—12490 аршин на 18735 руб., а всего на сумму 16.609.018 рублей.

Оренбург является историческим городом, игравшим роль посредника не только в торговых, но и в политических сношениях с средне-азиатскими ханами, как резиденция Оренбургского генерал-губернатора. В Оренбурге принимались дипломатические посольства, прибывшие в Россию из Бухары, Хивы и Коканда; отсюда отправлялись на Восток русские дипломатические миссии и русские военные и научные экспедиции для завоевательных и научно-исследовательских целей.

Как культурно-просветительный центр, город Оренбург являлся средоточием учебных заведений края. В нем были сосредоточены

гражданские и военные средне-учебные заведения: два кадетских корпуса, казачье военное училище, мужская и женская гимназии, реальное училище, учительский институт, киргизское училище, женский институт, духовная семинария, женское епархиальное училище и ряд других учебных заведений.

Состояние Оренбургского казачьего войска в начале XX в. После раздела Оренбургской губ. в 1865 г. Оренбургское войско было включено в состав Оренбургской губернии и подчинено Оренбургскому губернатору, который в то же время был назначен наказным атаманом войска. Управление войском в военном отношении осуществлялось через Войсковой Штаб, а в хозяйственном—через Войсковое Хозяйственное Правление.

В военно-административном отношении войско разделялось на три военных отдела, во главе которых были поставлены атаманы отделов, назначаемые из штаб-офицеров.

Низовой административный аппарат состоял из станичных правлений и по-прежнему избирался самим населением.

В гражданском отношении казачье население было подчинено обще-губернским гражданским властям. Таким образом атаманы отделов и уездный исправник, атаманы станицы и полицейский урядник являлись начальниками войскового сословия. Это двоеначалие продолжалось до 1891 г., когда в казачьих войсках было введено положение „Об общественном управлении станиц казачьих войск“. Положение 1891 г. избавило войсковое население от полицейской опеки исправников и приставов, но зато подчинило их опеке военной бюрократии в лице чиновников и офицеров войска.

Только в пределах станичного управления было оставлено старое казачье самоуправление и выборность должностей, тогда как все высшее управление войска, начиная с управления военных отделов, назначалось свыше.

В 1874 г. с введением устава о всеобщей воинской повинности срок военной службы для казаков был определен в 20 лет, из которого они 3 года числились в приговорительном разряде, 12 лет—в строевом отряде и 5 лет—в запасе.

В военное время войско было обязано выставить за свой счет 18 конных полков, 30 конных сотен, 8 конно-артиллерийских батарей и одну запасную сотню, общей численностью до 24 тыс. всадников. Это последнее положение с незначительными изменениями просуществовало до империалистической войны 1914—1917 г.г.

В 1871 г. кордонная служба на пограничной линии была упразднена и эту дату можно считать исторической, так как ею закончилась почти полутора-вековая миссия Оренбургского казачества, стоящего на страже юго-восточных границ империи.

С упразднением пограничной службы возник вопрос и об упразднении Оренбургского казачества, как такового; однако правительство не решилось на эту меру, так как казачество представляло собою довольно внушительную военную силу, содержание которой в мирное время ничего не стоило государству. Казачество осталось по-прежнему военным сословием, обязанным отбывать военную службу на коне, снаряжаясь за собственный счет. Правительство позаботилось о сохранении в войске старых казачьих боевых традиций, установившихся среди населения в эпоху борьбы с кочевниками, и военной системой воспитания со школьной скамьи поддерживало в войске традиционную дисциплину. Рядом правительственных актов за казачеством была закреплена „на вечное владение“ занимаемая им территория земли, как „наследие дедов и отцов“. Правительство внедряло среди казачества сознание необходимости защищать основы того государственного строя, который так заботливо оберегал их казачьи привилегии.

Воспитанное на этих началах и организованное по военному казачество до последнего времени сохранило свой сословный дух и в руках самодержавия представляло собой послушную военную силу для борьбы не только с „внешним“, но и с „внутренним“ врагом, что неминуемо привело казаков к кровавому столкновению с революционным движением рабочего класса и крестьянства.

После революции 1905 г. политическое значение казачества в глазах царского правительства необычайно возросло, так как оно видело в нем „опору трона“. С этого момента казачьи войска становятся предметом особого попечения. Правительство предприняло ряд мер к поддержанию казачьих хозяйств и к облегчению материальных затрат при сборе казаков на службу и начало борьбу с пролетаризацией казачьей станицы. Особым манифестом царя в 1907 году за казачьими войсками были закреплены „на вечное владение“ занимаемые ими территории. Особые пособия, выдаваемые правительством казакам при снаряжении на службу, и ряд мер по кредитованию казачьих хозяйств дали толчок к развитию благосостояния казачьих хозяйств.

В развитии хозяйственной жизни казачьего населения в последний период перед империалистической войной наблюдается большой подъем, вызванный отчасти мерами правительства, а главным образом постройкой жел. дорог в губернии, которые обеспечили дешевый и удобный выход хлеба и продуктов животноводства из пределов края. В этом отношении сыграли огромную роль Ташкентская и Сибирская жел. дороги.

Чтоб охарактеризовать экономическую жизнь Оренбургского казачества приводим здесь некоторые статистические данные о его хозяйственном положении за 1914 г.

При народонаселении 517 тыс. душ обоего пола войско обладало 7448000 десятин. В наделах станичных обществ находилось 6103000 десятин; в наделах офицеров и чиновников—506000 десятин; запасных войсковых земель—370000 дес.; земли специального назначения—10226 дес.; под лесами—439383 дес. и прочих земель—18186 дес. Неудобной земли считалось 410350 дес.; лугов 271406 дес.

На каждую мужскую душу населения приходилось удобной земли—22 дес., леса 2,1 дес., средне-удобной—2,1 дес., а всего—26,5 десятин.

Главными занятиями населения были: земледелие и скотоводство. В 1914 г. войсковым населением было засеяно 850751 дес. земли, с которых было собрано 3571190 четвертей хлеба, т.-е. по 5,7 четвертей на каждую душу населения. Избыток хлеба, который мог поступить в продажу, исчислялся в 1683053 четверти, т.-е. по 2,7 четверти на каждую душу населения.

Пре средне-справочных ценах на хлеб: пшеница—64 коп., овес и рожь по 50 коп. за пуд, от продажи этого хлеба могло быть выручено 6762923 руб., т.-е. по 12 рублей 49 коп. на каждую душу населения.

Кроме того было собрано овощей 449491 четверть, т.-е. по 0,7 четверти на каждую душу населения.

На 1-е января 1915 года у казачьего населения состояло скота лошадей—286094, верблюдов—1966, коров—382637, овец и коз—539124, свиней—28936, а всего 1239457 голов, т.-е. на каждые 100 душ населения обоего пола приходилось 197 голов скота.

Из подсобных промыслов сельского хозяйства наиболее крупными доходами населения было маслоделие. В 1914 г. в войске было выработано 60164 пуда масла, проданного на сумму 791743 руб.

Кроме того от садоводства получено 5953 руб., от пчеловодства—27700 руб. и от рыболовства—87539 рублей.

В войске существовало 824 промышленных заведения, общая продукция которых исчислялась в 4421495 руб.

Из кустарных промыслов наиболее крупным являлось пуховое производство, давшее войску 457293 руб. валового дохода.

Годовой оборот торговли на территории войска составлял 3533986 рублей.

Из приведенных нами статистических данных усматривается, что доход войскового населения был не особенно высок, несмотря на огромные хозяйственные ресурсы, которые находились в его распоряжении. Это явление объясняется главным образом низкими ценами на продукты сельского хозяйства, которые обуславливались дальними расстояниями от потребляющих рынков и отсутствием промышленных центров и многолюдных городов.

Долгое время большим тормозом в развитии сельского хозяйства у войскового сословия являлось отсутствие дешевого кредита, что создавало весьма благоприятные условия для процветания кулачества, эксплуатирующего казачью бедноту. Только в последние годы перед империалистической войной в войске развились кредитные товарищества, давшие могучий рост. К 1 января 1915 г. среди войскового сословия функционировало 121 кредитное товарищество, охватившее 71,8% всех казачьих дворов и сделавшее годовой оборот 4177650 руб.

При сравнительно небольшом уровне доходности хозяйства, каждый казак по достижении строевого возраста был обязан затратить 250-300 рублей на приобретение строевого коня, обмундирования и снаряжения. Кроме того войсковое население отбывало значительные денежные и натуральные общественные повинности, которые в общей сложности исчислялись до 50 руб. на каждую душу мужского населения в возрасте от 17-55 лет в год. Таким образом казачество несло перед государством за обладание своими землями весьма значительную повинность, как в виде военной службы, в виде денежной и натуральной повинности, которые поглощали весьма значительную долю избыточного труда, а для беднейшей части населения войска составляли непосильную тяжесть.

Агрономическая помощь населению находилась в самом зачатке. Народное образование стояло на весьма невысокой степени развития, но грамотность охватывала 77% всего населения станиц.

В силу вековой традиции казачество продолжало ценко держаться своих сословных привилегий, особенно его зажиточная верхушка. Казачество владело обширными душевыми наделами на общинном праве, но эксплуатировать эти земли могли только зажиточные классы станицы, между тем как бремя военной службы с ее материальными затратами одинаково падало на все население войска.

Под влиянием этого имущественного неравенства уже с 90-х годов прошлого столетия, после неурожая в 1891-1892 г.г., в войске начался процесс классового расслоения. Обедневшая часть казачьего населения, не имея средств для обработки своих душевых земельных наделов, сдавала их за бесценок в аренду кулацким элементам станицы и уходила на отхожие промыслы, — на заводы и золотые прииски, где соприкасалась с промышленным пролетариатом и заражалась его политическими настроениями. Под действием непосильных материальных затрат, сопряженных со снаряжением на службу за свой счет, этот процесс классового расслоения стал развиваться довольно быстро, и среди беднейших казаков проявилось стремление освободиться от казачьей кабалы, путем перехода в мещанское сословие.

Чтобы остановить процесс пролетаризации станицы, правительство после революции 1905 г. стало выдавать казакам 100 рублевое пособие для снаряжения на военную службу. Это до некоторой степени замедлило пролетаризацию станицы, хотя и не остановило совсем. Далее, чтоб сохранить казачество, правительство в ряде манифестов в 1907 г. подтвердило „исконное право“ казаков на занимаемые ими земли „на вечные времена“. Эти манифесты имели сильное воздействие на колеблющиеся элементы станицы и укрепили „казачьи настроения“.

После революции 1917 г. на первом Войсковом Съезде среди некоторых депутатов еще раз проявилась тенденция к „расказаченью“, но подавляющее большинство, стоявшее на „казачьей платформе“, оказалось сильнее, и эти тенденции были быстро ликвидированы.

В ряде съездов в 1917 г. казачество установило свою политическую платформу, требовавшую полной автономии в управлении и неприкосновенности не только своих земельных наделов, но и закрепления за ними на праве собственности земельных „недр“, с их ископаемыми богатствами.

Это требование сохранения сословных привилегий шло вразрез не только интересам революционного пролетариата, стремившегося

к уничтожению сословных привилегий, но и в разрез интересам малоземельного крестьянства, которое стремилось революционным путем уничтожить право собственности на землю.

Ходом революционных событий 1917-1918 г. казачество, ставшее на зыбкую почву защиты своих сословных привилегий во имя принципа частной собственности, волей не-волей стало на защиту привилегий дворянства и буржуазии и таким образом в своей массе оказалось по другую сторону баррикады, что привело его к полному разгрому в процессе гражданской войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Развитие в Оренбургской губернии жел. дорожного транспорта в конце XIX и начале XX в., как мы уже наблюдали, дало мощный толчок развитию промышленного капитала, а, следовательно, — усилению промышленного пролетариата.

По статистическим данным, в начале XX в. в Оренбургской губернии насчитывалось до 4500 индустриальных рабочих, занятых в ценз. вой промышленности, не считая рабочих ж. д. узлов с их главными мастерскими и депо в Оренбурге и Челябинске.

Жел. дорожные мастерские и депо стали крупными центрами революционного рабочего движения.

С другой стороны постоянный приток из центральных губерний России крестьянского населения, которое питало ненависть к крупным земельным собственникам — помещикам, революционизировало крестьянские массы, стремившиеся экспроприировать частное земельное владение. Наличие революционных рабочих кадров и пришлого крестьянства создали базу для аграрного и рабочего движения в крае.

В 1905 г., в связи с общим революционным движением в России, в Оренбургской губернии начались забастовки и стачки рабочих в Оренбурге и Челябинске, а затем, под влиянием их революционной пропаганды, вспыхнуло аграрное движение крестьян, которые разгромили некоторые имения помещиков.

Для борьбы с революционным движением рабочих и крестьян царское правительство использовало военную силу казачества, которое в революционном движении усмотрело угрозу своим земельным владениям и осталось верным самодержавию.

Участие казачества в подавлении революции 1905 г. привело его к конфликту с рабочим и крестьянским населением края, который после Октябрьской революции вылился в острую форму тяжелой гражданской войны и завершился разгромом реакционных сил казачества и полным торжеством Октябрьской революции.

Октябрьская революция, уничтожив сословное государство и покончив с привилегиями правящих классов дворянства и буржуазии, открыла новую эру социального строительства, соединив в единый трудовой союз рабочих, крестьян и казаков.

Советская власть провозгласила полное самоопределение национальностей и таким образом разрешила самый больной национальный вопрос, который не могло разрешить царское самодержавие с его методами удушения и руссификации национальных меньшинств.

Отныне все национальности края — русские, казаки, башкиры, калмыки и другие народности, населяющие Оренбургский край, на равных правах и началах призваны к устройению и управлению социалистического государства и к строительству новой трудовой жизни.

ЛИТЕРАТУРА.

1. **А. Алектров.** История Оренбургской губ., г. Оренбург 1883 г.
2. **И. Дебу.** Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Москва 1837 г.
3. **В. М. Витевский.** И. И. Неплюев и Оренбургский Край. г. Казань 1897 год.
4. **П. И. Рычков.** Топография Оренбургской губ. Оренбург 1887 г.
5. Его же. История Оренбургская (1730—1750 г.г.). Оренбург 1896 г.
6. **Столянский.** Материалы к истории города Оренбурга.
7. **В. Черемшанский.** Описание Оренбургской губернии. г. Уфа 1853 г.
8. **Д. Н. Соколов.** Оренбургская губерния. Географический очерк. г. Москва 1916 г.
9. **Кастанье.** Древности Оренбургского края.
10. **Брокгауз и Эфрон.** Энциклопедический словарь, ст. „Оренбургская губерния“, т 43; „Башкиры“ т. 5.
11. **В. П. Семенов.** „Россия“ т. V XVIII и XIX.
12. **А. И. Добросмыслов.** Тургайская Область. Исторический очерк. Оренбург 1902 г.
13. Списки населенных мест Оренбургской губ. Изд. Оренгубстатком (разные годы).
14. **Стариков Ф. М.** Откуда взялись казаки. Оренбург 1883 г.
15. Статистическое описание Оренбургского казачьего войска, томы X, XI и XII.
16. Азиатская Россия. т. I. Изд. Глав. Пер. Упр. СПб 1914 г.
17. Отчеты Оренбургской Пограничной Комиссии. За 50-е годы XIX в.
18. Отчеты наказного атамана Оренбургского казачьего войска (разные годы).
19. **Н. Н. Фирсов.** Пугачевщина Изд. Вольф. Петербург-Москва.
20. **Н. Дубровин.** Пугачев и его сообщники. С.-Петербург 1884 г.
21. Архивный фонд Оренбургского Губернского Правления за XVIII в.
22. Архивный фонд Оренбургск. военного губернатора с 1797 по 1880 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Г Л А В А I-я.

Оренбургский край и его историческое значение. Первоначальные обитатели края и памятники их культур. Археологические находки в крае. Великое переселение народов. Башкиры. Калмыки. Казаки. Русская колонизация края в XVI—XVII веке. Башкирские восстания до начала XVIII века 5—22 стр.

Г Л А В А II-я.

Устройство и колонизация Оренбургского края в XVIII в. Башкирские восстания с 1735 по 1740 г. Оренбургская пограничная линия Уральское и Оренбургское казачье войско и их роль в охране границ России 23—48 стр.

Г Л А В А III-я.

Национальная политика правительства. Развитие в крае торгового капитала в XVIII веке 49—60 стр.

Г Л А В А IV-я.

Национальное движение в Оренбургском крае во второй половине XVIII века. Пугачевское восстание в 1773—1774 г. г. 61—81 стр.

Г Л А В А V-я.

Политическое устройство Оренбургского края в конце XVIII в. Состав населения и культурное состояние края 82—93 стр.

Г Л А В А VI-я.

Военные реформы в Оренбургском крае. Образование Башкиро-Мещеряцкого и Калмыцкого войска. Преобразование Оренбургского войска Колонизация киргизских степей и развитие внешней меновой торговли в XIX веке 94—113 стр.

Г Л А В А VII-я.

✓ Состояние Оренбургского края в половине XIX века. Развитие колонизации и народного хоз-ва. Крестьянские восстания. Раздел Оренбургского края.—114-128 стр.

Г Л А В А VIII-я.

Оренбургская губерния после раздела 1865 г Развитие капитализма в конце XIX в. и в начале XX в. Заключение 129—140 стр.
Литература 141 стр.